

Донатто Карризи

Маэстро теней

Антонио, моему сыну.

Он – моя суть и мое величие

Donato Carrisi

IL MAESTRO DELLE OMBRE

* * *

1521 год после Рождества Христова. За девять дней до кончины папа Лев Десятый выпускает буллу, содержащую в себе торжественное обязательство.

Рим не должен «никогда, никогда, никогда» погружаться во тьму.

Понтифик распорядился, чтобы улицы, церкви и дворцы освещались по ночам. В лампах не должно иссякнуть масло, а на складах нужно во что бы то ни стало держать запас свечей.

Более трех столетий папский приказ неукоснительно выполнялся. А в конце девятнадцатого века, с появлением электричества, указания, содержащиеся в булле, оказались излишними.

Историки и богословы долго задавались вопросом, что именно подвигло Льва Десятого на такой шаг, что заставило установить такие правила. На протяжении веков расцветали пышным цветом самые разные, порой фантастические теории. Но никто так и не привел подлинного объяснения.

Тем не менее папская булла по-прежнему в силе, и по сей день власть тьмы над Римом остается неразгаданной тайной.

Рассвет

Отключение электроэнергии было запланировано на семь сорок одну утра. С этой минуты Рим должен был погрузиться в новое Средневековье.

Вот уже почти трое суток над Римом бушевала буря невиданной силы. Город хлестали беспрерывные ливни, при порывах ветра до тридцати узлов.[1]

Удар молнии вывел из строя одну из четырех электростанций, снабжавших город энергией. Началась цепная реакция, в силу которой остальные три подверглись опасному перенапряжению.

Чтобы устранить повреждения, было необходимо прекратить подачу тока на двадцать четыре часа.

Населению объявили о блэкауте накануне вечером, буквально в нескольких словах. Городские власти заверили, что технические службы приложат все усилия, чтобы устранить неполадки в обещанный срок. Но по причине отсутствия электричества будет прервана всякая связь. Ни телефонных линий, ни Интернета, ни сотовых. Ни радио, ни телевидения.

Полное обнуление технических средств. И прямо посреди природного катаклизма.

В семь тридцать, за несколько минут до отключения тока, Матильда Фрай у себя на кухне в первый раз за утро выпила кофе и сполоснула чашку. Поставила ее на полку и снова взяла с мраморного бортика раковины зажженную сигарету. Там, где она лежала, остался желтоватый след, и женщина долго вглядывалась в него.

Самые обыденные вещи неожиданно приносили покой.

Матильда укрывалась в них, чтобы отрешиться от собственных мыслей. Глаз не сводила с загнутой страницы журнала, распоровшегося шва, капли, сползающей по запотевшей стене. Но покой рано или поздно покидал ее, и стоило осушить каплю взглядом, как демон возвращался, напоминая, что тот тесный ад, в который женщину ввергли, никогда не отпустит ее.

Я не могу умереть. Не сейчас, говорила она себе. Но очень хотела этого.

Лицо Матильды вновь окаменело. Она поднесла сигарету к губам, сделала глубокую затяжку. Потом запрокинула голову и, глядя в потолок, выпустила облачко белого дыма, а вместе с ним всю горечь обиды. Когда-то она была красавицей. Но, как говорила ее мать, запустила себя и к тридцати шести годам непоправимо осталась одна. Никто не смог бы представить ее молодой девушкой. Люди видели – если вообще смотрели на нее – старуху, не успевшую состариться.

Настенные часы показывали семь тридцать две.

Матильда выдвинула стул из-под стола и уселась, придвинув к себе пульт дистанционного управления от телевизора, пачку «Кэмел» и жестяную пепельницу. Не успев погасить окурочек, прикурила от него следующую сигарету.

И все время смотрела прямо перед собой.

– Надо бы.. – Она осеклась. – Надо бы сводить тебя в парикмахерскую, подстричься, – наконец проговорила Матильда на одном дыхании, очень серьезным тоном. – Да, ты совсем зарос, особенно на висках. – Она протянула руку и показала где. – И челка эта мне больше не нравится. – Матильда убежденно кивнула: да, именно так и следует поступить. – Вот заберу тебя завтра из детского сада, и пойдем. – Она умолкла, но не отвела взгляда.

Матильда смотрела на дверь кухни.

За порогом никого не было, но на стене, у самого косяка, виднелись знаки, штук двадцать. Они следовали снизу вверх. Черточки разных цветов, возле каждой – дата.

Самая верхняя была зеленого цвета, рядом с ней значилось: «103 см – 22 мая».

Матильда внезапно очнулась, словно стряхнув с себя наваждение. Вернувшись к реальности, схватила пульт дистанционного управления и направила его на буфет, где стоял телевизор.

На экране появилось поясное изображение приятной блондинки в светло-розовом костюме строгого покроя. Ниже – бегущая строка: «Чрезвычайное положение в Риме объявляется с семи часов сорока одной минуты 23 февраля до окончания запланированного отключения электроэнергии». Ведущая ровным, умиротворяющим тоном зачитывала сообщение перед телекамерой. «Во избежание аварий по распоряжению городских властей полностью прекращается движение транспорта. Невозможно будет ни ездить по городу, ни выехать из него. Напоминаем, что аэропорты и вокзалы не работают со вчерашнего дня вследствие неблагоприятных погодных условий. Ввиду чего горожанам рекомендуется оставаться дома. Повторяю: ради вашей собственной безопасности и безопасности ваших близких не пытайтесь покинуть город».

Матильда подумала, что у нее и так никого нет, да и ехать некуда.

«В течение дня выходите из дому только в случае крайней необходимости. Если возникнет опасность для жизни, можете вывесить на окно белую простыню, и спасательные бригады, которые будут постоянно курсировать по улицам, придут вам на помощь. Напоминаем, что ночью необходимо соблюдать комендантский час, который начнется за час до заката. С этого момента будет приостановлено действие некоторых гражданских свобод».

Ровный тон и располагающие манеры ведущей, по идее, должны успокаивать, утешать, подумала Матильда, но эффект получался противоположный. Было во всем этом что-то гротескное, пугающее. Вроде улыбки на лице стюардессы, в то время как самолет падает.

«Подразделения полиции будут рассредоточены в каждом квартале, они получат широкие полномочия для обеспечения общественного порядка и предотвращения преступлений: агентам будет дано право производить арест на основании простого подозрения. Совершившие преступления в темное время суток будут судимы на месте и по всей строгости. Тем не менее городские власти призывают вас как следует запереться и принять необходимые меры, чтобы не допустить незнакомцев и злоумышленников в ваши жилища».

При этих словах Матильда внезапно похолодела, съежилась.

Блондинка-ведущая положила листки на стол, перед которым сидела, и поглядела прямо в камеру.

«Мы уверены, что вы станете вести себя сообразно обстоятельствам. Прощаемся с вами до следующего выпуска новостей, который выйдет в эфир по окончании чрезвычайного положения, через двадцать четыре часа начиная с этой минуты. Через несколько секунд звук сирены предупредит о прекращении подачи электроэнергии и отключении всех видов связи. Сразу после этого вступят в силу чрезвычайные меры и официально начнется запланированный блэкаут». Ведущая больше ничего не добавила, только еще раз улыбнулась в объектив. Потом ее лицо исчезло с экрана, и показалась надпись: «Конец передачи».

В этот самый миг снаружи раздался мощный голос сирен.

Матильда перевела взгляд на окно. Снаружи начинался день, хотя от мрачных туч, покрывавших небо, и царил полумрак. На кухне горела потолочная лампа, но свет ее не внушал уверенности: женщина уставилась на плафон, ожидая, что тот с минуты на минуту погаснет. Но свет все еще не гас. Дождь лил без остановки, и секунды растягивались, превращаясь в нестерпимую вечность. Матильда снова взглянула на настенные часы. Семь тридцать восемь. Нет, ожидание невыносимо. Нужно заглушить проклятые сирены, пронзающие мозг. Женщина раздавила в пепельнице вторую сигарету, встала из-за стола и подошла к старому миксеру, которым не пользовалась уже много лет, но который каким-то необъяснимым образом был подключен к розетке. Нажала кнопку. Включила тостер: нажала на обе пружинки, выставила время. Занялась плитой. Потом – стиральной машиной, затем посудомоечной. Без какой-либо видимой причины распахнула дверцу холодильника. Включила радиоприемник, стоявший рядом с раковиной, настроенный на волну классической музыки. Бах предпринял отчаянную попытку пробиться сквозь какофонию звуков, но потерпел поражение. Наконец, заведя все электроприборы, включив все лампы, Матильда Фрай уселась выкурить очередную сигарету. Снова взглянула на настенные часы, ожидая, когда закончится обратный отсчет времени и воцарятся тьма и безмолвие.

Пока секундная стрелка с натугой двигалась, зазвонил телефон.

Матильда в ужасе воззрилась на аппарат. Единственный звук, произведенный не ею. Годами она ни с кем не зналась и никто ею не интересовался. Если хорошенько подумать, этому аппарату даже и не место в доме, семейном гнезде, где она обречена на одиночество. В заточении образовалась брешь. Телефон не звонил, а вопил на разные голоса, как будто выкрикивая ее имя.

У Матильды был выбор: дождаться, когда близкий блэкаут положит конец попытке, или, подойдя к телефону, самой прекратить мучения.

Мне уже много лет никто не звонил. Никто не знает мой номер.

Оторваться от стула ее заставило не простое любопытство. Предчувствие. Сняв трубку с допотопного дискового аппарата, Матильда не сразу смогла поднести ее к уху – так дрожала рука. Женщина хотела что-то произнести, но в трубке слышались короткие электрические разряды, помехи. Потом сквозь пронзительный, раздражающий шум пробился голос.

Детский голос, умоляющий, полный страха.

– Мама! – услышала Матильда, похолодев. – Мама! Mamochka! Приходи, заведи меня отсюда, мама!

Она заставила его выучить наизусть этот номер перед тем, как в первый раз отвести в детский садик. Подумала, что его легче запомнить, чем номер сотового. Ей вдруг вспомнилась эта сцена: он сидит за столом на этой же самой кухне, только что съев завтрак: молоко, печенье, виноградный мармелад. Матильда стоит перед ним на коленях, завязывает шнурки. А сын тем временем повторяет цифру за цифрой, и она делает то же, но беззвучно, одними губами, чтобы не слишком облегчить ему задачу. Хотела быть уверена, что он все правильно запомнит.

Образ из прошлого исчез так же внезапно, как появился. Матильда Фрай вновь оказалась выброшенной в настоящее. Охваченная смятением, она смогла все-таки произнести:

– Тоби... – Свободной рукой женщина заткнула ухо: шум электроприборов, которые она сама включила, мешал разобрать слова.

– Не оставляй меня здесь! Не бросай меня одного! – Снова разряды, помехи на линии. – Я здесь, – звучал детский голосок. – Я...

Сначала все стихло. Все лампы на кухне погасли одновременно. Лезвие тьмы обрушилось на предметы, неподвижно застывшие.

Только тогда Матильда поняла, что и телефонная трубка онемела.

Молчание было каким-то неестественным, будто в ней никогда и не раздавалось ни звука и все, что Матильда только что услышала, явилось плодом ее воображения... или безумия.

Теперь Матильда дрожала всем телом и не могла с этим совладать. Потом снова подняла взгляд на настенные часы.

Ровно семь сорок одна.

В семь часов сорок одну минуту сирены умолкли.

Но точное время начала запланированного блэкаута люди запомнили не потому, что внезапно замерли в летаргическом сне все электроприборы и десятилетия технического прогресса в единый миг оказались сметены, и не потому, что внезапно оборвалась связь и наступила вызывающая клаустрофобию изоляция, – нет, явившись из глубины веков, словно призрак прошлого, на город опустилась нереальная, доселе неведомая тишина. Под монотонный шум дождя этот покой, к которому жители Рима не привыкли, казался еще более зловещим.

Но именно внезапно наступившая тишина вернула его к жизни.

Он вынырнул из удушливых глубин сна, отчаянно ловя воздух ртом. Но только с третьей попытки в легкие попало немного кислорода. Он не просто спал, он лишился чувств, задыхаясь в собственном теле. И открыл глаза навстречу очередному мраку.

Я ослеп.

Дышать, наверное, было трудно из-за позы, в которой он лежал: лицом вниз, руки заведены за спину, что-то холодное стискивает запястья. Наручники? Мужчина зашевелился, пытаясь встать на колени, чтобы наконец избавиться от мучительного удушья. Все тело ныло, суставы стгибались с трудом. Подниматься было нелегко.

Я голый. У меня болит в груди.

В мозг начал поступать кислород, яркие точки заплескали перед глазами. Нет, он не потерял зрение: это мир вокруг него поглотило небытие.

Где я? Кто я такой?

Он совсем растерялся. Не только снаружи, но и внутри его царил полная тьма.

Кто я такой, где я?

Кроме отдаленного шума дождя, единственный ориентир давало обоняние. Здесь воняло. Стоячей водой, чем-то еще.

Смертью.

Он озяб, закашлялся. Раскатистые звуки поразили его. Он снова покашлял, прислушался, пытаясь прикинуть, как скоро отзовется эхо. В отчаянии желая понять, насколько велико помещение, где он очутился, использовал собственный голос в качестве радара. Раз за разом повторял опыт, стоя на коленях и поворачиваясь всем телом. Но этого было недостаточно. Тогда он напряг поясницу и попытался встать. В первый раз повалился на бок. Попробовал еще раз, помедленнее: получилось.

Ноги вязли в липкой, холодной жиже, но под ней ощущался камень, наверняка обработанный. То, что он не в земле, не в могиле, несколько приободрило его. Ведь из могилы выйти нельзя. Из здания – можно. В здании всегда есть вход и, соответственно, выход.

Вознамерившись любой ценой отыскать его, мужчина двинулся вперед в крошечном мраке. Пол был неровный, но ему удавалось сохранять равновесие. Надеюсь, что на пути не встретится никаких препятствий, он шагнул без особых предосторожностей, рассчитывая рано или поздно наткнуться на стену. Вытянуть руки перед собой он не мог, значит оставалось смириться с тем, что он врежется в стену на полном ходу.

Удар был несильным, но он снова почувствовал стеснение в груди. Глубоко вдохнул, подождал, пока неприятное ощущение пройдет.

Потом прижался левой щекой к стене. Сразу распознал гладкую поверхность. Туф. Решил двигаться по периметру, пока не обнаружится дверь или другое отверстие. Сделал первый шаг, но споткнулся об острый камень и сильно ушиб палец на ноге. В ярости даже забыв о боли, хотел было пнуть его, но удержался: нужно просто ступать аккуратнее. По мере того как он тащился вдоль стены, образ помещения, где ему довелось очнуться, вырисовывался все отчетливее. По дороге ему не встретилось ни единого угла.

Круглый зал.

Материал постройки – огромные, положенные одна на другую плиты – наводил на мысль о чем-то очень древнем. Прежде всего он и представить не мог, что зал настолько просторный. Но чем дальше он шел, тем острее сознавал, что первое впечатление оказалось обманчивым. Казалось, эта стена никогда не кончится. Где же дверь? Проклятье! Холод камня проникал под кожу, сковывал тело. Его трясло, он чувствовал, как дыхание ледяными каплями оседает на лице. Если в ближайшее время он не выйдет отсюда, то замерзнет насмерть. Но стало не до этих мыслей, когда он вытянул ногу, чтобы сделать очередной шаг. Опустил стопу и застыл на месте: носком ноги он коснулся чего-то знакомого.

Острый камень, о который споткнулся раньше.

Вначале мелькнула догадка. Он все бы отдал, чтобы она не подтвердилась, чтобы не пришлось принимать в расчет то, что лишало его всякой надежды. Но почти тотчас же догадка приобрела ужасающие очертания леденящей душу уверенности.

Он совершил полный круг. Из помещения не было выхода.

Гробница, подумал он. Моя гробница. В этом не было логики, ведь как-то он попал сюда – вот неопровержимое доказательство того, что вход все-таки существует. Но обнадеживающее умозаключение вскоре оказалось опровергнуто другим, не менее весомым.

Кто-то замуровал его здесь. Замуровал заживо.

Он прислонился к стене, сполз на пол, скорчился. Смертная тоска охватила его, прихлынула жаркой волной. Паника – настоящий яд для рассудка. Он попытался справиться с ней, взять себя в руки. Но тоскливая тревога ширилась. Кто я такой, где я? Кто я такой, где я? Кто я такой, где я?.. Что-то теплое скользнуло из носа к верхней губе. Капля попала в уголок рта, и он попробовал вязкую жидкость на вкус. Кровь. Его кровь.

Носовое кровотечение.

Он никогда не знал, от чего оно зависит, не мог заранее предвидеть его: это могло с ним случиться в любой момент. Одно он знал точно: это расстройство составляло неотъемлемую его часть, такую же, как черты внешности или характера. Недостаток, с которым он сжился, к которому привык. Он никогда не понимал, почему Господу было угодно навязать ему этот небольшой, но досадный изъян. Теперь, через много лет, наконец понял. Господь совершил это затем, чтобы в день скорби он смог изо всех сил уцепиться за это свое качество и с его помощью вывести память из тьмы.

Меня зовут Маркус, сказал он себе. И я страдаю носовыми кровотечениями.

Прочие воспоминания хлынули неудержимым потоком. Я – священник. Принадлежу к священному ордену пенитенциариев, который подчиняется Судилищу душ. Я – последний представитель этой конгрегации. Никто не знает обо мне, никому не известно, кто я такой. И он стал повторять слова, которым его когда-то научили: «Есть место, в котором мир света встречается с миром сумерек. Там-то и происходит главное: в краю теней, где все разрезано, смутно, нечетко. Я – страж, призванный охранять эту границу. Ибо время от времени что-то прорывается... Я – охотник за тьмой. Моя задача – сдержать ее, отправить обратно».

Он почти успокоился. Ведь его самый страшный кошмар – куда страшнее, чем быть погребенным заживо, – это забыть, кто он такой... снова забыть.

Несколько лет назад он очнулся без памяти в Праге, на больничной койке, после того как в гостиничном номере ему выстрелили в висок. Амнезия – как плоский, неподвижный океан: ни ветра, ни течений. Невозможно плавать по этим водам, в них никогда ничего не случается. Остается дрейфовать на месте и вечно ждать помощи, которая никак не приходит.

Но однажды ночью к его изголовью склонился Клементе, наставник, и пообещал раскрыть правду о его прошлом в обмен на торжественное обещание, которое свяжет его на всю оставшуюся жизнь. Он согласился. Никто не мог бы вернуть ему старые воспоминания, но с этого момента появился способ создать себе новые. Так и получилось. Поэтому Маркус не хотел утратить и эти воспоминания тоже. Хотя по большей части они причиняли боль.

Клементе уже погиб. А у него, Маркуса, есть имя – самое драгоценное его достояние. Единственные знаки прошлого, того, что было до Праги, – шрам на левом виске... и, благодарение Богу, носовые кровотечения.

От спазма в груди снова пресеклось дыхание. Маркус, сражаясь с болью, инстинктивно наклонился. Он не знал, что с ним такое, ничего подобного он не испытывал за всю свою жизнь – по крайней мере, за ту ее часть, какую

мог вспомнить. Стало легче. Боль исчезла так же внезапно, как и появилась.

На этом нельзя останавливаться, подумал он. Недостаточно того, что он очнулся от сна, который мог бы нежно препроводить его в объятия смерти. Смерть все еще была рядом. В самом деле, он не находил никакого способа избавиться от хватки наручников. Поэтому, прежде чем снова нахлынет страх, одолевая элементарный инстинкт выживания, он попытался во что бы то ни стало восстановить в памяти, что же с ним в действительности стряслось. Вопрос о том, где он находится, отложил на время: сначала следует прояснить кое-что другое.

Как он здесь очутился? Почему в наручниках? И самое главное: кто сделал это с ним?

В памяти образовалась черная непреодолимая стена. Последнее, что он помнил: сеть, снабжающая Рим электричеством, повреждена и, возможно, возникнет необходимость временно прекратить подачу энергии в город. Но он не знал, сколько времени прошло с того момента. Вряд ли дни, тем более недели. Доказательство – то, что он до сих пор жив. Раньше, чем во внешнем мире, блэкаут совершился у него в голове. Хотя речь шла о кратковременной амнезии, не затронувшей основную память, Маркус все равно испугался.

Что ее вызвало? Может быть, удушье?

Нужно восстановить произошедшее. Точно так же он, втайне посещая сцены преступлений, пытался рядом с трупом человека, зарезанного, или разрубленного на куски, или сожженного, прочесть знаки зла. Ведь именно это он умел делать, это получалось у него лучше всего. Искать аномалии. Едва заметные прорехи в картине обыденности. Изъяны в сплетении вещей – вроде носового кровотечения. Часто за ними обнаруживался тайный умысел. Дверцы, ведущие в иное измерение, тайный проход к другой истине.

Но в данном случае перед ним не лежало безмолвное тело, которое можно было бы спросить взглядом.

На этот раз жертвой оказался он сам.

И он не владел всеми необходимыми для расследования чувствами. Мало того что последние события стерлись из памяти, наручники, стиснувшие запястья, сильно ограничивали возможности осязания. Но больше всего ему не хватало зрения. Призвав на помощь слух и обоняние, Маркус принялся исследовать темноту. Шум дождя, приглушенный, доносящийся как легкий непрерывный перестук, и резкий запах сырости говорили о том, что он находится под землей. В цистерне, может быть, в катакомбах. Но больше ничего выявить не удалось.

Его скрутил новый приступ боли в груди, почти отнявший дыхание: опять то же самое, будто ему вонзили под ребра добела раскаленный клинок. Откуда такая боль? Словно он проглотил какую-то отраву и желудок пытается исторгнуть ее.

В воображении возникла картина: злобное насекомое вгрызается в грудь изнутри, устраивая себе жилище.

Боль отпустила. Аномалии, напомнил он себе. Единственная надежда, какая ему осталась, иначе – гибель. С этого он и начал: его гибель, смерть. Кто-то заточил его здесь, снял одежду, сковал наручниками. И все-таки, если не считать неизвестно откуда взявшегося спазма, время от времени появлявшегося в районе пищевода, Маркус был абсолютно цел и невредим.

Меня хотят уморить голодом.

Маркус представил себе различные фазы процесса, который приведет его к верной смерти. Через несколько дней без еды, не получая питательных веществ, углеводов и жиров, чтобы поддерживать обмен, организм начнет сжигать мышечную массу. По сути, тело примется поглощать себя. Внутренние органы поднимут тихий мятеж, сопровождаемый несказанными муками, пока не сдадутся окончательно. Такая пытка может длиться неделями. Конечно, Маркус может глотать гниющую жижу и запивать водой, скопившейся на полу темницы. Это замедлит обезвоживание, но в конечном счете только продлит агонию. Может, это и к лучшему, что тюремщик снял с него одежду и сковал руки. Невозможность пользоваться руками и воздействие холода добавляют страданий, зато приближают кончину.

Почему он избрал для меня такую смерть?

Убийца хотел, чтобы Маркус обезумел, чтобы вгрызался в собственную плоть, тщетно пытаясь облегчить муки голода. Маркус читал о спелеологах, заблудившихся в недрах земли, лишенных пищи: в них со временем пробуждался природный инстинкт каннибализма. Слабейших пожирали сильнейшие. Кто был не в силах одолеть других, ждал своей очереди стать пищей, но тем временем испытывал непреодолимое желание отгрызать куски от собственного тела. Желудок одолевал мозг – голод оказывался сильнее рассудка.

Чем я это заслужил?

«Заслужил»: вот ключевое слово.

Первая аномалия: убийца не хотел просто покончить с ним. Хотел его покарать. В Древнем Риме смерть от голода была очень распространенной казнью.

– Темница! – выкрикнул пенитенциарий в кромешный мрак. – Я в темнице!

Туф, из которого были сложены стены его тюрьмы, свидетельствовал о том, что ее построили тысячи лет назад. Но в Риме имеются десятки подобных мест.

Нет, сказал себе Маркус. Он притащил меня сюда с определенной целью. Он хотел, чтобы я очнулся, поэтому не убил сразу. Хотел, чтобы я умирал медленно, но главное, чтобы осознал.

Этот садист хочет, чтобы я выяснил, где нахожусь. А значит, понял, что никогда не выберусь отсюда живым.

Поэтому Маркус должен был определить, чем эта тюрьма отличается от прочих. Он снова погрузил ступни во влажную жижу.

Вторая аномалия: вода.

Она холоднее дождевой. Не льется сверху, а просачивается снизу. Источник. Tullius, тут же припомнил он латинское слово. Родник, выходящий на поверхность в туфовых пещерах возле холмов Капитолия, там, где находилась Мамертинская, или, вот именно, Туллианская тюрьма. Должно быть, он и находится как раз в Туллиануме, подземной темнице, разделенной на два уровня. Верхний служил для допросов, пыток и казней. На нижнем узники, брошенные сюда сразу после ареста, ждали своей очереди. Тем временем они могли слышать вопли товарищей по несчастью и трепетать перед тем, что вскорости выпадет на их долю.

Если это Туллианум, здесь должен быть вход.

Существовал единственный способ обнаружить его. Маркус прислонился спиной к стене и, опираясь на пятки, встал. Обретя равновесие, медленно двинулся туда, где, по его представлениям, находился центр зала. Поскольку помещение круглое, достаточно пересечь его по диаметру, хотя в темноте трудно придерживаться точного направления. Он не знал даже, сколько шагов отделяет его от нужного места. Но, шагнув раз десять, почувствовал что-то у себя над головой.

Слабый сквозняк.

Маркус остановился. Прямо над ним должно находиться круглое отверстие, ведущее в катакомбы. Но насколько оно высоко? Даже если бы руки у него были свободны, он все равно бы до него не допрыгнул. Или допрыгнул бы?.. Может, именно поэтому убийца сковал его. Маркус послал ему проклятие. Но ярость не должна взять верх. Выбор места, наручники: тому и другому есть причина. Что еще нуждается в объяснении?

Третья аномалия: нагота.

Почему он оставил меня здесь без одежды?

Ответ: чтобы унижить. Он снял с меня одежду, потому что я священник, хотя и не ношу облачения. Но для него разницы нет. Худшее унижение для служителя Бога – быть обнаженным, осмеянным. Христос был распят нагим. Но, будучи служителем Церкви, он тотчас же узнал Мамертинскую тюрьму: легенда гласит, что именно здесь содержались апостолы Петр и Павел. Тюремщик предвидел, что Маркус вспомнит об этом.

Петру и Павлу удалось выбраться из этого места... Он предоставляет мне возможность спастись, подумал пенитенциарий с ожившей надеждой. Он подвергает меня испытанию.

Апостолы вышли на свободу, обратив тюремщиков и окрестив их водой из Туллиуса.

– Вода... Крещение, смывающее грехи... – перечислял Маркус, пытаясь отыскать какой-то смысл или просто связь. – Вода очищает душу. Душа, очистившись,

воспарит на небеса и пребудет во славе Господней. – Так и он мог бы подняться к отверстию над своей головой и обрести свободу. Все обретало сугубо символический смысл. Маркус чувствовал, что близок к решению загадки. – Душа внутри тела... Значит, и спасение внутри.

Произнеся последнюю фразу, он умолк и отрешился от всех посторонних мыслей, боясь, как бы не выскользнул краешек истины, за которую он едва-едва ухватился. В догадке был смысл.

Четвертая аномалия: боль в груди.

Я не ранен, повторил он. Только этот спазм настигал его несколько раз, но быстро проходил. Какая это боль? Раздирающая. Перехватывающая дыхание.

Дыхание, повторил Маркус. Если бы он не очнулся, то умер бы от удушья. Недостаток кислорода, возможно, привел к потере сознания, а затем и памяти. На ум снова пришел образ прожорливого насекомого, которое прогрызает нору у него в груди.

Это удушье, эта боль не патологии. Они чем-то вызваны. Теперь Маркус знал, что ему делать.

Он снова встал на колени. Нагнулся вперед. Закашлялся, все сильнее и сильнее, в надежде, что спазм вернется и вместе с ним раздирающая боль в груди и в боку. Нагой, коленопреклоненный, словно кающийся грешник, он призывал спасительную му?ку. Напряг диафрагму, пытаясь извергнуть то, что находилось в желудке. Жестокий спазм, затем еще один. Рвота. Пища, жидкости. Он не ошибся: доказательство – то, как все это поднимается по пищеводу.

Меня заставили что-то проглотить. Чужеродное тело – насекомое.

Тварь не двигалась – возможно, вцепилась в ткани. Нужно выбить ее. Он снова и снова вызывал рвоту. Каждый раз боль была раздирающая, но Маркус чувствовал, что чужеродное тело медленно продвигается. Когда вышли все остатки пищи, он стал выплевывать желудочный сок. Затем настал черед крови. Маркус ощутил на языке ее металлический вкус, но не отступился, несмотря на опасность внутреннего кровотечения. Время от времени прерывался, чтобы отдышаться. Однако чужеродное тело миллиметр за миллиметром выходило наружу.

Это – дьявол. Он принял вид насекомого и завладел мною. Моей душой. Господи, помоги мне. Боже Всемогуший, помоги мне.

Глаза горели, челюсть едва не отваливалась. Маркус знал, что долго не выдержит. А если снова потеряет сознание, то больше не очнется. Последним, отчаянным усилием вызвал мощнейший спазм. И почувствовал, как в рот вместе с кровью проникло что-то твердое. Как при экзорцизме, он освободился от демона. Хотя и не был до конца в этом уверен.

Пока не услышал, как что-то звякнуло. Перед ним, совсем рядом.

Не дожидаясь, пока ему станет лучше, Маркус погрузил лицо в жидкую грязь и стал искать чужеродное тело тем же ртом, из которого его выплюнул. Губы коснулись металла. Так он и думал.

Насекомое не что иное, как маленький ключ.

Маркус взял его в зубы и снова подполз к стене. Уронил у ее подножия, снова подобрал кончиками пальцев. Ему не терпелось освободиться, поэтому операция заняла больше времени, чем требовалось. Наконец ему удалось вставить ключ в замок наручников и отстегнуть их.

Вновь обретя возможность пользоваться руками, он вернулся туда, где раньше почувствовал сквозняк. Чтобы не поскользнуться, очистил пол от липкой грязи. Потом пригнулся, разогнулся и прыгнул, вытягивая руки вверх. Неудача. Вторая попытка. Опять ничего. Только на седьмой раз он коснулся свода. Еще десять попыток – и ему удалось вцепиться в закругленный край отверстия. Невероятным усилием он подтянулся, уперся локтями о пол верхнего отсека, заскользил, обдирая руки. Но не ослабил хватку. Цеплялся ногтями за каменный пол, вжимался в него всеми мускулами, всеми костями.

Наконец выбрался наружу. Но и там его ждала темнота.

Маркус лег на спину, собираясь с силами. Он раскинул руки, грудь двигалась, словно поршень, при каждом вздохе. Маркус перекрестился в знак благодарности за спасение. Потом попытался собраться с мыслями. Он помнил, что от верхнего уровня Туллиануса отходило несколько галерей, ведущих на поверхность. Мало-помалу, на ощупь, он отыщет выход.

Поднимаясь, он зацепился за что-то коленом. Пошарив по полу, нащупал длинный предмет из пластмассы. Электрический фонарь. Маркус включил его. Луч света попал в лицо, заставил зажмуриться. Тогда он повернул фонарь к отверстию, ведущему в нижний отсек.

Из черной пасти сочилась тьма.

Маркус отвел оттуда луч и стал исследовать помещение. Тогда он ее и увидел. Свою одежду, сложенную в углу. Его поразило, как аккуратно свернута каждая вещь. Он продрог, стоило одеться. Но вещи насквозь промокли от дождя. Значит, я здесь недолго, сказал он себе, иначе они бы высохли. Маркус все равно оделся, иного выхода не было. И сделал очередное открытие.

Вместо своих обычных черных ботинок он обнаружил белые парусиновые туфли. Откуда они взялись?

Одевшись, он сунул руку в правый карман брюк, проверить, на месте ли медальон с изображением святого Михаила-архангела, покровителя пенитенциариев. Рядом с медальоном обнаружился листок, сложенный в несколько раз. Маркус поднес его к глазам. Развернул.

Страничка, вырванная из записной книжки.

Маркус сразу узнал свой почерк. Одним из правил охотников за теньями было не оставлять следов, по которым можно было бы обнаружить их существование. Маркус не делал записей, не пользовался диктофоном, старался, чтобы его не снимали на видео и не фотографировали. Не имел никакой электроники, по которой его можно было бы выследить или обнаружить его местонахождение, даже сотового телефона. Поэтому такая находка показалась ему еще более странной, чем белые парусиновые туфли. На листке виднелась краткая запись:

Найди Тоби Фрая.

Послание, которое он оставил себе самому. Маркус из прошлого, из момента, предшествовавшего краткой амнезии, которая привела его на дно темной и зловонной ямы, нашел способ подать весточку Маркусу из настоящего.

Речь наверняка шла о срочном деле. Кто такой Тоби Фрай? Кто-то знакомый? Это имя – единственная зацепка, только оно поможет восстановить память о том, что случилось в последние часы ночи перед блэкаутом.

Прежде чем отправиться на поиски выхода, Маркус еще раз заглянул вниз. Такое ощущение, будто он не один. Будто бы там, внизу, кто-то все время был рядом, таился во тьме. Молча следил за ним, проницая мрак зоркими глазами.

3

7 часов 24 минуты до захода солнца

Общественные заведения, магазины, офисы и школы закрылись на неопределенный срок. Погасли уличные фонари, а вместе с ними и светофоры на перекрестках. Только бригады «скорой помощи», полицейские и пожарные имели право разъезжать по городу, всякое иное движение прекратилось. Метро тоже было закрыто.

Передвигаться можно было только пешком.

По идее город должен был опустеть. Но несмотря на чрезвычайное положение, некоторые по-своему восприняли ситуацию. Невзирая на предупреждения и рекомендации, люди во множестве высыпали на улицы, дабы лично присутствовать при удивительном явлении, собственными глазами увидеть Рим, избавленный от беспорядочного скопления автомобилей и толп туристов. Странная эйфория, род коллективного безумия, овладела людьми, подвигая их на безрассудство: бросая вызов непогоде, они толпились на мостах, на площадях, чтобы отпраздновать неизбежный и жалкий конец города, считавшегося вечным.

Маркус смешался с толпой, невидимый, как всегда. Сунув руки в карманы куртки, сторбившись, пряча лицо за поднятым воротником, он жался к стенам домов, чтобы укрыться от дождя.

Он был чужим посреди этого стихийно возникшего карнавала. Но на него никто не обращал внимания. Все были слишком заняты, творя экзорцизм, изгоняя страх, о котором никто не упоминал, но который, собственно, и послужил истинной причиной того, что люди покидали дома. Пока длился день, пока слабый свет позволял различать лица друг друга, все происходящее представало перед их глазами неожиданно новым, полным радости и веселья. Но Маркус явственно ощущал их подспудный, неосознанный страх.

Никто не знал, что будет, когда опустится тьма.

Несмотря на меры, принятые для предотвращения анархии, несмотря на заверения властей, заход солнца представлялся неким подсознательно ощущаемым водоразделом. С того момента город превратится в вотчину теней. Они пока что прятались на пределах света, но под покровом сумерек выйдут из укрытий, давая волю самым опасным импульсам.

Поэтому Маркус ускорил шаг: им овладело дурное предчувствие. Как еще можно было объяснить инструкцию, содержащуюся в листке, который он нашел у себя в кармане?

Найти Тоби Фрая.

В иных обстоятельствах он прежде всего зашел бы в интернет-кафе и поискал бы ссылки в Сети. Но блэкаут все изменил. То, что раньше решалось просто, сейчас оказалось практически невозможным. Поэтому первым делом пенитенциарий направился к себе домой, на улицу деи Серпенти. Нужно было переодеться в сухое. И побыстрее: Маркус боялся, что за домом следят, хотя и удостовериться, что он не выжил после пытки в Туллиануме. Он совершенно не помнил, кто его враг, даже не способен был восстановить ход событий, уяснить себе, ради чего ему пришлось рисковать жизнью, так что приходилось полагаться на инстинкт, который подсказывал, что следует проявлять крайнюю осторожность.

Подойдя к дому, Маркус остановился на другой стороне улицы, на углу. Исподтишка поглядел по сторонам. Улочка района Монти заполняла молодежь, парни и девушки двигались к более людным местам, где разворачивались неуместные празднества. Их крики и хохот, чуть приглушенные шумом дождя, гулко раздавались между старых стен.

Маркус выждал с четверть часа, дрожа от холода под козырьком крыльца. Наконец убедился, что опасности нет: нигде ничего подозрительного, никакой засады. Тогда он вышел из укрытия.

Проворно юркнул в парадное и по лестнице доходного дома поднялся в мансарду. Все эти годы жильцы не выказывали особого любопытства по поводу загадочного обитателя последнего этажа. Маркус редко бывал на виду. Днем он запирался у себя и старался как можно меньше шуметь. По ночам выходил выполнять свою миссию и возвращался только на заре.

Добравшись до тесной квартирki, извлек ключ из выемки рядом с косяком и открыл дверь.

Все было на месте, все как прежде, насколько он мог припомнить. На полу – открытый чемодан с одеждой, в углу примитивное ложе. На стене, вдоль которой располагалось это ложе, усталое простынями и одеялами, под деревянным распятием виднелись надписи, сделанные фломастером. Они относились к тому первому разу, когда Маркус нарушил правило, запрещающее пенитенциариям что-либо писать от руки: во второй раз это случилось ночью, чему свидетельство – листок, найденный в кармане. Знаки на стене он оставил после событий в Праге и тяжелой амнезии, поразившей его. Уже приехав в Рим, в отчаянных попытках воскресить прошлое, просыпаясь, он записывал на стене обрывки воспоминаний, которые всплывали на поверхность, – обломки крушения, которое он потерпел внутри самого себя, мертвецы, которых море тьмы отдавало одного за другим. Надписи уже выцвели, да и тревога исчезла. Теперь Маркус уже не боялся того, что случилось с ним: боялся только, что это случится еще раз.

Как сегодня ночью, подумал он. Мысль о том, что он не может припомнить последние часы, терзала его. Это единичный, случайный эпизод или такое может произойти снова?

Размышляя об этом, Маркус переодевался. Хотелось бы также сменить белые парусиновые туфли, насквозь промокшие под дождем. Но у Маркуса не было другой обуви, кроме черных ботинок, которые надевались неизвестно куда. Чтобы снова натянуть мокрые туфли, он уселся на единственный в комнате стул. И замер. Его внимание что-то привлекло. На постели, поверх скатанных одеял, лежала хорошо знакомая фотография.

Никто не знает обо мне. Никто не знает, кто я такой, твердил он себе в тюрьме Туллианума. Но это неправда. Кто-то о нем знает. И доказательство – эта фотография.

Моментальный снимок женщины, сделанный украдкой, на разовый фотоаппарат из картона, купленный в сувенирном киоске в Трастевере. Он до сих пор вспоминал момент, когда сделал эту фотографию.

После того как они навсегда простились – и после поцелуя, о котором Маркус не забудет никогда, – он часто следил за ней исподтишка. Его толкала на это неодолимая потребность заботиться о ней, убеждаться, что у нее все хорошо. Только это, больше ничего, уговаривал он сам себя. Но однажды захотел ее сфотографировать. Дождался, пока она выйдет из дому тем осенним утром. Над Римом дул свежий ветер, порывистый, резкий. Чтобы улучшить момент, Маркус подошел к ней совсем близко. Ветер задул сильнее, и она обернулась, будто услышав в его свисте свое имя – Сандра.

Маркус запечатлел именно этот момент.

В этой единственной, драгоценной фотографии заключалась вся ее сущность. Сила и нежность. И печаль во взгляде.

Маркус прятал фотографию под подушкой. Когда он вспоминал, что лицо Сандры ждет его в этой пустой мансарде, ему казалось, будто он

возвращается домой. Но теперь фотография лежала не на месте. И тому было только одно объяснение.

Его кто-то навестил. И, уходя, пожелал оставить зримый след своего визита.

Маркус бережно коснулся фотографии. Поднял ее за уголок и увидел под ней маленький черный крестик из обсидиана. Он сразу уяснил себе значение находки.

Пенитенциарий был призван.

4

Батиста Эрриага стоял перед широким окном своей роскошной мансарды с видом на Императорские форумы.

Великолепная панорама поблекла от дождя, но кардинал этого не замечал. Погруженный в раздумья, он вертел пастырский перстень на указательном пальце правой руки. Это движение, почти бессознательное, помогало ему размышлять.

За его спиной в огромном камине из розового травертина потрескивал огонь. Блики от пляшущих языков пламени скользили по белой обивке диванов, по стенам, расцвечивая лица эфебов из белого мрамора, добавляя красок триптиху из Священной истории, написанному Гверчино и принадлежавшему в семнадцатом веке к частной коллекции кардинала Лудовизи, или оживляя скорбящий лик Мадонны кисти Перуджино. С этими шедеврами соседствовали картины Гирландайо и Антонио ди Поллайоло, Паоло Уччелло и Филиппо Липпи. Они происходили непосредственно из музеев Ватикана: Эрриага, занимавший прочное положение в курии, испросил их для украшения своих апартаментов и получил желаемое. Испытав в детстве и юности на Филиппинах голод и нужду, кардинал теперь любил обращать свои взоры исключительно на прекрасное. Но в данный момент произведения искусства не дарили ему утешения.

День его начался рано, и начался с самого худшего.

И подумать только: вчера вечером, прослушав прогноз погоды, он запланировал с комфортом переждать бурю у себя дома, в тепле, погрузившись в любимое кресло, в обществе Моцарта, коробки сигар «Монтекристо № 2» и бутылки коллекционного виски «Гленфиддиш» 1937 года.

Несмотря на атмосферу умеренности, царящую с некоторых пор в Ватикане, Эрриага не намеревался отказываться от немалого количества материальных благ. И в отличие от прочих коллег-кардиналов, которые для публики приняли более скромные стандарты в одежде и поведении, оставив роскошь для частной жизни, он на все на это плевать хотел. По-прежнему носил

сутаны из шелка и мохера, пошитые в мастерских на улице Честари, надевал на шею золотые кресты, усеянные бирюзой и аметистами. И продолжал посещать рестораны, в которых представители высших сфер Ватикана заключали соглашения со столичными политиками и предпринимателями: «L'Eau Vive» рядом с Пантеоном, где любил заказывать знаменитые Filets de perche a la pekinoise, [2] «Веландо» в Борго-Сан-Витторио, где всегда брал на десерт мягкое мороженое из каштанов с миндальным кремом, до каковой сласти был большой охотник. Разумеется, запивал он еду самыми дорогими винами: предпочитал красное «Шамболь-Мюзиньи» и «Брунелло ди Монтальчино». И все это потому, что он никогда не был и никогда не будет таким, как другие.

Адвокат дьявола в Судилище душ обладал огромной властью.

«Первому исповеднику» Рима были известны самые тайные грехи людей. И он этим пользовался, чтобы заключать союзы и умирять врагов как вне, так и внутри Церкви. Кто-то, может, и определил бы его увещевания как шантаж, но Эрриаге, когда он вершил свои дела, нравилось воображать себя добрым отцом семейства, которому иногда приходится наставлять детей, сбившихся с пути истинного. Он полагал, даже наедине с собой, будто преследует высшую цель, которая каким-то образом весьма благотворно влияет на его текущий счет.

Уже много лет Эрриага держал в кулаке половину Рима, благодаря тому что получил доступ к чужим секретам.

Дело в том, что многие, запятнав себя какой-нибудь гнусностью, совершали роковую ошибку: шли к священнику, чтобы облегчить свою совесть. Смертные грехи, которые не может отпускать рядовой служитель Церкви, поступают в Судилище душ, для католиков – последнюю инстанцию, где рассматривается каждый culpa gravis. [3] Там кардинал и знакомился с ними. Эрриага с самого начала отдавал себе отчет, что очередной кающийся грешник рано или поздно возьмется за старое. Все они таковы: вроде бы и одумались, и искренне сожалеют, но достаточно какого-нибудь пустяка, чтобы все началось сначала.

Прощение, отпущение грехов – вот питательная почва, на которой возрастает искушение.

Эрриага сожалел о том, что прошли времена святой инквизиции, когда грешников наказывали телесно, по всей строгости за их злодеяния. Доказано, что многие обращались в веру и больше не поддавались на лживые посулы демона.

Грех искоренялся болью.

К сожалению, кардинал не располагал подобными средствами убеждения, поэтому терпеть не мог, когда события выходили из-под контроля.

И со вчерашнего вечера две новости глубоко взволновали его.

Первая – объявление блэкаута как непредвиденное следствие разгула стихии. Мысль его сразу же обратилась к определенному моменту в истории.

Пророчество Льва Десятого, напомнил он себе, и странное беспокойство овладело им, будто ледяная вода побежала по венам.

Вторая новость поступила после отключения электроэнергии, когда он метался в тревожном сне и никак не мог пробудиться. В первый момент он благословил голос секретаря, который избавил его от мучений. Но, взглядевшись, понял, что перед ним – вестник несчастья.

В стенах Ватикана произошла скоропостижная смерть.

Хотя Эрриага и не был суеверен, но и он призадумался, не связаны ли между собой два этих события.

Пророчество... Знаки...

Он с досадой отмахнулся от этой мысли. Но как ни пытался кардинал ее отогнать, идея пустила мелкие корешки в его уме, словно зловредный сорняк, который вырастает снова и снова, сколько его ни вырывай.

Если бы не блэкаут, он позвонил бы на голосовую почту по номеру, известному только ему, и оставил бы сообщение. Но пришлось выкручиваться по-другому. Эрриага снял облачение и надел единственный штатский костюм, который хранил в глубине шкафа и использовал, когда хотел пройти неузнанным по улицам Рима. Потом натянул плотную куртку, нахлобучил на голову кепку с козырьком и отправился в район Монти по определенному адресу. Там прождал больше, чем следовало. Потом, потеряв терпение, в досаде удалился, оставив обитателю квартиры недвусмысленное приглашение.

Обсидиановый крестик.

Вернувшись домой, он отпустил прислугу и остался один. Эрриага знал, что этих предосторожностей недостаточно. Так или иначе, он рисковал, но выбора не было.

Тут он услышал слабый шорох у себя за спиной. Открылась дверь, прошелестели шаги.

* * *

Дверь черного хода специально оставили открытой, и Маркус поднялся по служебной лестнице. Обычно все добирались на лифте прямо до верхнего этажа, но в данный момент лифт, разумеется, не работал. Но даже если бы электричество не отключили, Маркусу не следовало пользоваться лифтом. Пенитенциарий знал, что само его присутствие в этом доме представляет собой фактор риска. Кардинал, встречаясь с ним, всегда принимал меры предосторожности, выбирал тайные или уединенные места. Личность пенитенциария и его миссия хранились в глубокой тайне, никто не должен был обнаружить между ними связь. Если Эрриага взял на себя труд побывать в его мансарде, а потом вызвал его к себе, значит дело серьезное.

Кардинал обернулся, взглянул на него. Маркус стоял неподвижно в самом темном углу комнаты, одежда его насквозь промокла под дождем, и у ног образовалась небольшая лужа, которая медленно растекалась по полу из белого каррарского мрамора. На лице пенитенциария остались явные следы того, что ему пришлось пережить этой ночью. Эрриаге он не станет рассказывать – пока... но по взгляду кардинала Маркус определил, о чем тот подумал. А именно: сможет ли он в таком состоянии выполнить поручение?

– Сегодня ночью умер один человек, – заговорил филиппинец. – Не абы кто. Человек могущественный. – Последнее слово Эрриага особо выделил. – Из тех, кто, как правило, мнит себя бессмертным. А сам умер, и умер по-дурацки.

Маркус заметил, что под сарказмом, под обычным пренебрежительным тоном кардинала что-то скрывается. Неужели страх?

– Ты знал епископа Горду?

В памяти тотчас же всплыло лицо. Артуро Горда – человек, которого невозможно не знать. Харизматичный лидер мощной конгрегации, организующей духовные радения. Толпы и толпы людей, собравшихся ради молитвы. Горда – человек, вселяющий надежду, защитник бедных и беспомощных. Как никто, способный словом, жестом воспламенить огромные массы людей.

В Ватикане не спешили признавать его достоинства. Его воспринимали как фигуру неудобную, не вписывающуюся в рамки, далекую от определенных политических игр. Его продвинули и приняли в Римскую курию только на склоне лет. Возможно, потому, что он не мог уже претендовать на престол святого Петра. Горда, однако, пользовался особым расположением понтифика, который желал всегда иметь его при себе. По настоянию папы Горде выделили небольшую квартиру в Апостольском дворце, рядом с его собственными апартаментами. Он был больше чем простой советник. Устами его говорил сам папа.

Сильные мира сего боролись за право получить у него аудиенцию. Но Горда предпочитал популярность среди простого народа. Его любили, он, хотя и имел право на определенные привилегии, вел скромную жизнь.

По этой причине и по многим другим епископ являл собой полную противоположность Батисте Эрриаге. То, что эти двое друг друга не жалуют, ни для кого не было секретом. Но смерть соперника не обрадовала кардинала. Более того – и сам момент смерти, и ее обстоятельства представляли проблему.

– Горда оставил по себе память, – сказал Эрриага. – Некоторые прозревали в нем качества, присущие святому. Никого бы не удивило, если бы после смерти ему стали бы воздавать почести на алтаре. – Кардинал предпочел бы такой исход и говорил искренне то, что в данный момент думал. – Но после этой ночи...

Эрриага подошел к сработанному в Неаполе в восемнадцатом веке драгоценному письменному столу, за которым Пий Девятый начертал буллу *Ineffabilis Deus*. [4] Маркус разглядел несколько лежавших там поляроидных

снимков. Кардинал велел людям из жандармерии Ватикана сделать их сразу после того, как нашли тело. Эрриага поспешно собрал их и сунул гостю в руки, словно желая как можно скорее отделаться от этих изображений.

Маркус начал просматривать снимки.

– Им пришлось объяснить мне, что это за штука, сам бы я нипочем не догадался, – заметил Эрриага. – Ее называют «удавка наслаждения» и используют в эротических играх, при самоудовлетворении. Любопытная штучка, ты не находишь?

Фотографии изображали скорчившегося голого старика. На голове – очки добавленной реальности, скрывающие бо́льшую часть лица. Провод соединял этот аппарат с кожаным ошейником, стискивающим горло жертвы.

– Похоже, некоторые испытывают наслаждение, когда их душат, – заметил кардинал. А Маркус снова задумался над тем, какой смысл могло иметь удушение, которое он испытал утром в Туллиануме. – На экране мелькают порнографические картинки, и сексуальное возбуждение нарастает. Соответствующие сенсоры реагируют на него, и ошейник постепенно сжимается, вызывая медленное удушение, которое, как говорят, обостряет удовольствие.

Маркус удивился, не ожидая услышать подобное описание из уст кардинала, но тот, казалось, не видел в этом ничего особенного и разглагольствовал непринужденно.

– Никто и вообразить не мог, что старик имел привычку запирается у себя в кабинете, чтобы смотреть неприличные картинки и мастурбировать с помощью этой штуковины.

– Но кто утверждает, что он смотрел порнографию? – возразил Маркус.

Самое вероятное предположение, но Маркусу не хотелось его принимать.

– Ты прав, – кивнул Эрриага: в самом деле, никто не мог в этом удостовериться, ведь тело нашли после отключения электричества. – Но по сути, какая разница для святого человека? Горда должен был опочить как мученик, а он умер как собака. – Конец фразы кардинал произнес суровым, обвиняющим тоном. Точно так в Судилище душ он завершал свои обвинительные речи. Малейшим изменением интонации Эрриага был способен повлиять на приговор.

Маркус ничего не сказал, ни о чем не спросил. История и без того достаточно мутная.

Кардинал подошел к огню, оперся о каминную полку. Теперь блики пламени забавлялись тем, что рисовали на его лице зловещие тени.

– Горда уже много лет не выходил из дому. Страдал агорафобией. Теперь мир захочет узнать правду о его смерти. – По этой единственной причине Эрриага благодарил Небо за блэкаут, который помешает средствам массовой информации сразу распространить новость.

– Почему мы? Почему я? – спросил Маркус.

Будь на его месте кто-то другой, Батиста Эрриага с раздражением пресек бы любую попытку потребовать объяснений. Его приказы не обсуждаются: их исполняют, и точка. Но Маркус не был обычным подчиненным. Священник – но опасный. Обученный охоте за злом. Он бы должен служить мессе, как все лица духовного звания, но ему была поручена самая трудная миссия: познать и одолеть истинную природу человека. За долгие годы клочья полного теней тумана, среди которого обычно проходили его расследования, неизбежно должны были прилипнуть к нему. Эрриага догадывался об этом, встречая пристальный, изучающий взгляд глубоко запавших глаз. Целью Маркуса, последнего представителя ордена пенитенциариев, было восстановить добро. И зачастую ему это удавалось. Но под стремлением к справедливости могла скрываться жажда мести. Кардинал вовсе не желал удостовериться, насколько обоснованы его страхи, поэтому ответил:

– Есть риск, что кончина Артуро Горды может очернить его благородное дело. Пострадают беспомощные бедняки, а это несправедливо. – Он надеялся, что такого объяснения достаточно, чтобы удовлетворить любопытство пенитенциария. Не мог же он сказать, что причина в другом и с самой ночи его терзает смутное предчувствие. Пророчество Льва Десятого, повторил он про себя, не сводя глаз с огня, пылающего в камине. – Каждый человек грешен. Каждый грех – тайна. Будет справедливо, если какие-то дурные дела умрут вместе с нами. Смерть порой бывает бесстыдна, ей доставляет удовольствие выставить нас на позор. Непоправимо запятнать то, чем мы были при жизни.

Маркус знал, что слова кардинала относятся также и к нему, священнику, который прячет под подушкой фотографию женщины.

– Чего вы хотите от меня, что я должен сделать? – спросил он.

Эрриага, оживившись, взглянул на него:

– Уборку.

Подобно пчелиному рюю, на низкой ноте гудели компьютеры.

В полумраке взвизгивали телефоны. Рабочие отсеки, каждый из которых освещала светодиодная лампа на гибком штативе, казались маленькими оазисами света. Из кондиционера исходил слабый запах аммиака, вода в кулере была по-прежнему одной и той же, раз навсегда заданной температуры: не слишком холодная.

Витали находил утешительным перечень таких незначительных ощущений. Мы никогда не обращаем особого внимания на детали, подумал он. До тех пор, пока они вдруг не пропадают. Словно по волшебству исчезают из общей картины, оставляя чувство неуверенности, брэнности. И в эти часы там, снаружи, люди понемногу теряли свои мелкие привязки к системе координат. Репетиция конца света.

Что будет завтра, когда Рим очнется от кошмара, в который погрузил его краткий технологический апокалипсис? Никто не мог сказать. И Витали находил это довольно забавным.

Оперативный центр кризисного подразделения полиции располагался в бункере, в нескольких шагах от Министерства внутренних дел, в самом центре города. Мощные генераторы гарантировали совершенно автономную подачу энергии. Подразделению присвоили кодовое название «муравейник», в память о Мегрэ.

Название Витали нравилось: подходящее, вполне уместное. В данный момент в центре трудилось человек восемьдесят. Они постоянно перемещались с места на место, но в их движениях не было заметно никакой нервозности. Все совершалось в полном спокойствии. Никто не повышал голоса, складывалось впечатление, будто каждый точно знал, что ему делать.

Витали, в светло-сером костюме, голубой рубашке и коричневых мокасинах, трижды погладил узел синего галстука, поправляя его. Потом отхлебнул свежей воды из стаканчика, глядя на обширную стену мониторов, простиравшуюся перед ним.

Более сотни экранов, на которых мелькали образы, запечатленные тремя с лишним тысячами телекамер, расставленных по всему городу.

Перед полем мониторов сидело немалое количество агентов в наушниках, они брали на заметку все, что казалось подозрительным, с целью зафиксировать или предотвратить преступление. Работа кропотливая, требующая огромного терпения, но в данных обстоятельствах более чем необходимая. До сих пор было выявлено не много случаев, требовавших вмешательства патрулей, и все нарушения не были особо тяжкими. Люди, бросившиеся в супермаркет, чтобы запастись продуктами до того, как магазин по необходимости закроется, устроили драку; какие-то наркоманы не совладали с искушением ограбить аптеку среди бела дня.

Настоящие орды выйдут на улицы с приходом темноты.

Витали знал: несмотря на заверения властей, ночью воцарится хаос. Пользуясь гарантией незримости, мародеры ринутся в магазины и офисы, оставшиеся без охраны. То же самое – вандалы, которые смогут беспрепятственно крушить все вокруг. Тем более – сведение счетов, такие намерения прямо-таки витали в воздухе. Уличные банды готовились к войне с соперниками, а организованные преступные группировки собирались воспользоваться обстоятельствами для выяснения отношений и заодно произвести чистку в собственных рядах. С самого рассвета Витали подмечал признаки того, что случится в Риме под покровом тьмы.

Намечался также целый ряд преступлений, которые невозможно предотвратить. Безвластие многих способно свести с ума. Люди, которых никто никогда ни в чем бы не заподозрил, решат дать выход давно копившейся обиде или злобе. Соседи, которые терпеть не могут друг друга. Мужья, готовые избавиться от жен. Жены – расправиться с мужьями. Подчиненные, собравшиеся нанести визит начальнику.

Разговоры о простынях, которые следует вывешивать в окне, прося о помощи, – колоссальный блеф. Никому не гарантирована безопасность. Городские психопаты уже вооружались, предвкушая месть или просто собираясь дать выход инстинктам, подавляемым годами.

Никто не хотел в этом признаться, но в подобных обстоятельствах держать под контролем такой мегаполис, как Рим, было невозможно.

Хотя в столицу и стянули подразделения из других регионов страны, полицейских для патрулирования улиц было недостаточно, если учесть толпы потенциальных злоумышленников, к тому же не все патрули получили соответствующее снаряжение, чтобы противостоять организованным нападениям, мятежам или даже бытовому насилию. У карабинеров дело обстояло не лучше. На подготовку плана по обеспечению безопасности было отпущено несколько часов. Большинство агентов были призваны защищать не население, а министерства, правительственные резиденции и посольства, то есть объекты, которые могли бы спонтанно подвергнуться атаке террористов. Политики и государственные чиновники высшего ранга вместе с семьями были эвакуированы в великой тайне, ночью, под специальным конвоем, словно в пику обычным горожанам, которые не имели возможности покинуть город.

И никто не сказал населению, размышлял Витали, что в действительности дерьма скопилось больше и оно воняет сильнее, чем принято считать. Но скоро всем это станет ясно. Витали вновь и вновь возвращался к этой мысли, прикидывая, сколько жителей Рима не доживет до рассвета.

Хотя в министерстве и разработали детальный план действий в чрезвычайной ситуации, технические средства, которые должны были его обеспечить, до сих пор не испытывались на практике. В системе имелись существенные изъяны, а сочетание стихийного бедствия с блэкаутом самым драматическим образом подчеркивало эти недостатки. Например, никто не мог определить, на сколько хватит мощности батарей, питающих камеры наружного наблюдения, расставленные несколько месяцев назад и обошедшиеся налогоплательщикам в несколько десятков миллионов. Обычное дело. Дерьмо всегда всплывает всей кучей.

Поэтому в данный конкретный момент Витали радовался.

Радовался порядку, который царил в оперативном центре. Радовался тому, что хлопотливые муравьи прилежно выполняли задания. Радовался пистолету, который носил под пиджаком, ведь, как страж порядка, он имел право применять оружие, чтобы заставить уважать закон. Радовался свежей воде, олицетворявшей ценности, которыми часто пренебрегают, – чистоту и опрятность. Витали как раз высоко ценил их.

Как многие другие его коллеги, Витали был призван на «бессрочное дежурство», иными словами, поступил в полное распоряжение командования.

Но ему и не о чем было особо жалеть. Недавно он завел любовную связь и охотно заперся бы дома со своей новой подругой и несколькими граммами кокаина, наслаждаясь попеременно то женщиной, то наркотиком. Но эта трусиха предпочла остаться с детьми и с мужем. Худшее в грядущем апокалипсисе то, что в случае чего придется встретить его в одиночку.

Вот почему инспектор Витали из отдела криминальной статистики был готов к любому виду деятельности.

Его квалификация менялась с поразительной быстротой. Его перемещали с одного поста на другой в среднем раз в полгода. Он занимался общественной нравственностью, потом – автопарком, потом работал в редакции ведомственного журнала. В какой-то момент – боже милосердный! – его даже направили по школам, проводить с учащимися беседы о вреде наркотической зависимости. Задания, от которых любой агент пытался бы отвертеться, приберегаемые для зануд или для тех, кто схлопотал дисциплинарное взыскание, потерял голову при исполнении служебных обязанностей, например угрожал пистолетом мальчишкам, решившим разрисовать стену. Но Витали это вполне устраивало. Пусть его считают неспособным, никчемным. В сущности, этого он и добивался. И до сих пор прикрытие работало превосходно.

Никто не должен был знать, чем в действительности занимался инспектор Витали.

Он приметил небольшую делегацию, шествовавшую по «муравейнику». Комиссар Креспи из убойного отдела, старший комиссар полиции Альберти и сам главный начальник префект Де Джорджи. С последним Витали обменялся понимающим взглядом. Прежде чем последовать за ними, инспектор допил воду и выбросил стаканчик в специальный контейнер для бумажных отходов, предназначенных к переработке: ведь хаос, во всяком случае в «муравейнике», все еще не возобладал. В группе старших офицеров Витали заметил женщину.

И узнал ее, хотя никогда раньше не видел.

* * *

Сандра Вега на несколько шагов отстала от группы. То ли из соображений субординации, то ли потому, что задавала себе вопрос, что ей делать в «муравейнике». На рассвете к ее дому в Трастевере подъехала патрульная машина. Двое незнакомых ей молодых полицейских заявили, будто их прислали, чтобы сопровождать ее.

Сандра только что позавтракала и надевала форменный пиджак, поскольку скоро должна была заступить на дежурство. Эта сцена, казалось, вернула ее в прошлое, от которого она с таким трудом пыталась отрешиться. Много лет проработав фотографом в отделе экспертов-криминалистов, она добилась перевода в паспортную службу. Выбор прицельный, намеренный. Жить прежней жизнью уже было невозможно. Являться первой на сцену преступления,

запечатлеть на пленку места, указания, улики и безжизненные тела – все это со временем стало изнурять, выматывать.

После дела Римского монстра Сандра решила, что с нее хватит.

Паспортный стол оказался наилучшим прибежищем. Отъезжающие – бизнесмены, молодожены, предвкушающие медовый месяц, люди, едущие в отпуск. Прибывающие – иностранцы, много лет прожившие в Италии и наконец получившие гражданство для себя и своих детей. Их жизни проходили перед Сандрой, совершенно безобидные. Не причиняющие боли, в отличие от снимков изувеченных тел. Эти люди позировали для фотографии на документы, сохраняя, согласно правилам, серьезное выражение лица. Но Сандра видела, как, преодолев бюрократические формальности, они уходили с улыбкой, думая о том, что их ожидает. О будущем. Дурацкая фраза крепко засела в голове Сандры: мертвым будущего не дано. Эта простая, банальная истина давала ей силы вставать с постели каждое утро. Даже сегодня.

Хотя по причине блэкаута ее и отстранили от обычных обязанностей и, как многих коллег, временно определили в патруль, Сандра не могла себе представить, с какой стати кто-то должен сопровождать ее на работу. Когда ей сказали, что направляются в «муравейник», Сандра должна была что-то заподозрить. Что ей делать в оперативном штабе? Тому есть серьезная причина, подумала она, и предчувствие обернулось в уверенность, когда в пункте назначения Сандру встретил комиссар Креспи.

Ее бывший начальник был взволнован.

– Шеф хочет видеть тебя.

И вот Сандра, чуть поотстав, покорно следует за делегацией, которая через зал оперативного центра направляется в отдельный кабинет.

Префект Де Джорджи подождал на пороге, пока все войдут, затем запер дверь.

– Хорошо, – проговорил он. – Думаю, мы можем начинать.

Сандра знала всех, кроме тощего франта в ужасных мокалинах, который без конца теребил узел галстука, поправляя его.

Вошедшие расселись по стальным стульям, составлявшим часть спартанской обстановки комнаты. Де Джорджи сел за маленький письменный стол. Стены были голые, на столе – только два телефонных аппарата, подсоединенные к сложной панели. Шеф поставил локти на стол, но тут же в ужасе поднял их, вздымая пыль со столешницы.

– Мне пришлось покинуть свой кабинет и приехать в эту дыру, где, кажется, позабыли сделать уборку.

Сандра устроилась поодаль, у самой стены, продолжая задаваться вопросом, что она делает здесь, среди больших начальников. Франт беспокоил ее больше всех. Он сидел положив ногу на ногу. Тщательно выбритый, с орлиным носом. Светло-серый костюм, безупречно отглаженный. В галстуке – золотая

булавка, на среднем пальце левой руки – кольцо с рубином, тоже золотое. Кто он, черт побери, такой?

– Министр поручил мне передать вам самый горячий привет, – проговорил начальник полиции. Все закивали в знак благодарности так, будто министр лично явился перед ними. – Он будет следить за развитием ситуации со своей виллы в Тоскане.

Они так привыкли выказывать почтительность, отметила Сандра, что и не замечают, как на самом деле смешны.

– Я лично информировал министра, совсем недавно, – счел своим долгом вмешаться старший комиссар Альберти. – Ситуация в целом находится под контролем. Люди, прошедшие хорошую подготовку, предотвращают панику и блестяще противостоят отдельным попыткам воспользоваться блэкаутом, чтобы нарушить закон.

– Хорошо, очень хорошо! – расплылся начальник полиции в довольной улыбке. – До сих пор мы работали отлично. Так и нужно действовать впредь.

Вот пара мудаков, подумал Витали. Осыпают друг друга похвалами, в то время как там, снаружи, все стремительно летит в тартарары. Он перевел взгляд на агента Веги и по выражению ее лица догадался, что ей так же противно, как и ему самому. Витали предлагал пригласить на эту встречу еще одну женщину, чтобы Сандра чувствовала себя более комфортно, но начальник полиции не внял его просьбе.

Тем временем комиссар Креспи повернулся к Сандре и спросил вполголоса:

– Ну как ты?

Бывший начальник поддержал ее решение бросить все, он всегда был к ней добр, и Сандра это ценила.

– Лучше, – поспешила она успокоить комиссара.

Ответь она «хорошо», это была бы просто расхожая фраза. И это не удовлетворило бы Креспи. Уж лучше избрать средний путь и сказать полуправду. Дескать, она еще не пришла в себя, но сдвиги есть.

От Витали не ускользнул этот быстрый обмен репликами. Он собрал информацию о Сандре Веге. В свое время она считалась отличным фотографом-криминалистом. Но два события наложили отпечаток, возможно неизгладимый, на жизнь молодой женщины. Несколько лет назад при таинственных обстоятельствах погиб ее муж, фотокорреспондент. Вега приехала из Милана в Рим, чтобы расследовать обстоятельства его смерти. После осталась в столице, попыталась наладить отношения с другим человеком, но все обернулось скверно, и друг ее был жестоко убит. Тут разве психоанализ поможет или даже психотропные средства.

– Причина, по которой я вас вызвал сюда, вам уже известна, – наконец приступил к делу начальник полиции. – Но необходимо повторить факты для агента Веги. – Он указал на Витали. – Возможно, вы еще не знакомы с инспектором Витали. Он возглавляет отдел криминальной статистики.

– Я понятия не имела, что существует такое подразделение, – призналась Сандра.

В самом деле, она права, подумал Витали, улыбаясь про себя. Отдел был создан час назад, и инспектора сразу назначили его начальником.

– Люди инспектора Витали занимаются предотвращением преступлений.

– Вам стоит посетить один из наших семинаров, агент Вега, – заявил инспектор. – Вы найдете их весьма поучительными. – Витали безумно веселился всякий раз, когда в сходных обстоятельствах начальник полиции старался найти оправдание очередной должности, служившей прикрытием.

– Инспектор, будьте любезны – изложите факты для агента Веги.

Витали поднялся с места, подошел к Сандре и встал прямо перед ней.

– Вчера вечером, где-то в двадцать два тридцать, один таксист прибирался в салоне машины после дневной и вечерней смены. Он пояснил, что делает это всегда, потому что, цитирую: «никогда не знаешь, чем занимаются клиенты на задних сиденьях, когда их не видно». – Он было улыбнулся, но лукавое выражение тотчас же исчезло с его лица.

Сандра пыталась понять, куда он клонит, но решила пока не делать выводов, а просто слушать.

– Так вот... – продолжал Витали. – Именно вчера, обнаружив сотовый телефон, завалившийся между сиденьями, он тут же подумал, что клиент его обронил. И первым делом включил мобильник, чтобы проверить, нельзя ли выйти на владельца через последние звонки.

Витали сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил старую «Нокию», модель, несомненно далеко отстоящую от современных смартфонов. Аппарат был помещен в прозрачный пакет для вещественных доказательств. Витали положил его на стол, за которым сидел начальник полиции, и сделал Сандре знак придвинуться ближе, чтобы она могла как следует рассмотреть вещь.

– В аппарате отсутствует сим-карта. В памяти нет ни одного номера. Не зарегистрировано ни входящих, ни исходящих звонков.

– И что с того? – спросила Вега, теряя терпение.

Но Витали не торопился.

– Это одна из первых моделей со встроенной видеокамерой. Нажав на кнопку «Изображения», таксист наткнулся на видеозапись... неслыханной жестокости.

Пауза, которую сделал Витали перед концом фразы, повергла Сандру в тоску. Но она постаралась не выдать своих чувств. Хотела показать себя сильной: была невыносимой сама мысль о том, чтобы обнаружить перед всеми, насколько она сдала в последнее время.

– Чего вы хотите от меня? – спросила она, закусив губу, но недрогнувшим голосом.

Комиссар Креспи снова нагнулся к ней, положил руку на плечо:

– Когда сегодня утром префект Де Джорджи спросил, кто у нас лучший фотограф, я сразу подумал о тебе.

Дело обстояло не совсем так, мысленно поправил его Витали. Но все к лучшему: пусть старый комиссар ей немного польстит, если это поможет достигнуть цели.

Им была нужна именно Сандра Вега.

– Я больше не работаю в подразделении, – напомнила Сандра, словно желая подчеркнуть, что эта страница ее жизни перевернута. И Креспи лучше, чем кто-либо другой, должен это знать. – Кто-то умер, да? – добавила она, бросив недоверчивый взгляд на сотовый телефон, лежащий на столе, будто эта вещичка из черного пластика, вроде бы неодушевленная, может наброситься на нее. – Поэтому и вы здесь. Иначе зачем было бы привлекать убийный отдел...

Креспи молча кивнул.

– Вы много лет работали фотографом в отделе экспертов-криминалистов. – Витали перевел взгляд на Сандру. – Выходили с «рефлексом» на охоту за деталями многих сцен преступлений. Вы в состоянии лучше любого из нас прочесть и истолковать произведение монстра. Индивидуума, которому доставляет удовольствие увековечить на видео свои действия и страдания жертв.

Он так и сказал – «произведение»? Сандра содрогнулась. Нет, она не хочет иметь с этим ничего общего.

– Послушайте, агент Вега, – вмешался старший комиссар Альберти. – Мы знаем, насколько болезненно для вас возвращаться к подобным занятиям; знаем, что это потревожит старые раны. Но мы просим вас сделать усилие ради общего блага. Нам грозит серьезная опасность, нельзя недооценивать ее.

Приказать ей они не могут, зато вызывают к ее чувству долга. Но Сандре было все равно. Пусть думают, что она укрылась в паспортном столе с единственной целью – сохранить жалованье и право на пенсию. На ее взгляд, речь шла не о погоне за привилегиями. Иные коллеги заканчивали карьеру, не понеся ни единой утраты. Она же заплатила высочайшую цену за право носить мундир.

– Мне очень жаль, – сказала она, поднимаясь с места. – Вы не вправе требовать этого от меня. Я не могу.

И Сандра направилась к двери, намереваясь оставить всю историю позади.

Витали окликнул ее:

– Агент Вега! Я уважаю ваше решение, но позвольте сказать кое-что напоследок. – Он был крайне серьезен. – Этот телефон не забыли в такси. Кто-то оставил его специально. Знал, что его найдут, что он в конечном счете окажется здесь, в этой комнате. Ибо то, что в нем содержится, нравится нам это или нет, – послание. Притом послание простое... Там, снаружи, есть человеческое существо, способное творить невыразимые вещи с себе подобными. Этот тип хочет, чтобы мы знали: он силен, он могуществен. И он не остановится ни перед чем... Было бы ошибкой думать, что речь идет лишь о предупреждении либо об угрозе. Это объявление о намерениях. Он хочет сказать, что это только начало.

Сандра обернулась, взглянула на него.

– Начало чего? – проговорила она в испуге.

– Мы не знаем. Но, откровенно говоря, я не ожидаю в ближайшие часы ничего хорошего.

– Вы располагаете техническими средствами, ресурсами и компетенцией, чтобы поймать его.

– Верно, однако нам не хватает одного – времени. – Витали подумал о разгуле стихий, о блэкауте, обо всех монстрах города, которые ждали только прихода ночи, чтобы сорваться с цепи. Надо уговорить ее любой ценой. – Учитывая все, что происходит, у нас нет времени устроить на него охоту по всем правилам. И он это знает.

Сандра заколебалась.

Витали понял, что чуть-чуть пробудил в ней прежнее чувство долга.

– Я прошу, чтобы вы только посмотрели видео. Если окажется, что представить анализ свыше ваших сил, мы вас поймем и вы сможете обо всем забыть.

Забыть? Разве сукин сын не знает, что подобные образы рано или поздно всплывают в худших ночных кошмарах? Конечно знает, но ему плевать. Как, собственно, и всем присутствующим. Они просто хотят воспользоваться ею, употребить ее. Сандра обвела взглядом напряженные, выжидающие лица, поняла, что права, и преисполнилась презрения. Лишняя причина убратся отсюда, пока не поздно.

– К сожалению, сотовый телефон не может привести нас к человеку, которого мы разыскиваем, – продолжал Витали, меж тем как Сандра уже намеревалась направиться к выходу. – На нем обнаружены только отпечатки пальцев таксиста и крошечная капля крови. Мы не нашли никаких соответствий в базе данных ДНК. Значит, речь не идет об обычном преступнике. Мы имеем дело с совершенно новым фигурантом, не похожим на известных нам. Гораздо более извращенным и опасным. Мы знаем о нем только то, что он страдает тем же расстройством, каким страдают тысячи: эксперты определили, что кровь на телефоне – результат носового кровотечения.

Сандра застыла на месте. Ноги у нее задрожали. Только бы никто в комнате не заметил этого. Какая нелепая мысль! Возможно ли, что Витали говорит

именно об этом человеке? И все-таки внутренний голос твердил, что теперь нельзя оставить все как есть.

Маркус – ее Маркус.

От Витали не укрылось едва заметное изменение в выражении лица Сандры, и, прежде чем агент успела заговорить, инспектор уже ясно понял, что она передумала.

– Хорошо, – сказала Сандра, стараясь не выдавать волнения. – Я займусь этим делом, но только этим. – (Все с облегчением вздохнули. Им и в голову не пришло, что у нее внезапно возник личный интерес.) – Мне нужно должным образом отсмотреть материал.

– Мы предоставим в ваше распоряжение все необходимые ресурсы, – заверил ее начальник полиции.

Пока начальник говорил, Сандра вглядывалась в сотовый телефон, лежащий на столе. Вид предмета, от которого она раньше стремилась уйти, больше не внушал ей страха. Она должна узнать.

Витали остался доволен: он достиг своей цели. Я не тот, за кого себя выдаю, подумал он. Но и у тебя, агент Вега, есть тайна, которую ты скрываешь. И мне предстоит выяснить, в чем тут дело.

6

Апостольский дворец в Ватикане полностью обезлюдел.

Кардинал Эрриага отдал на этот счет недвусмысленные распоряжения. Никто ни под каким предлогом не должен проникнуть туда вплоть до дальнейших указаний. Задачу облегчил тот факт, что по соображениям безопасности, связанным с разгулом стихии и блэкаутом, понтифик выехал из Рима накануне вечером и теперь находился в своей летней резиденции в Кастель-Гандольфо.

У Маркуса был час, чтобы выполнить миссию. На этот раз никакого расследования, ясно дал понять Эрриага.

– Чего вы хотите от меня, что я должен сделать?

– Уборку.

После неоспоримого вторжения пенитенциария на место происшествия придут жандармы, и только тогда начнется официальное расследование по поводу кончины епископа Артуро Горды, которое завершится констатацией смерти по естественным причинам. К счастью для Эрриаги, трагический конец настиг

Горду внутри стен маленького суверенного государства. Случись это на итальянской территории, кардиналу не удалось бы предотвратить скандал.

В официальном сообщении из Ватикана, в котором по окончании блэкаута будет объявлено миру о кончине высокого прелата, правда предстанет скорректированной, подслащенной. Причину смерти, скорее всего, определят обобщенным термином «сердечный приступ».

Складная сказочка, думал Маркус, под проливным дождем пересекая двор Святого Дамасо. По мраморной лестнице он поднялся на третий этаж. Его одинокие шаги гулко звучали в Лоджиях Рафаэля, настоящем празднике для глаз: лепнина, яркий орнамент, легкая конструкция с чередованием окон и пилястров. Пенитенциарий шел по галерее с поднятой головой, любясь фресками на тринадцати сводах. Он узнавал сюжеты из Книги Бытия: сотворение света, отделение суши от вод. Сотворение Евы, изгнание из рая. Истории Исаака и Иакова, Моисея, Соломона, наконец, житие Христа. Маркус подумал о счастливых, которые на протяжении веков были допущены лицезреть это великолепие, ходили этим самым путем. Мало их было, сказал он себе. Могущественные люди, оставившие неизгладимый след в истории. Некоторые из них были негодяями, недостойными людьми. Другие – истинными святыми.

А теперь здесь идет он. Чтобы произвести «уборку».

Маркус остановился перед дверью, ведущей в апартаменты, которые занимал епископ Горда. Ее заперли сразу после того, как был обнаружен труп. Эрриага вручил Маркусу единственный ключ. Пенитенциарий вставил его в замочную скважину, отпер дверь и вошел, тотчас же закрыв ее за собой.

Первая комната оказалась проходной. Маркус вынул из кармана пару латексных перчаток и надел их, чтобы не оставлять отпечатков. По той же причине снял белые парусиновые туфли, измазанные в грязи. И пошел исследовать прочие помещения.

Высокий прелат вел простой образ жизни. Обстановка скромная, только самое необходимое. Никакой роскоши, никаких уступок мирским соблазнам. Разве что книги – единственное исключение. Полки ломились от фолиантов, некоторые лежали стопками по углам. Возможно, чтение и являлось основным времяпрепровождением Горды, который из-за агорафобии уже давно не покидал жилища.

Расставленные всюду книги как будто указывали дорогу. Маркус пошел по ней и оказался в комнате с узкой кроватью, над изголовьем которой висело деревянное распятие. Скрытая в стене дверца вела в ванную, темную, без окон. Рядом располагался кабинет епископа.

Маркус переступил порог, и перед ним предстало трагическое зрелище: мертвое тело старика, скорчившегося на полу, на том самом месте, где его настигла смерть.

На поляроидных снимках, которые показывал Эрриага, нельзя было увидеть, что тело лежит прямо напротив маленького, вделанного в стену алтаря: выполняя обязательный для каждого священника ритуал, Горда ежедневно служил здесь свою одинокую мессу.

Нагота и непристойная поза, таким образом, являли собой святотатство. Но оскорбление Бога дорого обошлось прелату.

Очки дополненной реальности, словно гротескная маска, закрывали глаза; шлем охватывал голову до самого затылка. Навороченный гаджет выбивался из общей обстановки. Горда в своем затворничестве не имел ни компьютера, ни телевизора. Единственное исключение епископ сделал, потакая своей тайной извращенной склонности.

Порнографические картинки, снова подумал Маркус.

Из-под прибора, похожего на посеребренный шишак, выбивались пучки седых волос. Черный проводок соединял аппарат с кожаным ошейником. Пенитенциарий, подойдя ближе, увидел, что на горле, у кромки ошейника, тонкая старческая кожа была расцарапана. Он пытался освободиться от удавки, сказал себе Маркус. Засохшая кровь под ногтями подтверждала это.

Механическое удушение, пришел к выводу пенитенциарий.

На какой-то момент у него перехватило дыхание. Отголоски паники, охватившей его в Туллиануме, где он чуть не умер от удушья. Горда испытал то же самое, но по собственной воле. «Ее называют „удавка наслаждения“ и используют в эротических играх, при самоудовлетворении», – говорил Эрриага. «Похоже, некоторые испытывают наслаждение, когда их душат». Маркус задался вопросом, когда для Артуро Горды наслаждение обернулось страданием и когда он осознал, что вот-вот умрет. Успел ли епископ по крайней мере прочесть молитву? Или, как высказался кардинал, «умер как собака», попав в ловушку, в капкан?

Удавка наслаждения.

В таком положении Горду нашла монахиня, в обязанности которой входило к восьми утра приносить ему чашку ячменного кофе. Сестра в ужасе выбежала вон и тут же предупредила жандармов. В награду за то, что она видела, бедняжку переведут в монастырь, затерянный в самых глубинах Африки, где она и останется до конца своих дней. Жандармам как следует заплатят – и прибегнут к запугиванию, – чтобы они держали рот на замке. Маркусу хорошо были известны методы, какие Эрриага применял, чтобы избежать утечки информации.

Ни в комнате, ни на самом трупе не было видно следов вмешательства посторонних лиц. Это подкрепляло первоначальное предположение о смерти в результате несчастного случая. Тем более что неподалеку от тела лежала черная шкатулка, выстланная бархатом, где епископ держал приспособление, убившее его.

Изящная, дорогая вещица, прикинул Маркус. Защитник бедняков с толком предавался пороку.

Но Маркус пришел сюда не для того, чтобы судить. Его долг – замести следы недостойной кончины, которая может поставить Ватикан в неловкое положение. Хотя ему вовсе не нравилось то, что он собирался сделать,

Маркус рассудил, что так будет лучше. Церковь сильна, люди, которые служат ей, зачастую слабы. Он сам – не исключение.

Маркус отогнал от себя эти мысли. Пора приниматься за дело. Чем раньше он закончит, тем раньше вернется к прерванному расследованию. Нужно выяснить, что случилось с ним ночью. Почему он очнулся голый, скованный наручниками в глубине Туллианума. И главное, кто ненавидит его до такой степени, что решил убить столь жестоким способом, обрекая на мучительную голодную смерть.

Найди Тоби Фрая.

Он начал с того, что расстегнул ошейник. Кожа с внутренней стороны была дублирована искусственной замшей, чтобы не оставалось синяков или других отметин. Механизм закрепления удавки оказался очень простым, и все-таки Горде не удалось освободиться. Или он не успел. Возможно, удушение вызвало инфаркт, через несколько секунд приведший к роковому исходу. Маркус знал, что смерть никогда не наступает по единственной, основной причине, чаще всего ее вызывает сочетание причин дополнительных. Очевидно одно: что-то пошло не так. Маркус исключил неисправность прибора – такие аппараты всегда имеют предохранительное устройство. Причина куда банальнее: епископ слишком рисковал, учитывая его возраст.

Маркус расположил труп на полу, перевернул его на спину. Осмотрев еще раз нагое тело, заметил на внутренней стороне правого бедра татуировку.

Маленький голубой кружок.

Рисунок уже почти выцвел, остались размытые очертания, память о том, что случилось много лет назад. Может быть, утративший смысл знак мятежных настроений юности, подумал пенитенциарий. Вероятно, Горда и сам об этом пожалел. Возможно, из всех посторонних один Маркус и увидел татуировку, ведь епископ, наверное, ее стыдился. Смерть никогда не щадит стыдливости. Случай Горды – тому яркий пример.

Маркусу оставалось еще снять с него очки. Это он приберег напоследок – мешал суеверный страх перед полным ужаса взглядом епископа, таящимся под маской. Вначале он раскрыл автоматические запоры, один за другим. Затем медленно снял шлем, покрывавший голову. Глазные яблоки почти вылезли из орбит, типичная картина в случаях удушения. Маркус сделал над собой усилие и двумя пальцами вправил их обратно. Потом опустил епископу веки. Уже собирался помолиться за грешную душу, когда его внимание снова привлекли очки дополненной реальности, валявшиеся на полу.

Даже на расстоянии было видно, что экран до сих пор мерцает.

Маркус поднял прибор, поднес к глазам. Никаких порнографических картинок. Простая надпись.

«Нет сигнала».

Очки дополненной реальности были подключены к Интернету. Епископ пользовался ими до блэкаута, естественно, что сейчас связь прервалась.

Может быть, так и лучше. Зачем углубляться в грязные подробности жизни Горды. Пусть они стигнут вместе с ним, подумал Маркус.

Он сосредоточился на том, что еще оставалось сделать. Положил прибор в черную шкатулку, подбитую бархатом. Уходя, Маркус заберет аппарат с собой, и тот навсегда исчезнет.

Затем Маркус взялся обыскивать апартаменты в поисках других компрометирующих деталей. Порылся в ящиках стола, вывернул шкафчики в ванной. Даже пролистал кое-какие книги. Проводить тщательный обыск было некогда. Эрриате придется удовлетвориться этим. Для завершения мизансцены требовалось только одно: одеть покойника.

Чтобы найти подходящую одежду, Маркус направился к шкафу. Открыл его и, роясь в вещах, заметил старую, пожелтевшую газету, которую Горда зачем-то хранил. Взял ее, чтобы рассмотреть поближе.

То был экземпляр «Мессаджеро», выпущенный 23 мая девять лет назад.

Может быть, и его следует уничтожить. Чтобы убедиться в этом, Маркус развернул листок. Но зацепиться было не за что. Ничего подозрительного или компрометирующего. Пока он не наткнулся на обзор происшествий в Риме. Его внимание привлек заголовок. Он гласил: «В Риме потерялся маленький Тоби Фрай».

На Маркуса будто снизошло озарение. В памяти всплыла записка, которую он обнаружил у себя в кармане, выйдя из Туллианума: «Найди Тоби Фрая».

Это не могло быть простым совпадением.

На странице выделялась черно-белая фотография трехлетнего малыша. Большие, ясные глаза, открытая улыбка, веснушки. На нем была светлая маечка и бейсболка с гербом Рима.

Маркус прочел заметку.

«Тоби Фрай пропал вчера, около шести вечера, в самом центре, в двух шагах от Колизея. Малыша повела на прогулку мать, которая уверяет, будто потеряла его из виду всего на несколько секунд. Женщина в самом деле сразу же сообщила о случившемся полицейскому патрулю, дежурившему неподалеку. Полицейские, которые вначале считали, что мальчик попросту отошел и заблудился, теперь рассматривают и другие гипотезы следствия. Предполагается просмотреть все пленки с видеокамер, расположенных в зоне поиска. Одновременно, с целью пролить свет на судьбу маленького Тоби, городские власти обращаются с призывом к туристам и местным жителям, которые находились в означенной зоне в момент исчезновения мальчика. Если вы фотографировали или снимали на видео Колизей, убедительная просьба прислать материалы на электронный адрес управления полиции города Рима».

Маркус, не веря своим глазам, вглядывался в газетную страницу. Наконец, оторвавшись от нее, пенитенциарий заметил кое-что еще в глубине шкафа. Он насторожился. Аномалия.

Пара белых парусиновых туфель. Точно таких, как у него.

7

5 часов 38 минут до заката

Видеофильм, найденный в сотовом телефоне, который был оставлен в такси, длился двести секунд.

– Но для одного из действующих лиц эти секунды показались вечностью, – заметил Витали, гася свет в просмотрном зале «муравейника».

Креспи сел поодаль: похоже, комиссар передал коллеге право давать объяснения. Эта странность не укрылась от Сандры. По сути, инспектор Витали – бюрократ, бумагомаратель. Отдел криминальной статистики, скажите пожалуйста! С какой стати комиссар убийного отдела пляшет под дудку этого франта? Но отступать было поздно. Сандру уже усадили перед большим плазменным экраном. Он был выключен, но от черной поверхности, напоминавшей шифер, исходило какое-то темное свечение.

– Это система Pro Tools последнего поколения, – пояснил Витали. – Фотографы-криминалисты стали пользоваться ею несколько месяцев назад. Все очень просто: достаточно коснуться экрана, чтобы остановить изображение, прокрутить файл вперед или назад, увеличить или уменьшить фотографию.

Как будто ты сама находишься там, подумала Sandra. Обычно она приходила после, когда зло уже совершилось. И всегда могла укрыться за «рефлексом»: пусть грязную работу выполняет неодушевленный прибор. На этот раз она должна будет принять участие, хотя бы и косвенное, в том, что произошло.

– Вы готовы? – спросил инспектор, боясь, что она передумает.

Sandra помедлила несколько секунд, обернулась к Креспи, который оставался невозмутимым.

– Да.

Витали взял пульт дистанционного управления и запустил запись.

Сначала изображение было расплывчатым, вне фокуса. Несколько секунд объектив видеокамеры мобильного телефона скользил по замусоренному полу, потом резко, рывком, поднялся: его направили на что-то напоминающее старую больничную койку. Вокруг – сырой выщербленный кафель.

На затертом матрасе лежал мужчина.

Сандра почувствовала облегчение, убедившись, что это не Маркус. Но чувство освобождения не продлилось долго. Незнакомец плакал, извивался, принимая самые неестественные позы. Веревка опутывала его, виток за витком, от щиколоток до бедер. Руки выкручены, запястья примотаны к спинке кровати. Ниже пояса он был одет, только торс голый.

Готов для жертвоприношения.

– Прошу тебя... нет! – умолял он.

Волосы черные как вороново крыло, очень коротко остриженные. Исхудавший настолько, что под гладкой кожей видны все ребра. Лицо изможденное, багровое от усилий: бедняга пытался приподнять тощую шею и плечи в тщетной попытке освободиться. Это он от отчаяния, подумала Сандра. Шансов никаких нет. Он и сам это знал. Но все же и в такой крайности инстинкт самосохранения заставлял его сопротивляться, биться изо всех сил, какие еще оставались в теле.

– Прошу, отпусти меня...

Вены на висках вздулись и пульсировали так сильно, что казалось, вот-вот лопнут, залив все лицо красным. Желтоватая полоска слизи вытекала из носа и расплзлась по верхней губе, смешиваясь со слезами и слюной и застывая коркой.

– Что вы видите, агент Вега? – спросил Витали.

– У него желтое лицо, на коже трещины. Синяки от некроза вен. Зубы черные, нескольких не хватает, по этим признакам ему можно дать лет пятьдесят. Но на самом деле он не так стар. – (Преждевременное старение от злоупотребления наркотическими веществами, так это называется. Тяжелая жизнь всегда оставляет следы, какие ни с чем не спутаешь.) – Принимал наркотики. Целая коллекция мелких прецедентов. Как в тюрьме, так и на воле. – (Большинство назвало бы такого человека отбросом общества. Сколько таких типов довелось Сандре фотографировать, когда она работала в отделе экспертов-криминалистов? Обычно их трупы находили в придорожных рвах, среди мусора, без денег, без документов, с помощью которых можно было бы провести опознание. В морге полно безымянных тел.) – Иногда таких клиентов убивает толкач, когда они становятся слишком назойливыми. Но чаще всего – такой же отчаявшийся бедолага, с единственной целью – забрать себе дозу и несколько монет.

Витали не стал ни соглашаться, ни возражать, просто промолчал. Потому что события в видеофильме разворачивались.

Оператор, который до сих пор стоял неподвижно, протянул руку. В кадре показалась кисть в латексной перчатке. В пальцах было что-то зажато.

Черная облатка.

Он подошел к пленнику, просунул облатку между губ и закрыл ему рот ладонью, принуждая глотать. Через короткое время Сандра увидела, что взгляд жертвы изменился. Только что он в отчаянии молил тюремщика о милосердии, а теперь застыл, устремленный в пустоту. Лицо обмякло. Палач отнял руку ото рта и снова отошел, не переставая снимать.

Пленник зашевелил губами. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Он вроде бы что-то шептал. Неистовая последовательность слогов, срывающихся с губ и исчезающих. Пустой набор звуков. Потом голос стал громче, но слова оставались непонятными.

– На каком языке он говорит? Я не понимаю, – озадаченно произнесла Сандра. – Похоже на иврит. – Но она не была уверена.

– Хасмонеийский арамейский, – уточнил Витали совершенно серьезно. – На нем говорили в Палестине во времена Христа.

Уверенность инспектора привела Сандру в недоумение. Откуда наркоману знать язык, на котором говорили две тысячи лет назад?

– Он произносит: «Владыка теней шествует со мной. В нем – истина. В нем – новая жизнь», – перевел Витали.

Сандра пристально взглянула на него: инспектор говорил совершенно серьезно.

Тем временем пленник все твердил и твердил одни и те же фразы, будто читал молитву. Что за всем этим кроется?

Витали знал, что происходит в уме Сандры Веги. Агент полиции задавалась вопросом, почему начальника отдела криминальной статистики заинтересовал такой фильм и каким образом он с точностью определил, что говорит пленник. Но ее реакция была Витали безразлична. Наступил момент немного приоткрыть карты. Поэтому ему было на руку, что у Сандры Веги зародились сомнения по поводу его самого и его роли в этом деле.

Тем временем на экране оператор установил сотовый телефон с видеокамерой на спинке кровати. Изображение перекошилось, но можно было различить неясный силуэт человека, который склоняется над пленником и одной рукой стискивает ему челюсть. Потом, в дополнение к святотатственному причастию, начинает выливать содержимое золотой чаши в разинутый рот. Хлеб и вино – плоть и кровь. Пленник, погруженный в транс, пил не сопротивляясь. Было слышно, как жидкость, булькая, проникает в горло, как грязная вода в сток умывальника. Закончив процедуру, тень отступила назад, не показывая лица; человек взял телефон и продолжил съемку.

Мужчина, распростертый на койке, больше не говорил. Лежал, вытаращив глаза, со взглядом, по-прежнему устремленным в пустоту. Интересно, подумала Сандра, что сейчас произойдет? Чем напоили пленника? Явно не вином. Внезапно тело жертвы сотрясла мощная конвульсия. Казалось, путы, стягивавшие его, не выдержат такого сверхчеловеческого напора. Над торсом лежащего скопилось какое-то облако. Агент полиции инстинктивно придвинулась к экрану, чтобы лучше разглядеть.

Пар.

Что-то разъедало организм изнутри. Миазмы просачивались сквозь поры. Сжигаемая внутренним жаром, плоть приобретала коричневатый оттенок. Лицо жертвы, чье тело сотрясали мощные мышечные спазмы, оставалось невозмутимым. Но спектакль на этом не закончился. Кожа покрылась язвами, вздулась гнойными волдырями. Показались пищевод и трахея. Затем – легкие. Обугленные лоскуты бронхов. Язвы ширились, углублялись, пожирая живую плоть. Но из ран не струилась кровь, а поднимался дым, похожий на испарения серы.

Сандра поставила себя на место простого римского таксиста, который нашел телефон с подобной видеозаписью. Можно вообразить, как бедняга отреагировал, когда, пытаясь выйти на законного владельца через содержимое сотового, наткнулся на такой ужас. Этого ему не забыть до конца своих дней.

Конвульсии пленника внезапно прекратились. Объектив задержался еще немного на лишенном внутренностей трупe. В наступившей тишине слышалось только легкое, наводящее ужас шипение.

Потом съемка оборвалась.

Это сотворил не наркоман, перебравший кокаина и ЛСД, подумала Сандра. Здесь есть метод.

– Ну, что скажете? – спросил Витали.

Агент полиции обернулась, пристально посмотрела на него. В ее взгляде читалась враждебность.

– Что вы хотите знать?

– Кроме личности убийцы, есть еще масса нерешенных вопросов, агент Вега. Начиная с личности жертвы до места, где произошло убийство. Мы ничего обо всем этом не знаем.

Ритуальное убийство, хотела было заявить Сандра. Но вместо этого произнесла:

– Одна минута двадцать семь секунд. – Потом без лишних слов протянула руку и прокрутила назад изображение на экране. Двигала пальцем все медленнее и медленнее, пока не нашла нужный кадр. – Вот, взгляните...

Витали придвинулся. Увидел левую руку жертвы в момент, когда пленник отчаянно извивался, стараясь освободить запястья, прикрученные к спинке кровати. Сандра раздвинула фотографию, увеличила изображение.

На предплечье виднелась небольшая татуировка.

– Голубой кружок, – сказал Витали, подтверждая, что и он это увидел.

– Инспектор, вы можете прокручивать этот фильм столько, сколько захотите. Но больше не найдете ничего существенного. – Сандра говорила с абсолютной

уверенностью, устремив взгляд на Креспи, который за все время ни разу не открыл рта, а теперь смотрел на нее в явном замешательстве.

От Витали не укрылась возникшая между ними напряженность. Именно этого он и добивался.

– Ну хорошо, агент Вега, на сегодня можете быть свободны.

Сандра уставилась на него, не веря своим ушам:

– А как же блэкаут, патруль?

– Обойдемся без вас, – отрезал Витали, насмешливо улыбаясь.

– Вам решать, инспектор, – сухо отозвалась агент полиции.

Черная облатка, хасмоне́йский арамейский, «Владыка теней», род человеческого жертвоприношения – на сегодня она увидела и услышала достаточно, даже с лихвой. Сняла форменный пиджак со спинки стула, прошла мимо Креспи и вышла из зала, не попрощавшись.

Через короткое время и пожилой комиссар поднялся с места. Сунул руки в карманы брюк и направился к выходу. Но сначала обернулся к коллеге и спросил:

– Вы до конца уверены, что мы поступаем правильно?

– Я не обязан давать вам объяснения.

Будь Витали простым инспектором, он никогда бы не осмелился заговорить в таком тоне со старшим по званию. Но он не был простым инспектором. Поэтому Креспи, получив ответ, развернулся на каблуках и ретировался, будто побитый пес.

Витали же был доволен. Голубой кружок, повторял он про себя. Хорошо, что Сандра это заметила. Не зря говорили, что она высококлассный профессионал. Может быть, агент Вега до сих пор считает, будто ее вызвали сюда, имея в виду ее талант фотографа-криминалиста. Сандра Вега понятия не имела, что истинная причина ее присутствия здесь сегодня утром была совершенно иной. Но, просмотрев видеофильм, она, несомненно, что-то заподозрила.

Хорошо, очень хорошо. Витали глаз с нее не спустит, пока не поймет, какова ее истинная роль во всей истории.

Ведь Сандра не знала, а Витали отнюдь не собирался ей это раскрывать, что в сотовом телефоне, который обнаружил таксист, кроме ужасного фильма, было кое-что еще.

Ватикан – независимое государство в самом сердце Рима, площадью менее половины квадратного километра. Он окружен высокими стенами, за которыми, кроме базилики Святого Петра и дворцов, принадлежащих церковной власти, скрываются великолепные сады, тщательно ухоженные.

Посреди них, однако, вечно выбиваясь из общей картины, произрастает неухоженный лес площадью около двух гектаров. Густая чаща, малодоступная, практически непроходимая. За лесом располагалась небольшая уединенная обитель. Сестры, жившие там, принадлежали к старинному монашескому ордену, почти исчезнувшему.

Христовы вдовы.

Их было всего тринадцать, они придерживались строгого устава, отрешившись от всех земных благ, даже от медицинской помощи. Они питались только тем, что выращивали в саду и в огороде, и исполняли обет молчания. Единственное исключение составляла молитва. Тем не менее вот уже двадцать три года самой тяжелой их повинностью было надзирать за человеком, о существовании которого было неизвестно в миру.

Ужасающий монстр. Мерзкая тварь. Серийный убийца.

Длинный ряд его преступлений был позором для Церкви, и тайну следовало хранить любой ценой. Ведь до того, как его задержали и заперли здесь, Корнелиус Ван Бурен был священником-миссионером.

Буря предоставила городу краткую передышку. Дождь, однако, не прекратился, только стал слабее. Маркус с трудом пробирался по лесной чаще. Он знал, что никого рядом нет, и все-таки ощущал чье-то присутствие. Как в Туллиануме, когда он заглянул в люк, в самую темноту. Сейчас он запрокинул голову. Сотни черных птиц расселись по ветвям. И глядели на него. Пенитенциарий ускорил шаг.

Вскоре, раздвинув ветви, вышел на маленькую поляну, за которой стоял монастырь. Если бы не дым, выходящий из трубы, место могло бы показаться необитаемым. Пенитенциарий хорошо знал дорогу, он часто ходил по ней в последние несколько лет. Во время визитов к Корнелиусу он научился многим полезным вещам. Редко встретишь убийцу с такой сложной и утонченной натурой. Презирая этого человека за то, что он сотворил, будучи миссионером, Маркус почерпнул у него чистейшие знания о человеческом духе, не запятнанные понятиями добра и зла. Эти две категории не обладали в глазах Ван Бурена ни малейшей ценностью. Он считал, будто сделался монстром не в силу своей природы, но по воле Бога.

Подойдя к деревянной двери, Маркус постучал три раза, потом еще три. То был условный знак, позволяющий пройти в тюрьму. Ему открыла одна из сестер. На ней было принятое в ордене облачение, главной отличительной чертой которого являлся лоскут черной ткани, совершенно скрывавший лицо.

Вдова Христова узнала пенитенциария и впустила его. Потом, хотя еще не стемнело, взяла свечу и пошла вперед, показывая дорогу. Здесь последствия блэкаута не ощущались, поскольку технический прогресс, включая электричество, так сюда и не добрался. Это было похоже на путешествие во времени, однако и в пространстве монастырь казался удаленным. Хотя он и был расположен в нескольких десятках метров от стен, отделяющих Ватикан от хаотичной жизни Рима, здесь царили мир и покой.

Сестра шла впереди Маркуса. На ходу подол длинной туники почти касался каменного пола, оставляя на виду только обувь. По обуви Маркус и распознавал их, то была единственная деталь, отличавшая каждую из вдов Христовых от ее сестер. Та, которая сейчас шла перед ним, носила черные сапоги до колен, очень потрепанные, туго зашнурованные.

Невозможно было даже определить возраст сестры. Единственной видимой глазу частью тела являлась рука, державшая свечу. При колеблющемся свете тыльная сторона ладони казалась гладкой как шелк. Как будто покой, царящий в этом месте, освобождал от земного притяжения и плоть, и дух.

Только на Корнелиуса эта власть не распространялась.

Они неспешно поднялись по лестнице, потом прошли по глухому темному коридору, в конце которого располагалась келья миссионера. Маркус издали заметил, что тот уже его поджидает, прислонившись к гладкой железной решетке и скрестив руки.

Сестрица в черных сапогах остановилась посередине коридора и передала Маркусу свечу. С этого места пенитенциарий должен был идти один.

Подойдя к решетке, он увидел того же самого утомленного старика. Лицо Корнелиуса было белым как молоко. Зубы пожелтели. На нем был заношенный, растянутый кардиган. Слишком просторные брюки подчеркивали худобу. Он горбился, седые волосы сильно поредели. Мылся Ван Бурен редко, и от него исходил скверный запах. Но Маркус слишком хорошо знал, что видимость обманчива.

Монстр только казался укрощенным. На самом деле он все еще был опасен.

Три года назад он вырвался на волю и убил одну из своих тюремщиц. Не удовлетворившись этим, разрубил труп на куски и разбросал их по лесу. В нем, как и прежде, таился бешеный зверь. Забыть об этом означало погибнуть.

– Добро пожаловать, пилигрим, – приветствовал его Корнелиус. – Что привело тебя в Божий дом?

В келье стояли койка и деревянный стул. На книжной полке – штук двадцать томов. От *De continentia*[5] святого Августина и *De libero arbitrio*[6] Эразма Роттердамского через жизнеописания святого Фомы и Иоанна Росцелина к «Божественной комедии». На протяжении двадцати трех лет эти тексты религиозного содержания были единственным, что связывало бестию с цивилизацией людей. Книги выбирал сам Батиста Эрриага. В остальном Адвокат дьявола приговорил преступника к полной изоляции. Так, чтобы

не умереть от скуки раньше положенного срока, Корнелиус был вынужден раз за разом перечитывать одни и те же страницы.

Маркус устроился на скамье, которая стояла у противоположной стены. Он произнес:

– Артуро Горда.

Его собеседник предпочитал стоять.

– Епископ... И что же случилось с ним?

– Он умер этой ночью, – отвечал Маркус. И добавил: – Недостойной смертью.

– Самоубийство?

– Механическое удушение.

– Интересно. Расскажи подробнее, пожалуйста.

Маркус описал сцену, представшую перед ним, а также инструмент под названием «удавка наслаждения».

Когда он закончил, Корнелиус не мог сдержать ухмылки.

– Воображаю, сколько стараний прилагает наш общий друг Батиста Эрриага, чтобы замаять историю развратного святого.

– Он послал меня все зачистить. Я хорошо поработал, мир никогда ничего не узнает.

– Но?... – Ван Бурен понял, что это не все.

– Есть нестыковки, – отвечал Маркус. – Начиная с обуви...

– С какой еще обуви?

Пенитенциарий опустил взгляд на белые парусиновые туфли у себя на ногах:

– Сегодня утром я очнулся в Туллиануме. Голый, в наручниках. Кто-то бросил меня туда, чтобы уморить голодом. Единственное, чем меня накормили, был ключ от наручников. Я выbleвал его и только так сумел освободиться. Несколько часов до пробуждения выпали у меня из памяти: не знаю, что я такое сделал и кто решил покарать меня подобным способом. Главное – не знаю, чем я это заслужил. Какая-то черная дыра.

– Но при чем здесь обувь?

– Я нашел эти туфли рядом с моей одеждой. Не знаю, откуда они взялись. Но у Горды в шкафу стояли такие же.

– Сколько человек могут носить такие же туфли? Почему ты решил, что это не случайность?

– Вот почему... – Маркус вынул из внутреннего кармана пиджака газету с заметкой об исчезновении маленького Тоби Фрая, которое имело место 23 мая девять лет назад. Протянул ее Корнелиусу, и тот взгляделся в текст. – Не знаю, зачем епископ хранил эту старую газету. Но это – второе совпадение с тем, что произошло в Туллиануме. Действительно, одевшись, я обнаружил у себя в кармане листок, вырванный из записной книжки. Там было сообщение, написанное моим почерком: «Найди Тоби Фрая».

Корнелиус вернул Маркусу газету. Потом, заложив руки за спину, принялся шагать по келье.

– Ребенок, пропавший девять лет назад, белые парусиновые туфли, Туллианум, епископ, умерший при нелепых обстоятельствах, твоя кратковременная амнезия... – Закончив перечень, он снова повернулся к Маркусу. – Если я помогу тебе, то что получу взамен? Какой будет награда?

Пенитенциарий ждал этого вопроса.

– Скажи, чего ты хочешь.

Корнелиус умолк, с увлечением обдумывая предложение.

– Книгу.

– Согласен.

Ван Бурен не мог поверить в свою удачу.

– Но не первую попавшуюся. Книга, которую я хочу, находится в Ангелической библиотеке. Это инкунабула. *Historia naturalis*[7] Плиния Старшего, переведенная гуманистом Кристофоро Ландино. Манускрипт предназначался для Фердинанда Первого Арагонского, короля Неаполя. Он содержит великолепные миниатюры.

Пока Ван Бурен описывал книгу, глаза у него блестели: ни дать ни взять жаждущий перед источником знания.

– Ты ее получишь, – заверил пенитенциарий.

– А что скажет Эрриага?

– Пускай утрется, – прозвучал короткий ответ.

Во время предыдущих визитов Маркус всегда держался отстраненно. Дистанция служила не только для того, чтобы не забыть, кто перед ним, но и для того, чтобы непредвзято рассуждать на темы, которых они касались в своих беседах. Они заключили между собой молчаливый пакт: никто не должен выходить за определенный предел и вступать на чужую территорию. Им никогда не стать друзьями, тем более душевными. Встречи с Маркусом служили для Корнелиуса развлечением среди мучительной рутины его существования. Пенитенциарий знал, что узник ни за что бы от них не отказался. Поэтому вплоть до сегодняшнего дня вовсе не нужно было предлагать ему что-либо в обмен на помощь. Более того, в этот раз Ван

Бурен сыграл на опережение, первым попросив награды. Наверное, догадался, что ставки высоки.

– Хорошо, я помогу тебе, – согласился Ван Бурен. – Но при одном условии: ты должен рассказать мне все. Если попробуешь что-то утаить, я сразу пойму.

– От тебя требуется то же, – откликнулся Маркус. Договор был заключен. – О чем говорит тебе эта история?

Корнелиус пребывал в замешательстве:

– Сам не знаю.. В нашем распоряжении слишком много деталей – слишком много странностей. Делать выводы рискованно.

– Думаю, это обрывки утраченных воспоминаний. Если я сложу их вместе, то пойму, что я забыл и почему.

Ван Бурен покачал головой:

– Мне жаль, но не думаю, чтобы из этого что-то вышло. Сначала нужно все расставить по своим местам.. Начнем с того, что сейчас происходит в городе.

Маркус умолк. Корнелиус никак не мог узнать о блэкауте.

– Что тебе об этом известно? – спросил он через какое-то время.

– В Древнем Риме авгуры толковали волю богов по полету птиц.. Я проделал то же самое и определил, что нам грозит серьезная опасность.

– У тебя даже окна нет, – заметил пенитенциарий.

– Я вовсе не смеюсь над тобой, – успокоил его Ван Бурен. – Обзор у меня ограничен, но слух по-прежнему остр. Сегодня на рассвете шел дождь. Но я слышал шелест крыльев – летели сотни и сотни птиц. Птицы не летают под дождем. Значит, их определенно что-то испугало.

– Тишина, – сказал Маркус, вспомнив о черных птицах в лесу. – Внезапно наступившая тишина сбила их с толку.

Корнелиус был явно доволен тем, что его умозаключение оказалось правильным.

– Только природный катаклизм или внезапная эпидемия могут заставить город погрузиться в молчание.

– Или отключение электричества на двадцать четыре часа.

Похоже, Корнелиус удивился.

– Стало быть, Рим на протяжении суток будет испытывать то, чему я подвергаюсь уже двадцать три года.

– Полагаю, так оно и есть. Но коль скоро ты это узнал, скажи, для чего служит эта информация, – отрезал Маркус.

Старик присел на койку: тело, утомленное жизнью в заточении, требовало отдыха.

– Лев Десятый...

– Что? – не расслышал Маркус.

– В тысяча пятьсот тринадцатом году четвертый сын Лоренцо Медичи взошел на престол святого Петра под именем Льва Десятого. Его произвели в кардиналы втайне, когда ему было всего тринадцать лет.

– Папа, на которого нападал Лютер, – припомнил Маркус. – Понтифик, разрешивший продажу индульгенций. – По этой причине он также оказался врагом пенитенциариев и Судилища душ.

– Верно, однако он также содействовал примирению. Спас жизнь Макиавелли, окружил себя такими художниками, как Рафаэль. В нем сосуществовали две натуры, часто вступая между собой в конфликт, как, впрочем, и во всех людях.

– Как это связано с тем, что происходит сейчас?

– Лев Десятый выпустил буллу. Распорядился, чтобы Рим «никогда, никогда, никогда» не оставался во тьме. Чтобы подчеркнуть важность указания, повторил слово «никогда» трижды.

– Но зачем было нужно такое распоряжение? Что во тьме над Римом так пугало папу?

– Никто этого так и не узнал. Но Лев Десятый через девять дней умер, возможно от яда.

Маркус знал, что пап убивали и до и после. В Церкви в ходе борьбы за власть стороны нередко прибегали к крайним мерам. Действующий понтифик прислушивался к советам Горды, епископ был видной фигурой.

– Ты хочешь сказать, что епископа могли убить?

Но Корнелиус вместо ответа задал встречный вопрос:

– Скажи-ка, ты тщательно осмотрел тело? Не было ли на нем странных знаков?

Маркус припомнил размытую татуировку на внутренней стороне бедра.

– Голубой кружок. – (Но откуда это известно Ван Бурену?) – Я выполнил соглашение: ты знаешь все, теперь твоя очередь говорить.

– Порядок, Маркус. Знать недостаточно, вначале нужно навести порядок в том, что ты знаешь, – во второй раз приструнил его Корнелиус.

– Я устал от твоих шуточек. Довольно.

Корнелиус поднялся, вновь принялся ходить по келье.

– Подумай хорошенько: первая деталь головоломки – блэкаут. А вторая?

Маркус не намеревался потакать этому садисту, ему не нравилось, когда им манипулируют, но пока что попытался взять себя в руки.

– Мое пробуждение в Туллиануме.

– Нет, ты ошибаешься, – произнес Ван Бурен с неожиданной силой. – Ты все время думаешь только о том, что случилось с тобой, тебе не дает покоя твоя кратковременная амнезия. Она пробудила в тебе страх, ты боишься, что опять окончательно потеряешь память, как много лет назад в Праге. Но начать нужно с того, что случилось после.

– Со смерти Горды.

– И как умер епископ?

– Я уже говорил тебе. Механическое удушение. Несчастный случай.

– «Удавка наслаждения»... И как чуть не умер ты?

– Меня хотели уморить голодом в той яме.

– Так что же общего между тобой и епископом, кроме дурацких белых туфель?

– Корнелиус начинал терять терпение. – Удавка, голод: разве это не приемы пыток?

– Ты хочешь сказать, что оба эпизода – дело рук одного человека?

– Почему ты спрашиваешь? Ты сам это знал еще до того, как пришел сюда.

– Это невозможно: Горда все сделал сам. Динамика процесса, способ действия, обстоятельства категорически исключают постороннее вмешательство. – Маркус не мог в это поверить. Его охватило бешенство: он был уверен, что Ван Бурен скрывает что-то очень важное. – Откуда тебе было известно о татуировке?

– Но мне не было ничего известно о ней. Я только спросил, были ли на теле знаки, и ты ответил: «Голубой кружок».

– Фигня! – разозлился пенитенциарий. – Давай выкладывай все, что знаешь.

Корнелиус усмехнулся:

– Папская булла, тьма над Римом... О чем это тебе говорит?

– О тайне, не разгаданной за века.

– А что испытывают обычные люди перед лицом тайны?

– Страх, – отвечал Маркус.

– Вот именно: мы все боимся неведомого. И какие намерения имел Лев Десятый, выпуская буллу?

– Защитить, предупредить.

– Точно! Ибо ему стало известно что-то такое, чего другие не знали. Что-то, что может случиться в темноте.

– Ты хочешь сказать, что булла содержит пророчество? Чепуха: пророчеств не существует.

– Тьма была врагом Льва Десятого. И в какое время суток бывает самая густая тьма?

– Ночью, – буркнул Маркус.

– И какие ночи бывают темнее других?

– Не знаю, – отмахнулся Маркус: с него хватило загадок.

– Ну подумай, – подстегнул его Ван Бурен.

– Безлунные.

– Нет! – завопил Ван Бурен. – Самая темная и пугающая ночь – это когда луна есть, но никто не может ее видеть.

Маркус снова вспомнил голубой кружок.

– Затмение.

Он произнес это очень тихо, но Корнелиус все равно уловил, что ученик усвоил урок.

– Верно. – По глазам старого учителя было видно, насколько он доволен. – А что такое блэкаут, если не технологическое затмение? Мир вокруг нас перестает быть таким, каким мы его знали. Как наши предки перед лицом временного исчезновения луны, мы внезапно чувствуем себя хрупкими и беззащитными. Уязвимыми.

– Что-то случится после заката. Что-то страшное, – понял пенитенциарий, и откровение ужаснуло его. Кто-то другой, может, и поверил бы, что папа предсказал это пятьсот лет назад. Но не Маркус. Он был уверен, что всему есть разумное объяснение. И убеждение, что Ван Бурен чего-то недоговаривает, все более крепло в нем. – Как я смогу этому помешать? Говори!

– Порядок, – напомнил Корнелиус наставительным тоном. – Приходи ко мне ночью с тем, что обнаружишь, и мы вместе поищем ответ. – И добавил с мрачной ухмылкой: – Только смотри не забудь принести мне ту книгу.

Вода в Тибре поднялась выше критической отметки.

То была последняя новость, касающаяся чрезвычайной ситуации. Уже несколько часов уровень воды в реке постоянно замеряли, боясь, что она внезапно выйдет из берегов. Невозможно было предвидеть, сколько осадков еще выпадет в Риме и смогут ли высокие набережные сдержать половодье.

Сотрудникам комитета гражданской обороны было поручено переместить произведения искусства, красующиеся в музеях и дворцах, на верхние этажи. Памятники, чтобы их защитить, обкладывали мешками с песком – ни дать ни взять крепостные стены. Площадь Навона, Алтарь Мира, Колизей, Пантеон, все церкви и археологические парки напоминали поле битвы.

Хотя наводнения не случалось уже более сорока лет, еще была жива память о капризах великой реки, которая в прошлом не раз затопляла исторический центр. Тибр подтверждал в очередной раз, кто истинный хозяин Рима, кто веками даровал городу блеск и благоденствие и кто мог отнять все это за несколько минут.

Еще и поэтому помещения полицейского архива были пустыми.

В самом деле, сотрудников бросили туда, где они могли принести больше пользы. Сандра на это надеялась, ибо не хотела объяснять коллегам, зачем явилась сюда. Просторный, расписанный фресками зал в старинном римском дворце, где ныне располагалось полицейское управление Рима, встретил ее нерушимым покоем. Словно в справочном зале огромной библиотеки, всюду царила тишина. Только на длинных деревянных столах вместо древних фолиантов стояли современные компьютеры, которые и сейчас еще работали благодаря электроэнергии, поступающей от генераторов.

Сандра присела к одному из терминалов и вбила имя Витали в поисковую систему.

Начав с послужного списка, она увидела, что инспектор за последние годы то и дело перемещался с места на место. Прежде чем прибиться к отделу криминальной статистики, он возглавлял отдел пенсий, потом руководил автопарком. Занимался вопросами связи, ведомственным журналом и тому подобным. Весьма скромные посты, далекие от оперативной работы, а потому не предполагавшие никакого риска.

Тем не менее утром в «муравейнике», в кабинете Витали обнаружил полное владение ситуацией. Характеризуя убийцу из видеозаписи, найденной в сотовом телефоне, он выражался как настоящий профайлер. «Там, снаружи, есть человеческое существо, способное творить невыразимые вещи с себе подобными... было бы ошибкой думать, что речь идет лишь о предупреждении

либо об угрозе. Это объявление о намерениях. Он хочет сказать, что это только начало».

Сандра была уверена: что-то с этим полицейским не так, что-то не сходится. Она попыталась добраться до старых личных дел, узнать, кто же такой инспектор на самом деле. Но запрос был наглухо заблокирован, и обойти блокировку не представлялось возможным.

«Файл четвертого уровня», – гласила надпись на мониторе.

Хрена лысого – отдел криминальной статистики, ругнулась Сандра. Четвертый уровень секретности имели дела, касающиеся национальной безопасности. Туда входили расследования по террористическим группировкам, подрывным элементам, серийным убийцам.

Под какую из этих категорий подпадало убийство, снятое на видео? Наркоман, заговоривший на арамейском после причастия черной облаткой. Кислота, которую его заставили выпить и которая сожгла его плоть изнутри. Голубой кружок на руке. Убийца, который заснял все на телефон, а потом нарочно оставил в такси, чтобы запись попала в полицию.

Откуда на сотовом телефоне след крови? Действительно ли Маркус замешан в этой истории, или она внушила это себе, поскольку никак не может выбросить этого мужчину из головы?

Ей пришли на память слова в переводе Витали, которые приговоренный бормотал перед смертью: «Владыка теней шествует со мной. В нем – истина. В нем – новая жизнь...»

Это молитва, а значит, и пенитенциарий может иметь к делу какое-то отношение. И в то же самое время моление какое-то странное. Выбивается из общепринятых представлений.

Поэтому Сандра решила углубиться в проблему, расспросив наиболее близкого к религии человека из всех, кого она знала.

* * *

Огнеупорная дверь, ведущая на пожарную лестницу с четвертого этажа квестуры, все время отключалась от системы противопожарной безопасности. И это несмотря на то, что за ней неусыпно следили. Сенсор приводили в порядок, но через несколько дней он вновь выходил из строя. Ни один из техников не мог проникнуть в эту тайну. Но чтобы раскрыть секрет, достаточно было пройти туда около одиннадцати часов утра, когда комиссар Креспи через эту дверь выходил на балкончик выкурить единственную за день сигарету. Только Сандра была в курсе того, что именно он постоянно отключал сенсор, ибо выделил себе маленький личный оазис для наслаждения и вовсе не желал отказываться от него. Даже если приходилось жертвовать безопасностью коллег.

Единственный настоящий грех такого безупречного человека, как Креспи, подумала Сандра.

Она была уверена, что ни грозный метеопрогноз, ни блэкаут не помешают комиссару насладиться в одиночестве этими минутами блаженства. И в самом деле, отправившись на его поиски, Сандра застала его там, где и ожидала встретить.

– Вега, что ты здесь делаешь? Разве тебя не отпустили на весь день?

Комиссар едва успел зажечь сигарету.

– Нам нужно поговорить.

– О чем?

– Кто такой Витали?

Креспи выдохнул дым, глаза у него забегали.

– Что за вопрос?

– Я собираюсь узнать, кто такой Витали на самом деле...

– Почему бы тебе не вернуться домой? Ты слышала, что Тибр может выйти из берегов?

Сандре, однако, не было до Тибра никакого дела. Она подошла к комиссару и заглянула прямо в его маленькие зеленые глазки:

– Ты, он, старший комиссар, начальник полиции: утром все вы вместе устроили для меня хороший спектакль. Что за этим кроется? Я имею право знать.

– Тебе все рассказали. Что еще тебе нужно знать?

– Не так плохо, что вы впутали меня в это дело. Куда хуже то, что и ты стоишь за подобной пакостью.

Креспи молчал слишком долго. Похоже, слова Сандры задели его самолюбие.

Значит, она не ошиблась. И пошла напролом:

– Я всегда думала, что ты не такой, как другие, ты – лучше. И всегда тебе доверяла. Доверяю и сейчас, иначе бы не пришла.

Креспи – хороший человек. И Сандра знала о его тайном местечке только потому, что он сам привел ее сюда, когда она разрыдалась, не выдержав напряжения. Это случилось после ужасного завершения охоты на Римского монстра и после того, как она распрощалась с Маркусом. Креспи не хотел, чтобы другие полицейские видели ее в слезах, поэтому предложил ей убежище и подставил плечо.

– Ну же, комиссар, скажи мне, что происходит. Пожалуйста.

Креспи так глубоко вздохнул, что выпирающее брюшко заколыхалось. Пригладил волосы, почесал в затылке, подыскивая убедительный предлог, чтобы пресечь расспросы. Наконец нашел.

– О подобных вещах стараются не говорить. Тема двусмысленная, неудобная... И налогоплательщикам не нравится, когда их деньги расходуют на такие дела, особенно когда вокруг столько обычных преступников, которых нужно ловить. И пресса не устает подливать масла в огонь, формируя общественное мнение. Вот почему у Витали особый статус в полиции, он предпочитает не афишировать то, чем занимается.

Смысл его речей ускользал от Сандры. Комиссар был не в своей тарелке, явно уваливал от ответа.

– Креспи, о чем ты говоришь? Чем он занимается? Ничего не понимаю...

Комиссар сглотнул, пристально посмотрел на нее:

– Руководит отделом эзотерических преступлений.

Сандра мгновенно поняла, почему комиссар медлил с ответом.

– Что за отдел?

– По правде говоря, его представляет один Витали, – заговорил комиссар вполголоса. – Занимается преступлениями, которые имеют отношение к религии: проповедниками, которые уещают беззащитных молодых ребят, заманивают их в свои общины и обращают в рабство; оголтелыми фанатиками, которые убивают, дабы очистить общество от грехов; сектами сатанистов...

Сандра снова вспомнила видео с сотового телефона. Какое именно действие она наблюдала? Впечатление, что на ее глазах совершилось что-то вроде человеческого жертвоприношения, не пропадало. Слова Креспи только усилили его.

– Расскажи мне о Витали.

– Он говнюк, но ты и сама это поняла.

Странно было услышать такое слово из уст Креспи, который всегда следил за своей речью, никогда не бывал вульгарен. Если уж он опустил до такого лексикона, стало быть, знает, о чем говорит.

– Да, он мне тоже не понравился.

– Конечно, только не слишком об этом распространяйся. Материи, которыми занимается Витали, весьма деликатные, он привык действовать в серой зоне. При расследованиях ему предоставляются широкие полномочия, у него повсюду уши. Это влиятельный человек, его даже начальство боится. Поговаривают, будто ему ведомы разные секреты и это ему гарантирует служебную неприкосновенность.

– Что ты имеешь в виду?

– Что ему позволено прибегать к нестандартным методам, которые балансируют на грани Уголовного кодекса, хотя по видимости законы не нарушаются. В делах, которые он ведет, сохранить тайну важнее, чем добиться результата.

Сандра пристально взглянула Креспи в глаза:

– Ты ведь тоже боишься его, правда?

Креспи отбросил окурок и, вопреки правилу, которое сам для себя установил, закурил новую сигарету. Глубоко затянулся и наставил на Сандру указательный палец:

– Послушай меня хорошенько: держись от него подальше, ясно? Не суйся в его дела, отступись.

– Тогда ты объясни мне, что это за видео...

– Мать твою, да ты не слушаешь, что тебе говорят! – Креспи явно вышел из себя. – Возвращайся домой и насладись как следует выходным, который подарил тебе Витали.

– Видео, – не отставала она.

Старый полицейский поглядел на нее, выпуская дым, потом нехотя продолжил:

– Возможно, убийца заставил жертву выпить состав на основе едкого натра, разбавленного, чтобы ослабить действие и продлить мучения. Да, боль играет важную роль в этом действе.

– Объясни почему.

– Потому что речь идет о ритуальном убийстве.

Сандра правильно догадалась, хотя в присутствии Витали и промолчала.

– Мы не знаем, кто этот бедняга, который умер такой ужасной смертью. Зато знаем, что черная облатка – часть очень древнего обряда. Ее использовали в Церкви затмения. – Креспи испуганно огляделся. – Боже правый, я не должен был говорить тебе об этом...

Уж если комиссар помянул Господа всуе, значит дело и впрямь серьезное.

– До того как тебя привлекли, у нас было еще совещание, с главным комиссаром и начальником полиции. Вчера вечером, сразу после того, как нашли видеозапись в сотовом телефоне. Тогда Витали и объяснил нам, что эта секта восходит к временам папы Льва Десятого. В ночи, когда происходят затмения луны, ее члены совершают убийства в Риме. Приносят невинные жертвы.

– С какой целью?

– Не знаю, Витали не сказал. Он только добавил, что у приверженцев этой церкви есть татуировка: маленький голубой кружок.

Такой кружок Сандра заметила на руке жертвы.

– А человек на видео? Если он член секты, почему его убили?

– Ты слишком многого хочешь от меня, я понятия не имею, – вздохнул Креспи. – Наверное, это известно только Витали. Он хорошо разбирается в подобном дерьме. Говорит, будто черная облатка символизирует тень Земли, которая отражается на лунном диске, и что, проглотив ее, члены секты достигают «экстаза познания», – заключил он с пафосом.

– Сам-то ты что об этом думаешь?

– Что до вчерашнего дня меня бы подобные вещи насмешили. Но я увидел ту же видеозапись, что и ты.. И парень заговорил по-арамейски – боже правый..

– Ты не думаешь, что блэкаут и чрезвычайное положение могут сыграть с нами злую шутку? Я хочу сказать, что ситуация совершенно исключительная, нам не доводилось переживать ничего подобного, и это могло сказаться на нашей способности к суждению.

Креспи на мгновение задумался.

– Наверное, ты права. Мы сейчас чувствуем себя так же, как наши предки перед явлением природы, которое они не в силах были объяснить. Страх мешает нам трезво мыслить.

Однако у Сандры еще оставался один, последний вопрос.

– Почему меня привлекли? Именно меня? Только не пори опять эту чушь, будто я лучший фотограф-криминалист в Риме.

Креспи сдался:

– В том сотовом телефоне, кроме видео, была твоя фотография.

Это открытие потрясло Сандру еще больше того, что, возможно, на аппарате остались следы крови Маркуса.

– Витали сомневается: он не верит, что ты в этом замешана. Наоборот, он считает, что убийца хотел сообщить нам, кто станет следующей жертвой... Поэтому он и предоставил тебе выходной. Ублюдок хочет использовать тебя как приманку.

2 часа 35 минут до захода солнца

С тех пор как накануне вечером было объявлено о блэкауте, для Руфо Таракашки наступило время лихорадочного ожидания, эйфории, смешанной с нетерпением.

Запершись в гараже, где он жил, парень всю ночь готовился к событию, обдумывая, как использовать такую неповторимую возможность: двадцать четыре часа настоящего вавилонского столпотворения. Можешь творить все, что угодно, оставаясь безнаказанным. Конечно, следует смотреть в оба, но мысль о том, что можно кое-что проделать, выглядела очень заманчивой.

Как и все, Руфо Таракашка ждал заката, чтобы преступить черту. Тьма будет с ним заодно. Но сначала нужно выбрать жертву.

Очень скоро он предался фантазиям о той счастливице, которой выпадет честь быть изнасилованной. Обычно он высматривал легкую добычу. Отвергал наркоманок и бомжих, поскольку боялся подцепить заразу. Значит, оставались пьяные иностранные туристки, девицы, путешествующие автостопом или сбежавшие из дома. Подходили и толстушки, выставявшие свои фото в Интернете, – этим засранкам в Сети удавалось заарканить мужиков, которые в реальной жизни ни за что на свете и не взглянули бы на них. Просто невероятно. Но и на них охотился Руфо, потому что они, как и другие девушки из его списка, редко заявляли в полицию. И стыдились, и в глубине души понимали, что напросились сами.

Между тем блэкаут менял правила игры. Зачем теперь мелочиться?

Всю ночь Руфо Таракашка представлял себе брюнетку, которую часто встречал в супермаркете. Спортивная сумка, слабый запах пота, большие сиськи и выступающий зад. Или вот еще блондинка, которая работает в отделе сотовой связи, – ух! Красотка! Как все продавцы, она носила кошмарную униформу, но из-под брюк с заниженной талией всегда выглядывали оранжевые трусики-танга. И она, шлюшка такая, нарочно наклонялась, чтобы возбудить. Была еще хозяйка бара, где Руфо каждое утро пил кофе. Разведенная, с сыном. Муж, должно быть, бросил ее, потому что дамочке слишком нравилось трахаться с кем попало, именно так. Она флиртowała с клиентами, отпускала скабрёзные шутки, любила, чтобы за ней ухлестывали. Хотя Руфо эта проститутка ни разу не удостоила взглядом. Для нее, да и для других женщин, он как бы не существовал. Хрупкий парнишка, робкий, замкнутый, ходит по стеночке, прячется по углам. Именно что таракашка. К тому же из тех, кого и раздавить-то побрезгуют. Знали бы твари, как он управляется с вибратором и ножом... На этих женщин Руфо всегда лишь смотрел издали. Слишком красивые и недоступные для такого сопляка, как он. Попробуй Руфо их заполучить, прибегнув к обычному методу, непременно оказался бы в тюрьме.

Но сейчас – нет. Сейчас можно дерзнуть. Сегодня он как таракан в кладовке, полной сластей. Сколько вкусного сахарку!

После долгих раздумий он исключил брюнетку из супермаркета, поскольку было некогда все о ней выяснять, и хозяйку бара, из-за сына, который мог

путаться под ногами. Оставалась блондинка из отдела сотовой связи. Нетрудно было обнаружить, где она живет.

Задумка была такая: явиться к ней на дом и устроить сюрприз.

Но чтобы приступить к делу, нужно, чтобы село солнце. Руфо мастурбировал по меньшей мере четырежды с тех пор, как проснулся. Пора уняться, иначе не хватит запала на ночь. Чтобы отвлечься, он принялся готовить оборудование, заодно прокручивая в голове выработанный план. Объявлен комендантский час, значит нужно быть осторожным. Если полиция поймает его с такими вещами в рюкзаке, то избьют в кровь. Ублюдки. Руфо был уверен, что эти садисты в мундирах спят и видят, как бы заграбастать какого-нибудь беднягу и раскроить ему череп дубинками. Сегодня ночью в Риме разразится третья мировая война. Но всем известно, что тараканы не боятся бомбежки. По сути, они единственные на планете создания, пережившие все мировые катаклизмы, случавшиеся на протяжении миллионов лет.

У себя в гараже Руфо мысленно прошел маршрут, который выбрал, чтобы не наткнуться на патруль. Потом еще раз проверил маленькую видеокамеру GoPro, которую собирался закрепить у себя на лбу на время охоты. Она должна сработать. На самом деле единственной проблемой были батарейки. Ведь их никак не подзарядить, остается надеяться, что хватит тех, какие есть в запасе. Вот будет хохма, если батарейки откажут на самом интересном месте. Он изрядно потратился на драгоценную вещицу, но и результат в конечном счете получился замечательный. Изображение устойчивое, освещение корректируется автоматически. Конечно, после он работал над фильмами, улучшал качество.

Многие ошибочно приняли бы Руфо Таракашку за простого маньяка-насильника. А он – маленький магнат, успешный продюсер. Его молодая стартовая компания сорвала банк в Сети.

Крайняя граница порно в Интернете – изнасилование.

Руфо не просто снимал фильм – он считал себя артистом. Его творения стали легендой среди любителей жанра. В последнее время Таракашка прикупил оборудование для прямого показа. У него была масса идей.

Кто знает, сколько принесет ему в денежном эквиваленте сексуальное насилие над блондинкой во время блэкаута. Целое состояние, точно. Руфо собирался снимать все, начиная с того, как он входит в квартиру. Пока он раздумывал над этим, кровь жаркой волной прихлынула к паху. Пенис опять затвердел. Вместо того чтобы обуздать порыв, Руфо сунул руку в штаны и стиснул член – катись оно все к чертям; чтобы обработать блондинку, да не один раз, он примет сиалекс. Запрокинув голову и прикрыв глаза, он ждал оргазма. Но дождался раздирающей боли внизу живота.

– Как поживаешь, Руфо? – спросил Маркус, сжимая в пальцах его тестикулы.
– Что замышляешь? – Он приподнял парня на несколько сантиметров над полом.

Руфо был не в силах произнести ни слова. Воздух в единый миг вышел из легких, а вдохнуть никак не получалось. Мужик подкрался из-за спины – как он вообще попал в гараж? Но Руфо узнал его по голосу. Тот самый тип со

шрамом на левом виске, у которого вечно шла носом кровь и которого Руфо окрестил Кайфоломом. Единственный раз, когда они пересеклись, мужик положил конец одному из лучших представлений, с азиаткой, которую Руфо от души приласкал ножом. Воспоминания об этой встрече были еще свежи, ведь пришлось два месяца проваляться в больнице со смещением позвонка и защемлением в области таза.

– Руфо Таракашка, – произнес Маркус. – Паскудный герой скверной сказочки.
– Он немного ослабил хватку, чтобы дать Руфо возможность вздохнуть. Огляделся. – Вижу, у тебя новая берлога. Молодец: пионеры веб-сайтов всегда начинают в гаражах.

Руфо что-то забормотал. Но даже он сам не понимал, что плетет.

– Не слышу... Что ты пытаешься мне сказать? – Пенитенциарий зашептал прямо в ухо серийному насильнику: – Побереги дыхание и отвечай на вопрос, только быстро: «удавка наслаждения», приборчик для связывания, в самом деле прелестный. Правда, у того, который я нашел, есть еще дополнительные опции: очки дополненной реальности, сенсоры, улавливающие возбуждение и регулирующие действие удавки, подключения к Интернету для доступа к порнографическим сайтам. Все лежит в изящной шкатулке, подбитой черным бархатом.

– ...Богач...

Маркус уловил только это слово. Тогда он решил дать Руфо перевести дух. Когда он отпустил тестикулы, Таракашка рухнул на пол, с багровым лицом, извиваясь, прижав руки к паху.

– Повтори, пожалуйста, что ты сейчас сказал?

Через какое-то время Руфо заскулил тоненьким голоском:

– Что только богач может позволить себе некоторые вещи...

– Эта деталь от меня не укрылась. Расскажи мне то, чего я не знаю, иначе я продолжу дезинсекцию. Решай сам.

Руфо Таракашка перевернулся на спину и долго смотрел в потолок, пытаясь справиться с болью.

– Я хотел сказать, что вещь стоит кучу денег, потому что это единственный экземпляр, сделанный на заказ.

– Кто изготавливает такие вещи?

– Кожа хорошей выделки и электроника, верно?

Маркус понял, что обратился по верному адресу.

– Точно так.

– Тогда в Риме только один человек делает такую работу. Настоящий мастер. Его клиенты – видные люди, а главное, денежные. Не постоят за ценой ради качества.

– Как его зовут?

– У него нет имени. Все зовут его Кукольник.

Подходящая кличка, если учесть, какой товар он продает. Мудреные игрушки для взрослых, маленькие механические извращения.

– Где я могу его найти?

– Уж точно не в телефонном справочнике. – Руфо расхохотался, но быстро стих: приступ боли напомнил ему, что лучше пока не двигаться. – Я только что сказал тебе, что у него нет имени, логично предположить, что никто не знает, где он живет, так?

– Что я должен делать, чтобы найти его?

Руфо рассудил, что это шанс спасти свою шкуру.

– Если я отведу тебя, пообещаешь, что не прикончишь меня?

Маркус не бросался такими обещаниями.

– Пока не знаю.

* * *

Руфо шел впереди, держась близко к домам, чтобы укрыться от дождя под балконами. Маркус следовал за ним в нескольких шагах, стараясь не упускать его из виду и не обращая внимания на потоки воды.

На улицах стало меньше людей, чем утром, и прохожие ускоряли шаг, чтобы вернуться домой до начала комендантского часа. Небо, покрытое темными, тяжелыми тучами, изменило цвет. Маркус понял, что следует поторопиться.

Заход солнца близок.

Квартал Париоли, один из самых элегантных в городе, хорошо охранялся силами правопорядка. Может, из-за бросающегося в глаза благосостояния его обитателей, подумал пенитенциарий. Комендантский час вряд ли отпугнет воров. Скоро они явятся сюда толпой, голодные и злые.

У Кукольника проблем не возникнет, ибо он давно уже принял все меры предосторожности. Он жил в красивом особнячке с садом, постройки пятидесятих годов, окруженном высокой кирпичной стеной с колючей проволокой поверху. Повсюду камеры слежения. На всех горит красный

глазок, значит хозяин дома позаботился о том, чтобы установить генератор. Пенитенциарий насчитал по меньшей мере три внешние системы сигнализации. А сколько их еще в доме. Оставалась только одна возможность войти. Они подошли к калитке, и Маркус подтолкнул Руфо к домофону.

– Он разозлится не на шутку, когда увидит, что я привел тебя сюда, – проговорил Таракашка. – Если вообще захочет открыть.

– Надеюсь, ты сумеешь его убедить, ради твоего же блага, – пригрозил Маркус.

Руфо протянул руку к панели, но тут же замер:

– Что за черт...

Таракашка уставился на калитку, потом коснулся ее. Нажал – и калитка открылась. Не зная, что делать дальше, вопросительно взглянул на Маркуса. Пенитенциарий снова подтолкнул его.

– Эй, я привел тебя сюда, дальше иди сам, – запротестовал парень.

Маркус даже не стал его слушать. Схватив Руфо за руку, зашагал к дому. Когда оба подошли к крыльцу, обратил внимание, что изнутри не доносится ни звука. И, несмотря на генератор, нигде не горит свет. Входная дверь тоже была всего лишь притворена.

– Опиши мне Кукольника: какой он из себя?

– Толстый, лысый, вспыльчивый, – ответил Руфо.

– Сколько ему лет?

– Откуда мне знать: думаю, лет пятьдесят.

– Оружие у него есть?

По выражению лица Таракашки было понятно, что он таким вопросом никогда не задавался.

– Послушай, я сейчас обделаюсь. Отпусти меня, а?

Маркус снова проигнорировал его и толкнул в дверь.

– Сукин сын! – выругался Руфо, кубарем полетев в комнату.

Пенитенциарий вошел, переступил через него и огляделся. Станный был этот дом. Стены выкрашены в темно-красный цвет, и в них встроены витрины. Маркус подошел к одной. Каруселька из жести, великолепно украшенная, все лошадки покрыты блестящей эмалью. В другой витрине – миниатюрный заводной цирк. В третьей – заводная кукла.

Кукольнику нравились старинные образцы.

– Какова коллекция, а? – заговорил Руфо. – Когда я пришел сюда в первый раз, то совсем...

– Тихо! – оборвал его Маркус. Сквозь шум дождя он расслышал звук, доносившийся откуда-то из глубин дома. – Ты тоже это слышишь?

– Что именно я должен слышать?

Жалобный звук то нарастал, то ослабевал. Но пенитенциарий не был уверен, что он существует на самом деле. Может быть, это следствие недавней амнезии, слуховая галлюцинация, присутствующая только у него в голове. Он рванул Руфо за руку и потащил его за собой в коридор.

Они попали в круглый зал. Окна выходили во внутренний сад. Пинии, оголенные бурей, имели гротескный и зловещий вид, словно пляшущие скелеты.

– Здесь мастерская, – объявил Таракашка.

Обширная комната была разделена на две части. С одной стороны – компьютерная установка и стальной стол, на котором разложены детали робототехники. С другой – рабочая стойка. На ней – инструменты ремесленника. Куски кожи, бархата, шелка. Еще какой-то светлый материал, который казался мягким и приятным на ощупь.

– Знатная выделка: только Кукольник так может, – похвалил Руфо.

– Что из этого делают?

Руфо расхохотался:

– Как это – что? Ты сам как думаешь? Разве тебе не хочется пощупать ее?

Маркус понял, что парень над ним смеется. Он отвернулся от мягкой кожи и подошел к компьютеру.

– Что ты знаешь об «удавке наслаждения»?

– Кукольник как-то сказал мне, что немного ее усовершенствовал. Та, которую ты описал, – версия класса люкс. Она подключена к базе данных, где имеются изображения, которых не найдешь в обычном Интернете, только в подпольной сети – так называемой Deep Web. Экстремальные штучки, или снафф. Можно получить срок только за то, что держишь их у себя.

Пенитенциарий не мог выбросить из головы две ипостаси Артуро Горды. Одну он демонстрировал большинству людей – и для них был святым еще при жизни. Другая предстала глазам немногих этим утром – голый, мерзкий старик.

– Раз порнографический контент приходит непосредственно из Интернета, возможно, и удавка снабжена каким-то средством удаленного контроля.

– Может быть, – пожал плечами Руфо. – Я в этом не очень разбираюсь.

Но Маркус уже говорил сам с собой, сам себя убеждал, что его теория имеет смысл.

– Если прибор контролируется на расстоянии, кто-то мог беспрепятственно проникнуть в программу и направить его действие.

– Компьютерный вирус. Да, еще бы, – поддакнул Таракашка.

Тогда Горду определенно убили, подумал Маркус. И убийца мог действовать прямо отсюда. Гипотеза обретала форму, обращалась в уверенность, но ход размышлений Маркуса прервал тот же самый жалобный звук, какой он слышал, только что зайдя в дом.

Но на этот раз и Руфо слышал его.

– Что за черт? Кажется, будто плачет...

– ...ребенок. – Теперь у Маркуса не оставалось сомнений.

Оба повернулись в одну и ту же сторону. Плач доносился из-за закрытой двери. Маркус направился к ней.

– Эй, погоди! – пытался остановить его Руфо. Но Маркус не желал ничего слушать. – Вот черт! – выругался Таракашка и последовал за ним.

Маркус открыл дверь, переступил порог. Пришлось подождать, пока глаза привыкнут к полутьме. Потом он увидел. Да, ошибки нет.

Посреди комнаты стоял ребенок.

– Мама, мама! Забери меня отсюда, мама! – в ужасе умолял он. – Не оставляй меня здесь! Не бросай меня одного!

Аномалия сразу бросилась в глаза: за девять лет Тоби Фрай ничуть не вырос.

– Чертова кукла! – вскричал Руфо у него за спиной. – Прямо дрожь по коже!

Мальчик был поставлен в одну из витрин Кукольника. Мелкие слезы струились по его лицу. Когда он говорил, губы его едва шевелились. Но главное – лицо было лишено всякого выражения.

– Мама, мама! Забери меня отсюда, мама! Не оставляй меня здесь! Не бросай меня одного! – повторила кукла в третий раз.

– Боже, он как настоящий. – Руфо говорил серьезно.

Кожа тонкой выделки, которой славится Кукольник, подумал Маркус. Такая же, какую он видел в мастерской. Вот для чего она служит: чтобы изготавливать совершенные подобию плоти в натуральную величину.

– Он просто бог! – восхищался Таракашка. – Тебе нравится истязать женщин? Он тебе сконструирует такую, которая будет просить пощады. Ты – педофил,

но боишься попасть в тюрьму? Он позволит тебе воплотить все твои фантазии, не рискуя нарушить закон.

Он помогал удовлетворить самые гнусные желания. Люди предавались разврату, оставаясь чистыми, словно ангелы.

– Погоди-ка... – Руфо подошел ближе к витрине. – Я знаю, кто это! Мне было десять лет, и мать не давала мне шагу ступить, никуда не отпускала одного. Просто помешалась на этом. Все твердила: «На улицах полно злодеев, которые похищают детей, смотри, будет с тобой то же, что с Тоби...» Этот маленький ублюдок испоганил мне детство. – Руфо захихикал. – Никто так и не узнал, что с ним случилось; надеюсь, он сдох.

Маркус не имел желания отвечать на гадости, исходявшие из уст Таракашки. Но сообщение Руфо, а именно что Тоби так и не нашли, расстроило его.

Маркус наклонился, заметив рядом с витриной, в которой стояла кукла, беспроводной телефон. Он все еще был включен, но, разумеется, связь отсутствовала. Кто-то недавно звонил отсюда, сказал себе пенитенциарий.

– Эй, у тебя кровь носом пошла.

Маркус поднес руку к лицу. Руфо оказался прав.

– Как и в прошлый раз, – заметил Таракашка. – Это я на тебя так влияю? – И снова захихикал.

Пока пенитенциарий смотрел на свои пальцы, вымазанные красным, что-то промелькнуло у него перед глазами и опустилось прямо на кровавое пятно.

Небольшая муха в очень элегантном наряде, синем, с металлическим отливом.

– Я хочу, чтобы ты убрался отсюда, – велел Маркус. – И чтобы больше ноги твоей здесь не было.

Руфо не мог в это поверить. Его не собираются убивать? Он может идти к себе в гараж, вернуться к своим планам на эту ночь? Тип, который в их первую встречу превратил ему яйца в кашу, вроде бы говорил серьезно.

– Да, конечно, – заторопился Руфо, стараясь скрыть ликование.

Потом, не дожидаясь, пока ублюдочный Кайфолом передумает, развернулся и бросился к выходу. Блондинка из отдела сотовой связи ждала его, хотя сама еще об этом не знала.

Оставшись один, Маркус склонился над синей мухой.

– Лети, малышка, – проговорил он. – Приведи меня к нему.

Мухи роились в коридоре третьего этажа. Сновали между потолком и запертой комнатой, просачивались под дверь.

Маркус хотел было взяться за ручку, но сначала надел латексные перчатки. Когда дверь распахнулась, пенитенциария обволокло черное облако. Только разогнав насекомых, он почувствовал тошнотворный запах. Отпрянул, будто его оттолкнула чья-то невидимая рука. Как мог прикрыл нос и рот рукавом куртки и снова двинулся вперед, стараясь не дышать. Наконец преодолел барьер миазмов и вошел в помещение.

То была маленькая ванная для персонала. Свет не горел, но ставни единственного окна были всего лишь притворены, впуская завивавшуюся спиралью вереницу синих мух.

Труп лежал в ванне. Связанный по рукам и ногам. Голый. Описание Руфо попало в самую точку. Кукольник был толстый и лысый. Его покрывала липкая желтоватая масса, в которой шевелились тысячи личинок. Мед мертвецов.

Calliphora erythrocephala, более известная как «синяя муха».

Маркус сразу опознал эту падальщицу, которая села ему на руку, привлеченная кровью, вытекшей из носа. Потом оставалось только пойти за ней.

Кукольнику выпала на долю худшая из старинных пыток. Восковая кукла.

Кончина жестокая, но в некотором роде элегантная. Связав приговоренного, его обливают сладким молоком. Потом оставляют в комнате с открытым окном. И ждут, пока слетятся мухи.

Синяя муха принимает за трупную вонь запах молока, разлитого по телу и вобравшего его тепло. И откладывает яйца в плоть. Через несколько дней они раскрываются, и личинки начинают питаться мясом, пожирая несчастного живьем.

Устроив ванну с мухами для Кукольника, убийца сошел вниз и стал ждать у компьютера, пока епископ Горда задействует удавку. Тот подключился к Сети и был удушен на расстоянии.

И в то же самое время тот же человек пытался убить Маркуса, заточив его в Туллиануме.

Пенитенциарий не мог в очередной раз не задаться вопросом, какое отношение он сам имеет к этой истории. Какую роль играет в ней? Почему ему не удается ничего вспомнить?

Найди Тоби Фрая.

Покамест он нашел только жуткое подобие мальчика. И прекратил терзать себя вопросами, заметив на щиколотке Кукольника знак.

Татуировка затмения, голубой кружок, такой же, как у епископа.

Надо бы поискать другие странности. Но свет, просачивающийся из окна, становился все более бледным: скоро его сменит тьма. Вот оно, сказал он себе: сумерки. Нельзя оставаться здесь, взаперти, нужно двигаться дальше. Но какое-то наитие остановило его. Не разгадав смысла беспроводного телефона рядом с куклой, Маркус рассчитывал, что убийца оставил для него какой-то еще знак. Невозможно, чтобы здесь все кончилось, чтобы все кончилось так.

Он наверняка хотел повести меня дальше.

Маркус встал на колени перед трупом. Если убийца в самом деле что-то оставил, искать нужно тут. Какой смысл оставлять послание в каком-то другом месте. Пенитенциарий собрался с силами, погрузил руку в ванну и стал ощупывать дно, покрытое слоем липкого жира, образовавшегося в процессе гниения. Он закрыл глаза, с трудом удерживая рвотные позывы.

Вскоре что-то нащупал. Значит, не ошибся.

Маркус выудил скатанный шариком листок бумаги. Он здесь недолго пролежал, подумал пенитенциарий, иначе кислоты разлагающегося тела разъели бы его. Развернул бумажку. Еще одна страничка, вырванная из таинственной записной книжки. И снова Маркус узнал собственный почерк. Но на этот раз никакого упоминания о Тоби Фрае.

На этот раз на листке значилось другое имя.

12

Батиста Эрриага неподвижно стоял у широких окон своей мансарды, из которых открывался вид на Императорские форумы.

Над Римом нависли тяжелые багровые тучи, готовые пролиться кровавым дождем. Тени становились длиннее, предвещая наступление сумерек.

Кардинал все крутил и крутил пастырский перстень на указательном пальце. И спрашивал себя, не является ли это, по сути, справедливым возмездием за грехи человечества. Включая его собственные.

Несколько часов назад была разыграна сцена вторичного обнаружения безжизненного тела Артуро Горды. Обнаружения «официального», в комнате, подчищенной Маркусом. Эрриага решил, что при встрече похвалит пенитенциария за отличную работу. Никакой «удавки наслаждения», никакой наготы.

Но после случилось кое-что еще.

Кардинал потратил годы, чтобы окружить себя роскошью, добиться привилегий. Его дом представлял собой зримую эмблему власти, завоеванной в ожесточенной, порой безжалостной борьбе. Антикварная мебель, картины Гверчино и Гирландайо и прочие сокровища, какие ему удалось собрать, должны были служить прибежищем, утешением. Но в данный момент роскошные вещи напоминали кардиналу только о том, что он может все потерять.

Пророчество Льва Десятого. Знаки.

Он увидел из окон черный стяг, поднятый над крышей дворца Апостольской канцелярии. Тайный условный знак. Так объявлялось о чрезвычайном созыве Судилица душ.

Поэтому Эрриага готовился выйти из дому, бросая вызов концу света. Несмотря на то, что его личный секретарь сообщил, что Тибр грозит наводнением.

Но кардинал не переставал терзаться вопросами. Зачем такая срочность, почему нельзя отложить заседание суда до конца блэкаута и улучшения погоды? Что за тяжкий грех прозвучал на исповеди? И почему необходимо срочно решить, дать ли грешнику отпущение или нет? На ум Эрриаге приходил только один ответ.

Единственный грех, который не может ждать, – тот, в котором раскаивается умирающий.

Пророчество Льва Десятого. Знаки.

Нет, Адвокат дьявола не может пренебречь своим долгом.

* * *

Сандра зажгла все свечи, какие были в доме: не хотела, чтобы тьма застигла ее врасплох. Поскольку после отключения электричества нагреватель не работал, приняла ледяной душ. Исчезли маленькие удобства обыденной жизни. Но хуже всего, что это случилось так быстро, что люди не успели привыкнуть к новому положению вещей.

И, не желая сдаваться, Сандра приняла решение. Если в самом деле наступает конец света, надо встретить его как подобает.

Поэтому Сандра порылась в шкафу и выбрала элегантный наряд – маленькое черное платье, а к нему открытые лодочки на каблуках в двенадцать сантиметров. Кружевное белье – лифчик пуш-ап, чулки с широкой резинкой и стринги. Уселась перед туалетным столиком, который купила на блошином рынке, когда переехала в Рим, и занялась собой. Нанесла на лицо крем, припудрила. Потом перешла к глазам: карандаш, тени, тушь на ресницы,

удивительно длинные. Наконец провела мягким кончиком помады по пухлым губам.

Не спеша, в свое удовольствие делая макияж, она обдумывала разговор с Креспи на пожарной лестнице полицейского управления.

«Витали сомневается: он не верит, что ты в этом замешана, – сказал комиссар, куря вторую за день сигарету. – Наоборот, он считает, что убийца хотел сообщить нам, кто станет следующей жертвой... Поэтому он и предоставил тебе выходной. Ублюдок хочет использовать тебя как приманку».

Вместо того чтобы думать о грозящей опасности, Сандра занялась математическим подсчетом человеческого существования. Сколько сигарет выкуривает комиссар Креспи? Одну сигарету в день. Может, он тешит себя надеждой, что не заболеет раком, но если эти сигареты выложить в ряд одну за другой, их все-таки окажется целых триста шестьдесят пять. Сколько раз она красилась перед зеркалом? В среднем раз в неделю, с подростковых лет, так ведь? Сколько пар туфель было у нее? Сколько вечерних платьев? Сколько трупов сфотографировала она, пока работала в отделе экспертов-криминалистов? И если не думать о грустном, сколько дней рождения остались запечатленными на фотографиях? Сколько раз она ходила в кино? Сколько прочла книг? Сколько раз ела пиццу? А мороженое? На первый взгляд не так-то часто ты что-то делаешь. Но потом складываешь числа, и получается результат, какой и вообразить нельзя.

Этот итог сложения и есть твоя жизнь.

Сколько раз она втайне, про себя повторяла имя Маркуса? Сколько раз думала о нем? Сколько раз они встречались за все эти годы? Сколько слов сказали друг другу? Сколько раз поцеловались?

Всего однажды.

Солнце, скрытое тучами, опускалось за горизонт, и агент полиции Вега не могла не прийти к выводу, что в этот самый момент, когда настала пора подвести итог собственной жизни, она одинока.

Одиноким людям нечего терять, сказала она себе.

Сунула в сумку полицейское удостоверение и пистолет. Порыв ветра из открытого окна задул свечи. Сандра Вега бросила последний взгляд в зеркало на свое исчезающее изображение и осталась довольна.

Если Витали хочет, чтобы она стала приманкой, – ладно, она готова умереть.

* * *

В «муравейнике» все собрались перед экранами и ждали.

Все, от простого агента до начальника полиции, испытывали одинаковое напряжение. Со своего высокого места Де Джорджи обзирал помещение, будто с капитанского мостика. Рядом с ним сидели Альберти и комиссар Креспи из убойного отдела. Чем пристальнее Витали вглядывался в эту троицу, тем сильнее их всех презирал.

Он предупреждал, но глупцы и слушать не захотели.

Чтобы выяснить, кто прав, нужно дождаться захода солнца. В 16 часов 11 минут солнце зайдет, Рим лишится света, и начнется вторая фаза чрезвычайного положения.

Комендантский час.

С этого момента будут задействованы все системы по обеспечению безопасности, начнется их проверка на прочность. Очень скоро обнаружится также, сработает ли подготовленный ими план предотвращения беспорядков. Все ответы здесь, на мониторах, мерцающих перед глазами. Три тысячи телекамер, крошечные стражи, призванные следить за порядком на улицах и площадях, уже работали в ночном режиме. Объективы с инфракрасным преобразователем передавали изображения Рима, доселе невиданного, погруженного в темноту. И пустынного.

Город-призрак.

Если не считать министерств, казарм, комиссариатов и крупных отелей, не многие здания имели собственный генератор. К тому же топливо с бензоколонок и прочие энергоносители были конфискованы, чтобы обеспечить бесперебойную работу больниц и антикризисных центров, расположенных в разных кварталах.

Население оставалось беззащитным.

Диктатура технологий, подумал Витали. Люди пожинают ее плоды. Технические средства облегчают существование, но полностью подчиняют себе. Мы уверены, будто держим технологии под контролем, но на самом деле рабски подчиняемся им. Сейчас люди свободны. Но свобода страшит их. Они не владеют этой новой ситуацией, а потому представляют опасность друг для друга.

Шестнадцать часов одиннадцать минут.

Рубеж перейден.

Судя по тому, что показывалось на экранах, комендантский час соблюдался. Приказ сидеть по домам выполнялся, бешеные орды не носились по улицам. Чрезвычайные полномочия, предоставленные полицейским подразделениям, отпугнули злоумышленников. Конечно, никто не мог знать, что творится за закрытыми дверями домов, но и это уже был успех.

Чтобы поздравить друг друга, все с облегчением зааплодировали.

Начальник полиции недовольно поморщился, но в конце концов не мог не присоединиться к коллегам. Альберти и Креспи тоже захлопали в ладоши. Витали не пошевелился. Не разделяя всеобщего ликования, боялся сглазить. Впереди длинная ночь, и слишком далеко до рассвета. Какой-то агент помахал ему рукой. Вызов для него по радиопередатчику.

– Инспектор, Вега только что вышла, – сообщил голос.

Витали это не удивило. На самом деле он поставил патруль у ее дома именно потому, что ожидал этого.

– Хорошо. Сейчас приду.

Прервав связь, он заметил, что аплодисменты в зале внезапно стихли. Оглянувшись, увидел растерянные лица.

– Что происходит? – спросил кто-то, и все вокруг загомонили.

Начальник полиции помрачнел. Люди замерли, не веря своим глазам. Они по-прежнему смотрели на экраны, но с другим выражением. Витали повернулся к стене мониторов.

Они гасли один за другим.

– Как такое возможно?! – неистовствовал Де Джорджи. – Ведь батареи, питающие сеть, работают?

Никто не отвечал ему, все бросились к терминалам выяснять причину неожиданной помехи.

Они полагают, будто что-то сломалось, подумал Витали. Бедные простаки. Там, снаружи, разбивали телекамеры. Вот правда, которую никто не желал признать.

– Срочно соедините меня с каким-нибудь патрулем, – приказал главный комиссар.

Вскоре из громкоговорителей донесся голос агента.

– Площадь дель Пополо на связи. – Громкий взволнованный голос пытался перекрыть шум на заднем плане. – Ситуация вышла из-под контроля. Нужны подкрепления. – И добавил в отчаянии: – Срочно!

Послышался глухой удар. Что-то случилось, и голос вдруг умолк.

– Агент! – зывал главный комиссар. – Агент, отвечайте!

Не в пример всем прочим, Витали от души развлекался. Не каждый день увидишь такое. Законная власть свергнута. Установленные правила не действуют. Цивилизация сдается на милость победителя.

Из приемника, все еще включенного, вдруг донесся темный устрашающий звук. Витали подумал о топоте копыт, предвещающем явление всадников Апокалипсиса. Шум состоял из торжествующих криков вперемешку с воплями

ужаса. Слышались отдаленные взрывы, звон разбивающихся стекол и скрежет металла. Треск пожара, ярость битвы. Незабываемое событие. Никто не знал, что делать.

Вот и приехали, сказал себе инспектор. Конец Рима не за горами.

Закат

1

14 часов 3 минуты до рассвета

К вечеру посвежело. Буря ненадолго улеглась, и в воздухе сладко запахло дождевой влагой.

После дня, проведенного в «муравейнике», инспектор Витали был рад немного проветриться. На светло-серый костюм он накинул бежевый плащ. Поправил синий галстук так, чтобы он находился на одной линии с пряжкой ремня. Потом глубоко вздохнул, радуясь минутам покоя.

В этой части города не было волнений, мятежники скопились вокруг площади дель Пополо. А здесь царила тишина. Силы правопорядка направились на места уличных стычек, и на этих улицах никого не осталось.

Витали вынул из кармана электрический фонарь и зашагал по мостовой, которая после дождя блестела, как виниловая пластинка. В полной тишине коричневые мокасины мелодично поскрипывали. Инспектор чувствовал себя героем «Сладкой жизни» Феллини. Вот пойдет к фонтану Треви, а там в вечернем платье купается роковая блондинка. Но как раз сейчас ему пришло сообщение, что памятник обступили любители граффити и разрисовывают спреем белый травертин.

К тому же его ждет другое свидание.

Пока он прогуливался в темноте, из-за угла выскочил мужчина, вооруженный ножом.

– Кошелек! – потребовал он.

Витали посмотрел на него и мгновенно все понял. Он уже видел такой пустой, отсутствующий взгляд. Вот и началось, сказал он себе. Невероятно, но это происходит на самом деле.

Не колеблясь ни минуты, Витали вытащил из-под плаща служебную «беретту» и нажал на спуск. От выстрела с такого близкого расстояния налетчик пошатнулся, отлетел назад и рухнул на тротуар с глухим стуком. Инспектор подошел к труп, по светил фонариком, взглянул с осуждением.

Прелесть анархии в том, что ее благами пользуются и блюстители порядка.

Витали продолжил путь: Сандра Вега не станет ждать. Агенты, следившие за ней, указали по радиопередатчику ее местонахождение. Витали перехватил их на улице деи Коронари и отпустил, посигналив фонарем. Потом выключил фонарь и сам пошел следом за женщиной, держась шагах в пятидесяти позади. Насколько он мог различить в темноте, Вега была одета в черное, и, судя по звуку, на ней были туфли на каблуке. Она оставляла за собой аромат духов. Инспектор спросил себя, куда это она направляется, такая нарядная, а главное, безмятежная.

Дойдя почти до середины улицы, где веками жили антиквары, Сандра Вега свернула направо. Витали прибавил шаг, выглянул из-за угла. Перед ним был тупик, и Сандра пропала. Но Витали успел заметить полосу света, вырвавшуюся из маленькой дверцы, которую тут же закрыли, и понял, куда подевалась коллега. Подошел, постоял немного. Потом решил постучать.

Ему открыл хмурый детина в пиджаке и при галстук и окинул его взглядом с головы до ног.

– Слушаю?

– Я здесь с подругой, она только что вошла, – соврал Витали.

– У вас есть приглашение?

– По правде говоря, нет.

– Это частная вечеринка, вход только по приглашениям.

У Витали не было ни времени, ни желания спорить, но он все-таки решил оставаться в рамках приличий. Будучи уверен, что в сложившейся ситуации полицейское удостоверение вряд ли особо поможет, показывая его, инспектор распахнул плащ так, чтобы силач заметил оружие в кобуре и оценил, насколько ночной гость полон решимости пройти любой ценой.

– Я здесь не для того, чтобы создавать проблемы. Просто хочу немного развлечься.

Охранник немного подумал. Потом все же впустил посетителя.

Показал, куда идти, и инспектор зашагал по служебному коридору. Он быстро узнал знаменитый отель класса люкс и понял, что этим вечером все пользуются черным ходом.

В гостиной, куда он попал, царила располагающая атмосфера. Горели свечи, играло фортепиано. Витали сразу ощутил свою неуместность: он единственный из присутствующих мужчин был не в смокинге. Дамы блистали в вечерних туалетах, непринужденно выставляли напоказ дорогие украшения,

обменивались улыбками. Пока мир снаружи медленно, но верно погружался в хаос, здешняя публика сохраняла класс и хорошие манеры. Почему так не может быть всегда? – спросил про себя Витали. Парочки, уединившись, беседовали на диванчиках или у барной стойки. Пили коктейли, вполголоса, чтобы не беспокоить остальных, обменивались безобидными замечаниями.

Он увидел Сандру со спины: по плечам рассыпались длинные волосы. Она стояла в холле, перед стойкой портье. Витали заметил, что она забрала два ключа, прошла через большой зал и завернула за угол. Остановилась перед маленьким пустым салоном. Вместо того чтобы войти и сесть, что-то незаметно уронила на столик. Потом проследовала на лестницу, начала подниматься. Воспользовавшись этим, Витали проверил, что она столь небрежно оставила на столе.

Один из двух ключей от номера. Тогда инспектор понял, что заблуждался: настоящий праздник разворачивался на верхних этажах.

* * *

Она начала ходить сюда год назад, когда вдовство в тридцать три года стало слишком сильно ущемлять ее.

Об этом месте она узнала случайно, когда невольно подслушала разговор двух женщин в раздевалке спортивного зала. Но не поверила, приняв за досужие сплетни. Потом познакомилась с человеком, который на самом деле туда ходил. Не стала его слишком подробно расспрашивать, чтобы не выдать своего интереса, но воодушевилась. Проведя небольшое расследование с целью выяснить, о чем идет речь, однажды вечером набралась храбрости и явилась туда сама.

Все происходило конфиденциально – единственное, что было здесь обязательно, кроме вечернего платья. Вечеринки устраивались раз в месяц, и по такому случаю отель закрывался для публики. Гости прибывали через черный ход, потом были вольны поступать, как им заблагорассудится. Можно провести вечер в баре или в гостиной, за приятной беседой с незнакомцами. Или уединиться с кем-то в номере.

Сандра выработала для себя особый метод.

Она просила у портье два ключа от номера, и один из них оставляла где угодно. На стойке бара, в туалете. Потом поднималась наверх, снимала одежду. Гасила свет и ждала.

Иногда проходило совсем немного времени перед тем, как кто-то отворял дверь и закрывал ее за собой. Сандра слышала шаги по мягкому паласу, потом чувствовала, как чья-то рука ласкает ее. Некоторые этим и ограничивались, другие ложились на нее, овладевали ею. Разговаривали или молчали. Иные все делали не спеша, иные кончали стремительно. Мужчины, но иногда и женщины. Одна была особенно нежной, Сандра хотела бы, чтобы она

вернулась, но этого не произошло. Важнее всего было то, что Сандра не видела их лиц, даже не представляла себе, как они выглядят. Она бы не вынесла ритуала ухаживания, принятого внизу, в гостиной. Столько слов ради одной-единственной цели. С нее хватало взаимного удовлетворения скрытых потребностей, в которых нелегко признаться. После каждый возвращался в свой мир, ничего не ведая о партнере.

Но однажды все пошло по-другому.

Кто-то вошел в номер, но не приблизился к постели. Так и стоял, прислонившись к закрытой двери. Сандра ощущала его присутствие. Слышала его дыхание, чувствовала на себе взгляд его глаз, которые могли видеть и в темноте. Через несколько минут он ушел.

То не был единственный визит. Все повторилось, и неоднократно. С каждым разом таинственный гость делал на шаг больше. Таких шагов Сандра насчитала шесть. Но в конце этот посетитель всегда отступал, исчезал, даже не коснувшись ее.

Благодаря ему она осознала то, чего даже вообразить себе не могла. То есть подлинную причину, подвигнувшую ее на то, чтобы посещать такое место. Это не разврат. Это – лечение. Некоторые процедуры губительны, к тому же постыдны. Но иногда приходится вышибать клин клином, зло вымывать злом. А Сандра Вега устала от себя и от своих отражений в зеркалах. Поэтому ей было необходимо нарушить правила, влиться во что-то совершенно чуждое личности, которую все знали, которую знала она сама. Интересно, что разглядел в ней незнакомец. Она бы хотела это выяснить, ведь наверняка это и есть истина.

Вечер блэкаута как нельзя лучше подходил для новой встречи. Поэтому Сандра решила провести его в отеле. Поднялась в свой обычный номер и приготовилась, как всегда, к очередной игре со случаем. К ней вполне мог войти монстр из видеозаписи, убивший бедного наркомана. Она поймет, в чем дело, когда ей положат в рот черную облатку. Сандра вспомнила, как облатка подействовала на ту, другую жертву; как тот парень вдруг заговорил по-арамейски. Интересно, какая будет реакция у нее.

– Приди, возьми меня, – сказала она тьме.

Дверь открылась, потом закрылась. Послышались шаги. Этого было достаточно, чтобы Сандра узнала таинственного принца тишины, мужчину, который никогда не касался ее. На этот раз, однако, он не ограничился шестью шагами, а подошел к кровати. Но не осмелился коснуться. Какое-то новое чувство овладело Сандрой. Раньше такого не было: она испугалась. И, нарушив правило, которое сама для себя установила, решила заговорить:

– Ты в опасности. – Ведь каким-то образом она всегда знала, кто этот безмолвный гость.

– Ты тоже, – прошептал Маркус.

Оба смутились.

Никто из двоих никак не объяснил причину, по которой рассчитывал встретить здесь другого. Сандра стала одеваться в темноте.

– Я надеялась, что ты придешь.

Мало зная об отношениях между людьми, Маркус был не в состоянии уяснить себе природу этой надежды. Сандра переживала за него или хотела его видеть?

– Нам нужно уходить отсюда, и поскорее, – сказала она. – Боюсь, за нами следят.

– Кто?

– В лучшем случае один полицейский-мозгоклюй. Ты, когда шел сюда, не заметил какого-нибудь странного типа?

– Опиши, какой он из себя.

– Высокий, тощий, с орлиным носом. Утром на нем был светло-серый костюм, коричневые мокасины и синий галстук, но он мог и переодеться.

– Нет, такого я не видел.

– Его зовут Витали. Он опасен.

Никто из двоих даже не намекнул на особые обстоятельства их встречи. Невозможно было себе представить, что совсем недавно Сандра, сняв одежду, лежала на кровати. Она даже не спросила, откуда Маркусу известно, где ее искать. Он не упомянул, что уже бывал здесь не раз. Оба ощущали неловкость.

– Ты уверена, что этот Витали следит за тобой?

– Он приставил ко мне двоих агентов. Потом они исчезли, – рассказывала Сандра, натягивая чулки. – И я думаю, что он сам вступил в игру.

– Из-за того, что сейчас происходит в городе, он мог и поменять программу.

– Вряд ли. В данный момент в его планы прежде всего вхожу я. Мне кажется, он из тех, кто так легко не отступится еще и потому, что занимается расследованиями особого толка. Эзотерическими преступлениями.

Маркус принял это к сведению.

– И что сейчас расследует этот Витали?

Сандра зажгла свечу на прикроватной тумбочке. Они наконец смогли взглянуть друг другу в глаза. Она испытала странное чувство и подумала, что с Маркусом, наверное, происходит то же самое.

– Предмет его расследования – ты, – произнесла она. Потом сунула руку под матрас и извлекла пистолет, который спрятала там на всякий случай. Проверила предохранитель и зарядное устройство.

– Тебе ведь не придется в голову стрелять в полицейского?

– Я сама не знаю, что мне придется в голову. По пути сюда я видела, как над Корсо поднимался дым. Поэтому я уже никому не верю.

Маркус знаком велел ей молчать. Он уловил что-то, какой-то еле слышный шорох. Звук происходил из коридора. Маркус инстинктивно протянул руку к свече и погасил ее. Звук повторился. Сомнений нет: паркетный пол поскрипывал под чьими-то шагами.

В коридорах были расставлены фонари на батарейках, чтобы гости могли найти свои номера. Из-под двери просачивался янтарный свет. С этой щели Маркус и Сандра не сводили глаз, надеясь, что страхи их необоснованны. И увидели тень от тувель, которые медленно проследовали мимо. Но потом вернулись и остановились.

Кто-то стоял за дверью.

Маркус и Сандра на несколько секунд замерли.

– Второй ключ, – прошептала Сандра. – Куда ты его дел?

– Я вошел сюда без ключа, – признался Маркус.

– Боже правый! – вырвалось у нее.

Сандра знала, что преследователь может открыть дверь с минуты на минуту. А им некуда бежать. Но ничего не происходило, пока не происходило. Тень не двигалась, словно ожидая чего-то.

– Почему он не входит?

– Не знаю.

– Окно! – заторопилась Сандра: может быть, им еще удастся сбежать. – Там пожарная лестница, спустимся по ней.

– Нет.

Сандру удивил его решительный тон.

– Как это – нет?

Пенитенциарий по-прежнему пристально смотрел на дверь.

– Мы выйдем отсюда.

Сандра не успела ничего сказать, как он схватил ее за руку. Она подобрала с пола сумку и лодочки и пошла за ним, не соображая, что делает.

Пенитенциарий распахнул дверь и отбросил туфли, которые Витали оставил у порога, чтобы сбить их с толку. Они побежали по коридору, ведь опасность могла таиться в любом из номеров. У себя за спиной слышали звон бьющегося стекла. Витали вломился в окно, подумала Сандра. Он дожидался нас именно на пожарной лестнице. Маркус ускорил шаг. Сандра осознала, что им негде спрятаться и что на пустынных улицах Витали с легкостью их обнаружит.

– Куда мы идем? – спросила она.

Маркус расслышал в ее голосе нотку страха.

– В надежное место, доверься мне.

* * *

Витали проклял все на свете, не обнаружив никого в комнате. Трюк с туфлями не сработал. С другой стороны, у него не было выбора. Насколько ему было известно, Вега вполне могла иметь при себе оружие. А ему вовсе не улыбалось изображать из себя мишень, переступив порог. Маленькая шлюшка гораздо хитрее, чем он мог себе представить.

Нет, она не следующая жертва, подумал Витали. Она замешана в этом. Может быть, даже состоит в Церкви затмения.

Инспектор перепрыгнул через битые стекла, чтобы не поранить ступни, и бросился к открытой двери. Ступив на порог, вытащил пистолет, потом огляделся. Увидел, как Вега убегает. Какой-то мужчина держит ее за руку. Кто это? Витали хотел было выстрелить, но сдержался. Вместо этого надел мокасины, которые оставлял в коридоре, и бросился догонять беглецов.

Он успел заметить, как те скрылись за углом. Они имели небольшую фору, но возможность наверстать еще была. Навстречу инспектору двигалась другая пара. Огибая ее, он споткнулся и чуть не упал. Чтобы удержать равновесие, схватился за стену. Снова побежал. Когда он свернул по коридору налево, Веги и ее спутника уже нигде не было видно.

Дерьмо! Два ряда закрытых дверей. Они могли зайти куда угодно. Дерьмо!

Чтобы успокоиться, он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Потом положил оружие в кобуру. Стало сложнее продолжать охоту.

Он вернулся в номер, который снимала Вега, надеясь найти какую-нибудь зацепку. Включил фонарь. Все равно чувствовал себя идиотом, проводя обыск с чертовой штуковиной в руках. Как работали следки до изобретения электричества? То был, наверное, суший ад. Сейчас есть экспертиза, ДНК, компьютеры, способные сопоставить тысячи данных. При таком прогрессе насколько банальным кажется вклад в расследование простого фонарика. Несколько часов назад Витали считал все это и многое другое само собой разумеющимся. Теперь уже не мог себе этого позволить. Никто не мог.

Раздумывая над этим, он обнаружил след. Имей он в своем распоряжении все высокие технологии, восторгу не было бы предела. Но он и так остался доволен.

На покрывале виднелось красное пятно, еще не совсем просохшее. Кровь, сказал он себе. Прекрасно. Весьма вероятно, что мужчина, который был с Сандрой Вегой, и есть тот тип с кровотечениями из носа.

3

Эти жилища вроде служебных квартир называли палочки-выручалочки, поскольку при необходимости они предоставляли надежное убежище. Например, если нужно избежать опасности или скрыться на время, чтобы замести следы.

В Риме таких было немало (Маркус знал лишь о трех-четырех). Они составляли часть славного прошлого пенитенциариев. После того как орден был официально распущен, по причинам, которые охотник за тенями узнал только после произошедшего с ним в Праге, многие из этих временных пристанищ находились в запустении.

И все-таки в некоторых можно было еще найти стационарный телефон, защищенный от прослушки, компьютер с выходом в Интернет, консервы и аптечку скорой помощи с медикаментами и всем необходимым, чтобы подлечиться, не обращаясь к врачу. Разумеется, также и чистую одежду, и удобную постель.

Маркус уже пользовался квартирой на улице Говерно-Веккьо. Он прожил там почти месяц, заподозрив, будто кто-то напал на его след. Хранить тайну собственной личности – одна из первых заповедей пенитенциария. Второй раз он расположился там, чтобы зашить рану на предплечье, которую получил, уклоняясь от удара ножом.

Этот старинный дом входил в число зданий, представлявших собой собственность Церкви за стенами Ватикана. Маркус показывал Сандре путь, светя электрическим фонариком. Сюда они добрались под прикрытием темноты. Как было странно идти по Риму вдвоем. Похоже, тьма – наилучшее для них измерение.

Стихия вновь разбушевалась над городом, и оба до нитки промокли под дождем. Посветив фонариком, Маркус заметил, что Сандра дрожит.

– Сейчас разожгу огонь.

Оставшись в одиночестве, Сандра поставила сумку и уселась перед холодным камином; руки и ноги у нее окоченели. Проведя пальцем по ручке кресла, она заметила, сколько там скопилось пыли. Как давно в этом доме никто не жил? Маркус вернулся с несколькими связками хвороста и клочками бумаги. Разложил все это в камине, и вскоре огонь запылал, озарив помещение. Сандра склонилась над хворостом, который горел, потрескивая; протянула к огню негнувшиеся руки. Маркус сел на пол. Только тогда Сандра заметила запекшуюся кровь у него на губе. Протянула руку, но Маркус отпрянул.

– Извини, я не хотела, – сказала она. – У тебя часто идет носом кровь?

– Иногда. – Маркус поспешно вытерся тыльной стороной ладони. – Хочешь есть?

– Хочу, – призналась Сандра.

– Придется удовольствоваться консервами из тунца, но здесь, по крайней мере, безопасно.

– Сойдет и тунец.

– Который час?

Сандра взглянула на часы: всего шесть.

– Боже мой... а кажется, будто глухая ночь.

– В былые времена в Риме жили братья, которые следили за тем, чтобы в часовнях и в нишах с образами, разбросанных по всему городу, никогда не гасли свечи и лампы. Их называли люминаристами. Они это делали не только из благочестивых побуждений. Они заметили, что при свете свечей и лампад совершается меньше преступлений. Честные люди себя чувствовали более уверенно, а злоумышленники не могли действовать под покровом тьмы. Так родилась идея освещения городских улиц.

– Никогда об этом не слышала, – призналась Сандра. – Красивая история.

Слыша его голос, она была счастлива: так бы и сидела час за часом, внимая его речам, чувствуя, как огонь, пылающий в камине, мало-помалу согревает ее.

Они промолчали на секунду дольше, чем следовало, и их взгляды, до сих пор уклончивые, на этот раз не могли не встретиться.

Маркус первым разрушил очарование:

– Пойду поищу сухую одежду.

Он поднялся с места, но Сандра схватила его за руку:

– Нам надо поговорить.

– Знаю, – ответил Маркус, не поднимая глаз.

* * *

Он нашел коробку с вещами. Кроме темной фуфайки с капюшоном, Сандре ничего не подошло. Маркус надеялся также найти пару башмаков вместо белых парусиновых туфель, в которые он был обут, но ему не повезло.

Он вернулся с фуфайкой и одеялом. Принес еще банки тунца, несколько упаковок крекеров и две бутылочки минеральной воды.

Сандра устроила маленький пикник перед очагом. Ужин был скудный, но ели они с удовольствием, молча.

Маркус первым прервал молчание. И начал с конца.

– Я нашел записку с твоим именем рядом с трупом человека по прозвищу Кукольник.

– И кто ее написал?

– Я.

Ответ ошеломил Сандру.

Маркус рассказал ей о Туллиануме, о том, как он избежал голодной смерти, о записке, которую нашел рядом с образом святого Михаила-архангела. Найди Тоби Фрая.

– Как ты там оказался?

– В этом-то и проблема: я не помню. Возможно, шел по следу и недооценил опасность, которой подвергался.

– Временная амнезия.

– Если бы вспомнить, что я расследовал, было бы легче раскрутить всю цепочку.

– Ты выяснил, кто такой Тоби Фрай?

– Да, – с готовностью ответил Маркус. – Но об этом чуть позже...

Он решил пренебречь приказом Батисты Эрриаги и обетами пенитенциариев, которые обязывали его хранить тайну. Рассказал о епископе Артуро Горде, об «удавке наслаждения», которой его удушили дистанционно, о белых

парусиновых туфлях, таких же, как у него самого, о Кукольнике, которого заживо сожрали мухи. И только в самом конце – о кукле в человеческий рост.

– Точное изображение мальчика, который девять лет назад пропал вблизи Колизея и о котором с тех пор ничего не известно. Его имя Тоби Фрай. Епископ Горда хранил старую газету, в которой сообщалось об исчезновении.

Маркус опустил только ту часть истории, которая касалась Корнелиуса Ван Бурена. Содержание под стражей в Ватикане серийного убийцы – единственный секрет, открывать который ему не хотелось. Также умолчал он о булле Льва Десятого и возможной ее связи с татуировкой в виде голубого кружка, обнаруженной на телах двух жертв.

– Туфли, странички, вырванные из таинственной записной книжки, техники пыток, использованные в убийствах, исчезновение мальчика девять лет назад, – подытожила Сандра, дабы убедиться, что она все правильно поняла.
– У нас немало данных.

– У нас? – взвился Маркус. – Я не хочу впутывать тебя в эту историю.

– Ты сам написал на листке мое имя, хотя и не помнишь этого. И о том, чтобы впутать меня, уже позаботился тот, кто сеет вокруг себя смерть. Ублюдок забил мою фотографию в память сотового телефона.

– О чем ты говоришь?

– Вчера вечером... – Сандра осеклась. – Боже мой, кажется, будто прошла вечность... Так вот, вчера вечером один таксист нашел сотовый телефон, забытый у него в машине. Внутри была моя фотография. И еще любительское видео, в котором показывается, как какой-то тип убивает наркомана, заставляя его проглотить раствор едкого натра. Что скажешь: это тебе о чем-то напоминает?

Это тоже пытка, сразу пришло в голову Маркусу.

Сандра продолжала:

– Убийца дал жертве черную облатку, после чего наркоман заговорил на древнеарамейском, призывая какого-то Владыку теней. И у него была странная татуировка на предплечье.

– Голубой кружок, – невольно вырвалось у Маркуса.

Сандра пристально взглянула на него:

– Ты тоже видел такие на телах жертв, да?

Она обижена, разочарована тем, что он утаил часть информации, сообразил Маркус.

– Тебе не понять, – попробовал он оправдаться.

– Чего мне не понять? Историю папы Льва Десятого? Того, как приверженцы Церкви затмения в ночи, когда луну скрывает ее собственная тень, совершают таинственные обряды?

Похоже, Сандра знала об этом еще больше, чем он.

– Откуда тебе это известно?

– Конфиденциальная информация, от одного друга, комиссара полиции. – Креспи пытался защитить ее, он заслуживает благодарности. – Он еще сказал, что Витали копается в этих эзотерических делах, просто помешан на них.

Маркус не находил слов.

– В отеле ты сказала, что я в опасности. Почему?

– Потому что на проклятом сотовом телефоне из такси, кроме моей фотографии и видеофильма, есть твоя кровь. Носовое кровотечение.

Маркус, прихватив бутылочку воды, поднялся. Принялся ходить по комнате. Тени от пляшущих языков пламени, казалось, преследовали его, злобно бросаясь под ноги.

– Кто-то пытается нас подставить, – произнес он через какое-то время.

– Кто?

– Тот же, кто замучил до смерти твоего наркомана, а потом епископа и Кукольника.

– И попытался избавиться от тебя в Туллиануме, – напомнила Сандра.

– Думаю, он раздобыл мою кровь, вырубив меня; потом нанес ее на сотовый телефон, чтобы подстраховаться: полиция получит улику и станет преследовать меня, а не его.

Сандра застыла при этих словах.

– Тогда все ясно. Кто-то стоит за этой историей.

– Думаю, так оно и есть; я в этом был уверен с самого начала. Не знаю, с какой целью, но он уже убил с нарочитой жестокостью троих приверженцев Церкви затмения. Я все больше убеждаюсь, что он сознательно позволил мне выжить, только не знаю, по какой причине. Иначе зачем он дал мне проглотить ключ от наручников? Я был ему нужен, чтобы пустить Витали по ложному следу.

Все сходилось.

– Сотовый телефон из такси служил именно этой цели. Может быть, хотя это и выпало у тебя из памяти, ты занимался тем же расследованием, что и инспектор Витали: вы оба преследовали одного и того же человека. Ему

представился случай избавиться от вас обоих, и он не преминул этим случаем воспользоваться: сбить со следа Витали и подставить тебя.

– И задействовал тебя, чтобы ты привела ко мне полицейского.

Сандра нахмурилась. Теперь все ясно. Она вспомнила, что говорил инспектор при первой встрече: «Мы имеем дело с совершенно новой преступной фигурой, не похожей на известные нам. Гораздо более извращенной и опасной». Более извращенной и опасной, повторила про себя Сандра. Потом снова повернулась к Маркусу:

– Он должен выполнить задание и не может допустить, чтобы его остановили.

– Да, но какое?

Сандра подняла сумку с пола, стала рыться в ней.

– Вот что мы сделаем: запишем все составляющие, какие у нас есть, и проанализируем каждую деталь.

– Делать записи неосмотрительно.

Сандра насмешливо взглянула на него:

– Не глупи: со всем тем, что происходит на улицах сегодня ночью, должны ли нас беспокоить какие-то записи о безжалостном убийце?

Пенитенциарий все-таки считал, что это не самое мудрое решение, но уступил.

Сандра нашла бумагу и ручку. Начала перечислять:

– Три жертвы: епископ, Кукольник и наркоман, личность которого не установлена.

И она составила перечень того, что им известно:

Способ убийства: старинные практики пыток.

Белые парусиновые туфли (у Маркуса и епископа Горды).

Черная облатка (наркоман).

Татуировка в виде голубого кружка: Церковь затмения. Невинные жертвы.

Блэкаут – Лев Десятый.

Таинственная записная книжка.

Тоби Фрай.

Закончив, Сандра протянула список Маркусу, чтобы тот проверил, не упустила ли она чего-нибудь.

– Моя амнезия, – тут же добавил он.

– Я сочла, что это случайная составляющая. Не думаю, чтобы она входила в планы убийцы, он не мог намеренно ее вызвать. Но конечно, ему повезло, что ты не можешь вспомнить, по какому следу шел до сегодняшнего утра.

– И все-таки мне бы хотелось, чтобы ты это добавила. Я ведь до сих пор не знаю, зачем записал на листках твое имя и имя пропавшего ребенка. Это не мой метод.

– Аномалия, – согласилась Сандра.

Она помнила, в чем состоит метод Маркуса, поскольку раньше видела его в деле и была потрясена. И она добавила в конце списка:

Случайная составляющая: временная амнезия Маркуса.

– Ладно, с чего начнем? – спросила она после.

– С ребенка, – ответил пенитенциарий. – Его исчезновение – единственное, что у нас есть. Мы должны понять, как оно связано с Церковью затмения.

Найди Тоби Фрая.

– Речь идет о нераскрытом деле, след уже остыл. Улики испарились, свидетели за давностью лет крайне ненадежны.

– Но в то время всех, кто находился в окрестностях Колизея в день исчезновения мальчика, попросили отправить фотографии и видеофильмы на сайт полиции. – Маркус сообщал то, что прочел в старой газете. – Поскольку все происходило в людном месте и в весенний день, следователи надеялись восстановить, что приключилось с ребенком, через случайные снимки, сделанные местными жителями и туристами.

Агент полиции на мгновение задумалась.

– Это будет непросто, но, кажется, я знаю, откуда начинать расследование: имеется специальный архив, где хранятся такие дела... Но как нам добраться туда, если на улицах Рима царит хаос?

Маркус знал как.

Сандра Вега ненавидела крыс.

С самого детства они были ее худшим кошмаром. Однажды в Милане, ее родном городе, Сандра видела, как огромная крыса набросилась на голубя, растерзала бедную птичку и сожрала. Эту сцену она до сих пор вспоминала с омерзением. Поэтому, следуя за Маркусом, который двигался к цели по римским канализационным трубам, она все время была настороже, боясь, что неведомо откуда вот-вот нагрянут целые стаи крыс.

Под Римом – настоящий лабиринт из различных труб, сточных вод и бесценных памятников прошлого – катакомбы, остатки древних зданий и даже захоронения. Сандра вообще думала, что Рим следует превратить в огромный музей, тщательно оберегаемый и не подверженный никаким современным влияниям. То, что вместо музея тут мегаполис, в котором живут миллионы людей, ей казалось просто абсурдом.

Пенитенциарий свободно ориентировался в галереях, все время менял направление, выбирал наиболее простые пути. Он даже мог бы выключить фонарик и идти в темноте. Где-то на середине дороги они вышли в просторный зал. Маркус посветил вверх и показал Сандре свод, расписанный великолепными фресками.

– Что это за место? – спросила та, очарованная сценами застолий и возлияний.

– Патрицианская вилла. – Маркус указал на фреску. – Видишь мужчину и женщину? Это хозяева дома.

Молодые супруги были изображены в тот момент, когда они собирали плоды в саду, чтобы предложить их гостям.

– Их имена позабыты, – заметил Маркус. – Но и через тысячи лет они по-прежнему улыбаются, по-прежнему показывают нам, насколько счастливы.

Было что-то чарующее в объяснении пенитенциария. Сандра не могла не сопоставить себя и Маркуса с этой античной парой. Они двое никогда не были счастливы вместе. Может быть, это им не суждено. Их редкие встречи всегда бывали связаны с какими-то проявлениями зла.

– Пора идти, – поторопил ее Маркус. Потом отвел фонарик от фресок, и своды померкли, канув во тьму веков.

Они шли и шли, пока галерея не уперлась в стену.

– Что теперь? – спросила Сандра.

– Теперь вверх.

Они взобрались по металлической лесенке и вылезли наружу на улице Сан-Витали, в нескольких десятках метров от здания полицейского управления. Из гаража то и дело выезжали патрульные машины с включенными сиренами. Сандра схватила Маркуса за полу куртки, и они спрятались за углом. Когда все разъехались, агент полиции надвинула на лицо капюшон фуфайки и вместе с пенитенциарием заспешила к зданию, где располагались архивы криминологической экспертизы. Попросив перевода из отдела экспертов-криминалистов, Сандра не стала сдавать ключи. Только бы, взмолилась она, за это время не успели поменять замок. Когда ключ повернулся в замочной скважине, она с облегчением вздохнула.

В здании было пусто, ведь в хаосе этой ночи вряд ли кому-то пришло бы в голову терять время на то, чтобы копаться в бумажках.

– То, что нас интересует, находится внизу, – сообщила Сандра.

* * *

То было место, где хранились нераскрытые дела.

Замшелый подвал, настоящий лабиринт высоких стеллажей. Среди полицейских ходила зловещая легенда, будто мертвецы, не дождавшиеся правосудия, выкрикивали в ночной тиши имена тех, кто их погубил.

Сандра не стала проверять, работают ли генераторы и поступает ли туда электричество. Даже в подвале включать свет было бы неосмотрительно.

– Тоби Фрая так и не нашли, значит дело его определенно находится тут, – заключила она и принялась за поиски.

Пока она шарила по стеллажам, подсвечивая себе фонариком, Маркус стоял в сторонке и смотрел на нее.

– Вот, – объявила Сандра.

Папок с именем Тоби на корешке оказалось восемь. Сандра сняла с полки толстенный пыльный том и отнесла его на столик. На обложке имелась опись содержимого. Протоколы, результаты экспертиз, сотни файлов, сохраненных на устаревших DVD.

– Самый лучший способ помешать расследованию – это похоронить его под горой бумаг, – тяжело вздохнула Сандра.

Там были и фотографии. Тысячи кадров, заснятых туристами и прохожими.

На глазах у Маркуса Сандра открыла папку и тут же наткнулась на документ, в котором подводились итоги следствия.

– Здесь только говорится, что Тоби Фрай бесследно исчез и больше нигде не появлялся... Бла-бла-бла... Никаких зацепок, никаких улик: девять долгих лет абсолютного молчания. – Как такое возможно, ведь мальчик исчез в людном месте. – Определенно вокруг Колизея толкались сотни людей, к тому же днем, в конце мая. Как такое возможно, чтобы никто ничего не заметил?

Чтобы просмотреть фотографии и видеозаписи, поступившие в управление, были задействованы десятки агентов, но никто ничего не обнаружил. На сохранившихся фотографиях Тоби все время был с матерью, женщиной лет двадцати шести по имени Матильда.

Маркус молчал в недоумении. Зато Сандра не скрывала досады.

– Если даже здесь и есть какая-то информация, мы ее никогда не найдем. Для этого понадобились бы месяцы, может, даже годы. – Она перевернула страницу, и потоком воздуха со стола сдуло листок бумаги. Сандра нагнулась, подобрала его.

Там были записаны цифры: 2844. 3910. 4455. На листке, вырванном из записной книжки.

В третий раз за несколько часов Маркус узнал собственный почерк. Поднял глаза от записки, огляделся.

– Я здесь был, – сказал он вполголоса. Но он ничего не помнил.

– Как это возможно? – Сандра не могла поверить. – Как ты сюда вошел?

– Не знаю, – развел руками Маркус, по-прежнему недоумевая. – Но эти цифры, без сомнения, записал я.

– Так что, по-твоему, они значат?

Ужас перед амнезией снова охватил его – но отвлекаться нельзя, только не сейчас.

– Ладно, попробуем рассуждать. – Странности, совпадения, напомнил он себе. – Я оставил эту запись как послание, желая что-то сообщить, значит решение не должно быть трудным.

– Фотографии! – тут же сообразила Сандра. – Единственное, что мне приходит в голову: этот перечень может соотноситься с нумерацией снимков, которые хранятся в деле.

Они сняли с полки все восемь папок и принялись листать. Фотографии и впрямь были пронумерованы.

Наконец они нашли те три, номера которых были записаны на листке.

Разложили их в ряд. На первой была дама средних лет в ярко-розовых шортах, майке и желтой кепке с прозрачным козырьком. Она улыбалась в

объектив, позируя рядом со статистом в костюме римского центуриона. На заднем плане – арка Константина и небольшая группа туристов. Именно среди них Сандра и Маркус стали высматривать мальчика в бейсболке с гербом города Рима. Но Тоби там не было.

На этот раз след взяла Сандра. Мужчину, который отирался среди туристов.

– Этого я уже видела, – указала она Маркусу.

– Ты с ним знакома?

Лично – нет, хотела она сказать.

– Это тот самый наркоман, я видела, как его убивают, на фильме из сотового телефона. – «Казнят» – вот верное слово.

– С тех пор как были сделаны эти снимки, прошли годы: ты уверена, что это он?

Черная облатка. Фразы на арамейском. Здесь он был моложе и еще не так изуродован своим пагубным пристрастием, но у Сандры не оставалось сомнений.

– Да, – подтвердила она.

На второй фотографии была группа. Паломники вместе с приходским священником, явно довольные тем, что в программу посещения святых мест включили также и Колизей. Мужчина с первой фотографии был виден со спины, рядом с сувенирным киоском.

Но ошеломила их третья фотография. Общий план знаменитого памятника, включающий станцию метро и, главное, общественные туалеты. Тот же мужчина стоял прямо перед ними.

И держал на руках девочку.

– Что... – У Сандры в голове не укладывалось.

Зато Маркус понял, но радости ему это не принесло.

– Похитив мальчика, он отнес его в туалет и переодел. – Маркус провел пальцем по белому платицу.

Мимолетная ласка не укрылась от Сандры: и правда, как легко оказалось сделать так, чтобы Тоби исчез навсегда. Все это время на фотографиях искали мальчика. И совершали ошибку. Мало кто в состоянии с первого взгляда распознать пол трехлетнего ребенка. Полицейских, да и всех, кто присутствовал там в тот весенний день, обманули стереотипы. Опыт подсказывал им, что ребенок, одетый как девочка, и есть девочка.

– Церковь затмения похищает Тоби... Но с какой целью? – спросила Сандра.

Оба боялись найти ответ.

– Может быть, мы должны поставить вопрос по-другому: почему именно Тоби?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Сколько детишек находилось около Колизея в тот день? Похититель выбрал первого попавшегося?

– Он захватил ребенка, за которым никто не следил, воспользовавшись тем, что мать отвлеклась на мгновение.

– Откуда мы знаем, что дело обстояло именно так?

– Если подумать, это подходящее для похищения место: где удобнее всего скрыть ребенка, как не в толпе?

Маркуса это не убедило.

– Но соответственно возрастает и риск. Почему не захватить ребенка там, где за тобой не следит столько глаз?

– То есть тебе кажется, что выбор был слишком случайным?

– Не знаю, но можно предположить, что у них была какая-то цель. Что Тоби Фрай не такой, как другие дети. Что для них было важно похитить именно его.

– И какой наш следующий шаг?

– Выяснить почему.

5

11 часов 23 минуты до рассвета

Блондинку из отдела сотовой связи звали Катерина, и ей было страшно.

Руфо Таракашка читал это на ее лице, когда разглядывал девушку, кое-как укрываясь от проливного дождя. Он стоял на балконе дома, где жила девушка. Залез на пятый этаж, используя альпинистское снаряжение, которое таскал в рюкзаке. Его можно было превосходно увидеть через стекло, но глупышка ни разу не повернулась в его сторону. Ее крохотный мозг не мог уразуметь, что опасность подстерегает и отсюда тоже. Она сидела на полу, спиной к стене, и не сводила глаз с входной двери. Фонарик, который она сжимала в руке, не был включен, но вокруг горели свечи. Она устроила себе нору: принесла стеганое одеяло, приготовила все необходимое для долгой бессонной ночи – книгу, которую она никогда не откроет, бутылочки с

водой, которую не доведется выпить, коробку шоколадного печенья, которое бедняжка так и не попробует. И под рукой держала большущий кухонный нож.

Ты одна, бедная Кэти. Одиночество – кара для таких милашек, как ты. Путалась с каждым встречным и поперечным – вот и нет рядом с тобой жениха, который бы тебя защитил.

Руфо Таракашка поправил у себя на лбу видеокамеру GoPro. Время выходить на сцену.

Когда стекло разбилось на тысячу осколков, Катерина успела обернуться и впасть в ступор от изумления. Но больше она не успела ничего. Ни схватить нож, ни закричать. Ей не хватало ума понять, что незнакомец, высадивший окно и широкими шагами приближающийся к ней, и представлял собой ту опасность, которую она подспудно ожидала все это время. Таракашке с лихвой хватило времени, чтобы добраться до нее и вырубить прямым ударом в лицо. Именно так: хрупкий, стеснительный парнишка, которому она однажды показывала сотовый телефон, на самом деле сильный мужчина, полный решимости сделать с ней все, что пожелает. Руфо действовал с открытым лицом, был уверен, что она ни за что не свяжет его с тем покупателем, который толкся у прилавка несколько месяцев назад, тем более что она, как и все прочие девки, тут же про него забыла.

Девушка лишилась чувств. Руфо взял ее за ноги и разложил как надо. Потом вытащил из-за пояса нож – единственного друга, который никогда не подводит, – и стал кромсать смешную плюшевую пижаму. Когда расправился с кофтой, перед ним явились огромные груди, розовые, мягкие. При виде их Руфо не мог сдерживать восторга. Нагнулся, повел носом – эта плоть издает теплый, такой сладкий запах: жаль, что видеокамера не может запечатлеть и это тоже. Таракашка закрыл глаза, вдохнул аромат. Потом пощупал промежность: надо же, мокро. Обмочилась, подумал он. Как трогательно: значит, испугалась по-настоящему. Тем лучше: будет легче входить в нее. Руфо уже ощущал мощную эрекцию. Внизу живота что-то кольнуло, напоминая о недавней встрече с Кайфоломом. Проклятый гад. Вернувшись в гараж, Таракашка обложил тестикулы льдом, но сейчас, кажется, все действует как надо. Спустив брюки и трусы, он нагнул голову с GoPro, чтобы заснять крупным планом сцену, которая того стоила. Одной рукой схватился за резинку пижамных брюк и потянул их вниз вместе с розовыми трусиками. Уперся членом в мягкую светлую поросль, но тут во второй раз за день кто-то впился ему в мошонку железной хваткой.

– Ублюдок, сукин сын, – шепнул ему на ухо мучитель, а Руфо испустил визгливый, душераздирающий вопль.

Он утратил способность воспринимать окружающее. В глазах помутилось, бедняга подумал, что вот-вот потеряет сознание. Он никак не мог понять, что происходит. Кто-то чуть не оторвал ему яйца, сдернул видеокамеру с головы, куда-то ее отшвырнул. Но потом насильник над насильниками окликнул его по имени:

– Руфо, дружище!

Таракашка не помнил, чтобы они были знакомы. Но это, конечно, не старина Кайфолом. Кто-то новенький, и как по тону голоса, так и по хватке Руфо

понял, что на этот раз будет не просто уйти живым. Стал мысленно перебирать всех, кто мог бы желать ему зла. Матушка послала его, не иначе, решил было он. Чистый бред.

Незнакомец поднял его и неожиданно бережно прислонил к стене. Руфо, держась за мошонку, прикрыл глаза и сквозь неудержимо льющиеся слезы, мешающие смотреть, разглядел все же какого-то типа в бежевом плаще, который то и дело приглаживал синий галстук, подобранный в тон к светло-серому костюму. Обут он был в кошмарные коричневые мокасины.

– Чего ты хочешь от меня? Мы знакомы? – прохрипел он из последних сил.

– Не то чтобы, – признался Витали. – По правде говоря, я совсем недавно узнал о тебе. Наверное, мне следует представиться, а? – Инспектор пнул его ногой в живот.

От боли Таракашка сложился вдвое.

– Ты – полицейский, – заявил он. – Только вы, ублюдки, умеете так бить.

– О Руфо, да ты проницателен. Я поражен: мне казалось, что в тебе и ума маловато.

– Как ты меня нашел? – всхлипнул Таракашка.

– Заглянул к тебе в гараж и просто пришел в восхищение: ты и впрямь не лишен предпринимательской жилки. Мои поздравления... Но в следующий раз постарайся не оставлять следов и не указывать открытым текстом, куда ты отправляешься и зачем.

Руфо мог вынести все, только не издевку. Кровь бросилась ему в голову.

– Чего ты хочешь? Денег? Я скопил неплохую сумму, подожди до утра, и я дам тебе столько, сколько захочешь.

Витали покачал головой:

– По-твоему, я продажный полицейский?

– Не знаю, это ты мне скажешь. – Руфо не мог совладать с дрожью, и это ему не нравилось.

– Мне, Таракашка, всего лишь нужна твоя помощь. – Инспектор встал на колени, заглянул ему в лицо. – Не так давно ты провел два месяца в больнице со смещением позвонка и раздавленными яйцами. Ты был таким идиотом, что заявил в полицию: так я на тебя и вышел.

Что правда, то правда: обращаться в полицию было чистым идиотизмом, но Руфо так осатанел, что готов был любой ценой расквитаться с типом, который искалечил его.

– Ты заявил, будто на тебя напали и хотели похитить. И неплохо описал нападавшего: около сорока лет, темные глаза и волосы, шрам на левом виске. Верно?

Руфо кивнул.

– Потом добавил одну подробность, которая меня зацепила. Ты сказал, что в какой-то момент, хотя ты и пальцем его не тронул, у похитителя пошла носом кровь.

Я ему не нужен. Он ищет Кайфолома, сказал себе Руфо. Может, есть надежда выкрутиться.

– Так вот, имея в виду род деятельности, какой ты для себя избрал, я подумал, что, может быть, история с похищением – сущее вранье, а ты, заявляя в полицию, наверное, просто хотел поквитаться с тем, кто тебе не дал поразвлечься.

Руфо замотал головой:

– Я его не знаю. – Потом выдавил улыбку. – Но тебе повезло: он и сегодня заходил ко мне. – Руфо отметил, что глаза полицейского заблестели. Да, он может легко отделаться, главное – поставить на верную карту. – Хотел, чтобы я отвел его домой к одному типу, по прозвищу Кукольник, который живет в Париоли.

– И что было потом?

– Ничего, ведь хозяина не было дома. Зато в одной комнате мы нашли странную штуку... Там была кукла, один в один мальчик, пропавший девять лет назад, в полный рост. Я знал даже, как его зовут: когда я был маленьким, в газетах и по телевизору только о нем и говорили.

– И как?

– Тоби. А вот фамилию запомнил.

Не важно, подумал Витали. Это мы и без него выясним.

Тем временем девушка, лежащая на одеяле, пришла в себя. Увидев двоих незнакомцев в доме, громко заверещала.

– Я из полиции! – заорал Витали, показывая удостоверение. – Успокойся, держи себя в руках.

Умолкнув, девушка отползла в угол.

Инспектор снова обратился к Руфо:

– Джованни Руфолетти... Утоли мое любопытство: почему ты зовешь себя Руфо?

– Так круче.

– Ты прав, мне бы самому догадаться. Извини.

Витали поднялся, достал пистолет и выстрелил Таракашке в правую коленную чашечку.

Крик Руфо почти заглушил грохот выстрела. Девушка в страхе заткнула уши.

Только Витали сохранял спокойствие.

– Имя типа, у которого идет носом кровь, – мягко проговорил он.

– Не знаю! – рыдал Руфо. – Я зову его Кайфолом.

Вторая пуля пробила левую коленную чашечку. Еще вопль.

– Имя, – повторил полицейский и, не дожидаясь ответа, прицелился Руфо в бедро и спустил курок.

Руфо в полном отчаянии уже не мог говорить. Слезы и сопли превратили его лицо в отвратительную маску.

– Правила игры такие, – заявил Витали. – Я буду стрелять в тебя, пока ты не расскажешь мне то, что я хочу услышать. Если ты раньше умрешь, значит и в самом деле не знаешь.

Он выстрелил снова. Еще раз, и второй, и третий. Стрелял уже не целясь, куда попало. Руфо дергался, как тряпичная кукла. Когда Витали это надоело, он прикончил парня выстрелом в лоб. Руки Руфо вытянулись вдоль тела. Так он и остался лежать, с вытаращенными глазами и обмякшим членом, торчащим из спущенных штанов.

И тут Витали повернулся к блондинке:

– Ты в порядке?

Девушка, все еще потрясенная, подползла к нему, ища защиты. Вся дрожа, приникла к его ногам. Потом подняла на него взгляд.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она. – Вы спасли мне жизнь.

Витали вложил пистолет в кобуру и погладил девушку по голове.

– Не за что, малышка. Не за что. – Потом поднес руку к ширинке и расстегнул молнию.

Добравшись до дома в районе Эсквилино и постучав в дверь, они и представить себе не могли, что Матильда Фрай откроет двум незнакомцам. Но она это сделала.

– Мы из полиции, – заявила Сандра, надеясь, что будет достаточно показать только одно удостоверение, ее собственное.

Она протянула руку, чтобы Матильда, державшая свечу, могла его рассмотреть.

Маркус держался позади, скрываясь в темноте лестничной площадки.

– Чего вы хотите? – спросила Матильда, но в тоне ее не ощущалось ни вызова, ни даже подозрительности. Просто в такой грубоватой манере она всегда общалась с людьми.

– Поговорить о Тоби.

По идее, слова Сандры должны были взволновать ее, но складывалось впечатление, будто Матильда чего-то подобного ожидала.

– Прошу, – проговорила она, впуская гостей.

Со свечой в руке она провела их по узкому коридору. Отопление отключили, и в доме было холодно. Квартирка была маленькая, но опрятная, несмотря на вездесущий запах никотина. Матильда привела их в кухню. Маркус отметил, что в виду блэкаута женщина не приняла никаких мер предосторожности. Не забаррикадировалась, не имела при себе никакого оружия, вообще ничего, чем можно было бы отпугнуть того, кто попытался бы вломиться в квартиру. Даже фонарика у нее не было: она вышла встречать гостей со свечой, которую только что зажгла. До их прихода она сидела в темноте – Маркус был в этом уверен. Стул отодвинут от стола, на столешнице – две пачки «Кэмела», пепельница и зажигалка. Матильда не поднималась с места. Весь день курила.

– Я бы приготовила вам кофе, но плита не работает.

Газ ведь тоже отключили, подумала Сандра. Наверное, чтобы предотвратить пожары, которые некому будет тушить.

– Нам и так хорошо, не беспокойтесь.

Матильда Фрай уселась на прежнее место и, даже не поинтересовавшись, не побеспокоит ли это гостей, закурила очередную сигарету.

– Мы не задержим вас надолго, – сказала Сандра. – Всего несколько вопросов, и мы уйдем.

Маркус по-прежнему молчал, они условились, что говорить будет по преимуществу Сандра.

– Сама не знаю, почему я поверила вам и васпустила, – проговорила Матильда и нервно расхохоталась. – Никто не должен в такую ночь оставаться один, так ведь?

Пенитенциарий понял, что спокойствие Матильды – напускное, что по-настоящему женщина пытается скрыть смертельную тревогу. Возможно,

старается выяснить подлинную причину, по которой они пришли сюда, но не осмеливается спросить.

– Знаю, это мучительно, – начала Сандра. – Но мы бы хотели, чтобы вы рассказали нам, что именно произошло тем майским днем девять лет назад.

Матильда сделала глубокую затяжку, медленно выпустила дым.

– А если я откажусь?

Неправда. Маркус был в этом уверен. Иначе бы она сразу прогнала непрошенных гостей. Эта женщина просто хотела, чтобы ее как следует попросили, ведь только пережитая трагедия и придавала ценность ее существованию. Едва войдя в дом и оглядевшись вокруг, он понял: Матильде Фрай больше нечего предложить окружающему миру.

– Пожалуйста, – попросил пенитенциарий.

Матильда прочистила горло.

– Тоби попросил повести его в Колизей. Ему нравятся статисты, одетые гладиаторами. – Она говорила о сыне в настоящем времени. – У нас мало денег. Мой диплом по античной филологии позволяет мне время от времени давать уроки латыни, но я свожу концы с концами, работая уборщицей. Поэтому, когда Тоби просит чего-то, что не требует расходов, я соглашаюсь. Поездка в метро, мороженое – это несложно и недорого, правда? Несколько дней назад я купила ему бейсболку с гербом Рима. На лотке, за пять евро. Видели бы вы, какое у мальчика было лицо, когда я вручила ему подарок. Он просто не мог поверить. И теперь носит ее, не снимая. – На грустном лице Матильды появилась улыбка. – Когда мы в тот день гуляли, он показывал пальцем на все подряд и задавал вопросы: «Мама, зачем здесь эта арка? Мама, почему у гладиаторов на шлеме щетка?» Вы же знаете период, который проходят детишки в три года, верно? – Она сделала еще затяжку. – Прекрасный был день, солнечный. Я точно не помню, как это случилось. Знаю только, что выпустила на мгновение его ручку, потом обернулась – а его уже нет.

Сандра почувствовала, что с этого места Матильде стало труднее рассказывать.

– Я бросилась искать его, думала, что он просто отошел немного в сторону. Но не хотела далеко уходить, иначе он потерял бы меня из виду. Останавливала людей, спрашивала, не видели ли они мальчика в бейсболке с гербом Рима. Люди качали головой и шли дальше, как будто не хотели иметь ничего общего с кошмаром, который переживала я. Только когда я стала выкрикивать имя Тоби, на меня обратили внимание. Мимо проходил полицейский патруль, я остановила ребят и попросила помощи. Потом говорили, что я слишком поздно обратилась к полиции. Может, и так, я не знаю, сколько времени на самом деле прошло, главное – моего сына больше не было. – Она сделала последнюю затяжку и большим пальцем раздавила окурок в пепельнице. – Вот и все. – Она помолчала. – Люди думают, что в таких случаях все происходит как в мелодраме. В действительности все самое плохое случается очень просто. – Женщина уставилась куда-то в пространство перед собой.

Маркус понял, что взгляд ее направлен на дверь. Он увидел отметки на стене, около двадцати. Они шли снизу вверх, были разного цвета, с разной датой. Последняя, верхняя, была зеленой, и рядом надпись: «103 см – 22 мая». По прошествии девяти лет едва ли не только эти зарубки доказывали, что Тоби вообще жил на свете. Ребенок, который не мог больше вырасти, который навсегда остался трехлетним, хотя ему и должно было исполниться двенадцать лет. Маркус вспомнил куклу в натуральную величину, которую видел в доме Кукольника, и содрогнулся.

– А что было потом? – не отставала Сандра.

– Газеты и телевидение вцепились в это дело. Сначала все были со мной солидарны. Но после фотографий и фильмов все изменилось. Тот факт, что моего сына видели все время исключительно со мной, возбудил подозрения. Сначала люди стали шептаться, это как водится. Мне не могли простить того, что я мать-одиночка, что у меня нет ни мужа, ни друга, нет мужчины, который помогает растить Тоби. И недоверие, по их мнению, явилось заслуженным мной наказанием. В принципе, я их понимаю.. Трудно признать что-то столь для тебя непривычное, смириться с мыслью, что кто-то может «потерять» любимое существо. Ведь ты уверен, что с тобой такого никогда не случится. – Матильда покачала головой. – Журналисты считали так же. Им даже не нужно было писать открытым текстом, хватало намеков. Никто больше не верил мне. Полицейские не высказывали это прямо, но я чувствовала, что их отношение ко мне изменилось. Они перестали верить мне, сомневались, что я говорю правду. Полагали, будто я что-то сделала со своим ребенком – что-то плохое. Меня еще не вызывали на допрос, но в глубине души я знала, что они уже не ищут похитителя, а собирают улики против меня. То был вопрос времени: в один прекрасный день они позвонили бы в дверь и увели бы меня в наручниках... И знаете что? Мне было все равно. – Она закурила следующую сигарету. – В тот момент мне было безразлично, арестуют ли меня, осудят ли. Раз уж мне суждено прожить остаток жизни без Тоби, не важно, где это будет. В тюрьме или в этом доме, какая разница. Горе никуда не денется. Ибо в одном все они были правы: в тот майский день только я могла предотвратить исчезновение Тоби.

Сандра взглянула на Маркуса. Оба чувствовали свою вину: это из-за них женщине пришлось вернуться к мучительным воспоминаниям. На этот раз пенитенциарий взял слово:

– Синьора Фрай...

– Матильда, прошу вас.

– Хорошо, Матильда... Вы, должно быть, спрашиваете себя, почему мы явились именно этой ночью. Вы решились принять нас, наверное предполагая, будто у нас есть какие-то новости.

– Я не удивлена, – тут же отозвалась женщина. – Напротив, я вас ждала. Не именно вас, разумеется, но надеялась, что кто-то придет и поможет мне.

Маркус и Сандра снова переглянулись в недоумении.

– Кто-то должен помочь вам? – переспросила агент полиции.

Матильда долго подбирала слова, боясь, что ее сочтут сумасшедшей. Наконец решила попросту рассказать, что произошло.

– В семь сорок, за минуту до объявленного блэкаута, зазвонил телефон. Я сняла трубку, но было плохо слышно, связь нарушена. Потом послышался голос Тоби.

Эти слова поразили посетителей. Но оба промолчали, желая дослушать до конца.

Матильда кинула на них быстрый взгляд, чтобы понять по их реакции, стоит ли продолжать. Решила, что стоит.

– Это длилось несколько секунд, ведь как только отключили электричество, связь прервалась.

– Что именно вы услышали? – спросил Маркус.

– «Мама, мамочка. Приходи, забери меня отсюда, мама», – проговорила она ровным, невыразительным тоном. – Странное дело – но я только потом над этим задумалась, – голос, который я слышала, принадлежал не мальчику двенадцати лет, а трехлетнему малышу. Тогда я решила, что это невероятно, что я просто презила наяву, галлюцинировала.

Маркус слышал, как те же слова произносила синтетическим голосом кукла в человеческий рост, сработанная Кукольником, помнил и беспроводной телефон, все еще включенный, который разглядел на полу. Женщина не придумала этот звонок и не вообразила его себе. Все произошло на самом деле. Ей позвонили из дома в квартале Париоли. Но зачем нужно было мучить бедную мать?

В темную, бурную ночь, при свете единственной свечи, на этой непритязательной кухне они вызвали дух невинного малыша. Никто не знал, чем это может обернуться.

– Я вам верю, – сказал пенитенциарий, потеснив Сандру и взяв инициативу на себя.

Матильда казалась удивленной. Не надеялась, наверное, что ее поймут.

– Думаете, это и правда был мой мальчик? – Слезы выступили у нее на глазах.

– Нет, поскольку невозможно, чтобы у него сохранился тот же голос, что и во время исчезновения, – признал Маркус. – Но мы пришли сюда сегодня ночью потому, что ищем ответы. Мы боимся, что Тоби похитили, но хотим понять, был ли выбор жертвы случайным или нет: это нам очень поможет.

Эти слова взволновали Матильду.

– Я все время молилась: пусть бы оказалось так, что мальчика забрала женщина, которая не может иметь детей. Все лучше, чем маньяк или педофил, разве нет?.. Кому еще какой прок похищать сына бедной матери-одиночки?

– Мы не знаем, – солгала Сандра: они с Маркусом договорились не упоминать о Церкви затмения. – Но если выяснить, кто его отец, это бы помогло.

Матильда молчала. Встала, взяла пепельницу и выбросила в мусорное ведро два окурка.

– Если я вам скажу, что сама не знаю, вы мне поверите? – Она не стала дожидаться ответа. – Помню, как пришла на вечеринку, потом была не в себе. Через месяц обнаружила, что беременна. Представляете, какой я испытала шок? Мне едва исполнилось двадцать два года, я ничего не знала о жизни, даже о том, откуда дети берутся. До тех пор я жила вдали от мира.

Сандра не поняла, что Матильда имела в виду, но решила пока не прерывать ее.

– Сначала я хотела избавиться от ребенка, мне было стыдно. Родные не поняли бы меня. Я и так причинила им огромную боль, они не заслуживали еще одного удара...

– Минутку... – на этот раз прервала ее агент полиции. – О каком ударе вы говорите? Что случилось до того, как вы забеременели?

– Как, разве это не записано в ваших протоколах? Я думала, что вы, полицейские, всё знаете обо мне. – Женщина не сводила с них глаз. – В двадцать два года я нарушила обет... До того как родить Тоби, я была монахиней.

На улицах района Эсквилино стояли лужи. Дождь полил опять с неослабевающей силой.

Подняв тяжелую решетку и удерживая ее, Маркус показал Сандре на лесенку, которая снова приведет их под землю. На агентах полиции до сих пор были открытые лодочки с каблуком головокружительной высоты, на таких нелегко спускаться, не говоря уже о том, что Сандра по-прежнему боялась крыс. В голову ей пришла одна мысль, и она вытащила из сумки смартфон. Поскольку покрытия не было из-за блэкаута, Сандра чуть не запаматовала, что у нее вообще есть сотовый телефон. И это притом, что она, как очень многие, несколько часов назад смотрела на дисплей практически не отрываясь. Сейчас смартфон можно было использовать лишь как фонарик. Так, она включила фотокамеру с подсветкой, направила лучик света в черную бездну под ногами и начала спуск. Но когда оставалось всего несколько ступенек, сотовый выскользнул у нее из руки и шлепнулся на землю. От удара фотокамера словно обезумела. Сандру это отнюдь не огорчило. Можно

надеяться, что вспышки, следующие одна за другой, отпугнут грызунов, притаившихся в темноте.

Чуть погодя они снова оказались в галереях.

Пенитенциарий шагал впереди с фонариком, Сандра старалась не отставать. С тех пор как вышли из дома Матильды Фрай, они не обменялись ни словом.

Монахиня. Та женщина действительно была монахиней. Сандра думала об этом не переставая.

– Скажи честно: ты думаешь, что он погиб?

– Да, – подтвердил Маркус. – Девять лет назад.

Он не сомневался. Сандра всем своим существом ощущала его ярость. В Маркусе жило чувство справедливости, ничего общего не имеющее с земными делами. А она часто забывала, что этот человек – священник. Ей хотелось спросить, почему он так уверен, что Церковь затмения убила Тоби Фрая, но вместо этого взмолилась:

– Может, передохнем минутку?

Пенитенциарий замедлил шаг, обернулся. Сандра, прислонившись к трубе, растирала щиколотки.

– Ладно, – сказал Маркус. – Тем более что все следы обрываются здесь. Да и расследовать больше нечего.

– Если ты в самом деле думаешь, что Тоби мертв, разве тебе не хочется найти тех, кто виновен в его смерти? Посмотреть им в глаза, спросить, зачем был убит невинный ребенок?

– Кто-то убивает их одного за другим, с каждым разом все более фантастическим и жестоким способом. С какой стати мне выслеживать этого человека?

Сандра догадывалась, что в глубине души он так не думает: это гнев говорит за него. Что бы то ни было, но она полагала, что хорошо знает этого человека: он непременно захочет выяснить, чем занимался до того, как потерял память, и почему очнулся скованным в Туллиануме. Надо только дать ему выпустить пар.

Маркус уселся на землю, она же предпочла прислониться к каменной стене. Пусть неудобно – все лучше, чем садиться в грязь. Никому из них не хотелось разговаривать. Сандра проверила, все ли в порядке со смартфоном, который недавно упал. Аппарат работал, мало того – когда включилась вспышка, сделал в автономном режиме целый ряд фотографий. Изображения в разных ракурсах галереи, по которой они проходили. Сандра стала удалять эти снимки из памяти. Но вдруг застыла, ошеломленная.

В полутьме, которую запечатлела камера, явственно виднелись чьи-то ноги.

* * *

Маркус увидел, как она резко выпрямилась и принялась лихорадочно рыться в сумке. Потом вытащила пистолет и прицелилась в темноту, из которой они пришли. Маркус тут же понял без лишних слов, что они тут не одни.

Он встал, подошел к Сандре, посветил фонарем. Из мрака явились три фигуры. Неприкаянные юнцы, возможно бродяги. Вооруженные. Двое – с дубинками. Но третий сжимал в руке пистолет.

Может, то было лишь мимолетное впечатление, но Сандра уловила в их глазах тот же отсутствующий, словно в трансе, взгляд, что и у наркомана из видеофильма, сохраненного в памяти сотового телефона, того самого, кого причастили черной облаткой и едким натром.

– Что вам нужно? – спросила она.

Никто из троих не ответил.

– Я из полиции, не испытывайте мое терпение. – Все так, но сколько раз она стреляла с тех пор, как попросила перевода в паспортный стол? Конечно, раз в месяц, согласно уставу, ходила на полигон, но сейчас не была уверена, что управится с оружием.

Маркус заметил, как у нее дрожат руки. Он не раз оказывался в скверных ситуациях, но хуже этой не мог припомнить.

Троица начала наступление.

– Поболтать немного, – отозвался один наигранно дружелюбным тоном. – Покурить травки, прикинуть, как нам поделить бабу.

Остальные двое заржали.

– А вдруг ты захочешь оставить ее только для себя? – спросил один из них.

Пенитенциарий быстро обдумывал варианты. Можно скрыться, он хорошо ориентируется здесь, под землей. Но что, если Сандра потеряется? И все-таки стоит рискнуть, ускользнуть во тьму.

Маркус взял ее за руку, отступил на шаг. Он что-то задумал, догадалась Сандра и кивнула, давая понять, что готова.

Маркус потушил фонарик и приготовился бежать.

Будто повинувшись неведомому приказу, все трое внезапно ринулись вперед. Беглецы слышали топот ног все ближе и ближе. Сандра даже различала их мысленным взором, этих хищников, вышедших из тьмы. И тут почувствовала, как что-то коснулось ее головы – рука? Ее передернуло от омерзения и страха. Она живо представила себе, как одно из этих созданий тьмы

отрывает ее от Маркуса, отбрасывает назад, опрокидывает на землю. И тащит в свою берлогу. А там они смогут удовлетворить самые безжалостные аппетиты.

– У нас не получится! – простонала она.

– Беги! – приказал пенитенциарий.

Она понятия не имела, куда они направляются, только заметила, что галерея становится все уже и уже. Внезапно за спиной у них вспыхнул яркий свет. Затем прозвучали три выстрела, один за другим. И три глухих удара о землю.

Трое нападавших рухнули, не издав ни звука.

* * *

Обернувшись, Маркус и Сандра увидели, как луч света от фонаря приближается к ним. Пенитенциарий немедленно взял пистолет из рук Сандры и прицелился в человека, который только что стрелял.

– Стой! – приказал он.

Человек, кто бы он ни был, послушался и остановился перед тремя телами, но только затем, чтобы проверить, в самом ли деле они мертвы. Затем конус света сместился, так чтобы вновь прибывшего можно было узнать. Витали сжимал в руках свою верную «беретту».

– Добрый вечер, друзья мои.

Их изумление его порадовало. Хорошо, что он пошел искать эту парочку к дому Матильды Фрай. И, судя по тому, во что это вылилось, эти двое должны быть благодарны Руфо, который назвал имя малыша Тоби, – мир праху твоему, Таракашка.

– Сукин сын, – проговорила Сандра.

– Как так? – прикинулся обиженным полицейский. – И это благодарность за то, что я спас вам жизнь?

– Я не уверена, что мы сейчас в безопасности.

Больше, чем прежде, подумал Витали. Заметила ли Вега, какой взгляд был у тех троих?

– Скажи своему другу, чтобы он убрал пистолет. А потом можно было бы и представить нас – тебе не кажется?

Сандра повернулась к Маркусу:

– Не делай этого.

– Не доверяешь, – отметил инспектор и отошел, чтобы прицелиться лучше. – Я хотел все обсудить цивилизованно, но и так сойдет. Но хочу напомнить тебе, агент Вега, что совсем недавно я на твоих глазах уложил троих бегущих людей, не истратив ни одного лишнего патрона.

Сандра понимала, что в перестрелке Витали одержит верх.

– Предлагаю соглашение.

– Слушаю.

– Обмен информацией.

Витали задумался на мгновение.

– Можно попробовать, но вы – первые... Кто он такой?

– Этого я тебе сказать не могу, – отрезала Сандра.

Витали огорченно покачал головой:

– Плохое начало.

– Он не убийца с видео на телефоне, – заверила агент полиции.

– А как же кровь, которую мы обнаружили на аппарате? Ты хочешь сказать, что твой друг не страдает носовыми кровотечениями?

Интересно, подумал Маркус, откуда ему это известно.

– Не надо на меня так смотреть! – расхохотался Витали. – Мне тараканчик нашуршал.

Руфо, подумал пенитенциарий. Раз инспектор вышел на него через Таракашку, значит он действительно дока.

– Ты еще не понял, кретин? – набросилась на него Сандра. – Кто-то хотел, чтобы мы очутились здесь, на этом самом месте. Впутал его, чтобы сбить тебя со следа, и этой фотографией в мобильнике использовал меня как приманку, чтобы вывести тебя на него. Он всех нас использует.

– И кто же он такой?

– Мы не знаем.

– И зачем это ему нужно?

– Чтобы беспрепятственно убивать приверженцев Церкви затмения.

Последние слова, по всей видимости, поразили Витали.

– Тебе-то что известно о Церкви затмения?

– Девять лет назад ее приверженцы похитили Тоби Фрая, возможно, чтобы убить его.

Витали казался ошеломленным.

– Кто тебе такого наговорил?

Сандра ни за что бы не призналась, что подсказку ей дал комиссар Креспи.

– Ладно тебе, инспектор: ты сам прекрасно знаешь, о чем речь. Церковь затмения – одно из твоих дел четвертого уровня секретности, верно? Я проверяла в архиве: твой послужной список недоступен для просмотра.

– Не знаю, откуда ты это все взяла, но попробуй пораскинуть мозгами. Как по-твоему, раз уж все мои дела четвертого уровня секретности, стал бы я болтать о них кому попало?

Сандра растерялась. Может, это очередной блеф, на какие горазд Витали.

Инспектор уловил сомнение в ее взгляде и усилил напор.

– Подумай, Вега: сколько человек в полиции действительно имеют доступ к файлам четвертого уровня?

Маркус не понимал, что происходит, но видел, что Сандра колеблется. Но прежде чем агент полиции успела что-то сказать, они услышали шум у входа в галерею. Их заставил умолкнуть негромкий топот: будто войско двинулось строем.

Потом почва под ногами вздыбилась, заколыхалась.

Сандра завизжала. Нашествие крыс всех застало врасплох.

– Черт, ну и мерзость! – заорал Витали, по очереди поднимая ноги в дорогих коричневых мокасинах, чтобы ненароком не раздавить какую-нибудь из гнусных тварей. – Откуда они взялись, проклятые?

Маркусу первому пришло в голову, что крысы от чего-то бегут.

– Тибр! – бросил он, схватил Сандру за руку и встряхнул, приводя в чувство. – Быстрее, нужно спешить!

Витали обернулся: в нос ему ударил смрад гнилостных вод. Забыв о мокасинах, он побежал с крысами наперегонки.

* * *

Наводнение, которого так боялись весь день, наконец началось. Речные воды хлынули в мгновение ока. Мутным потоком устремились в галерею, настигнув троих беглецов, которые всплыли вместе с крысами, отчаянно молотя по воде руками. Свет единственного фонарика померк почти сразу.

В темноте Сандра изо всех сил держалась за руку Маркуса, но тот боялся, что поток разъединит их. По правде говоря, он не был уверен, что выплывет. Бурным течением их неудержимо несло вперед. Что-то ударило пенитенциария в живот, возможно обломок дерева. Еще что-то стукнуло по затылку. Сандра, совершенно потеряв ориентацию, отчаянно цеплялась за Маркуса. Сумка мешала ей, она попыталась скинуть ремешок с плеча. Но что-то по-прежнему тянуло вниз. Видимо, пряжка зацепилась за платье. Нет, чья-то рука ухватила за ремешок, а теперь впилась ей в плечо.

Даже в крошечной тьме Сандра поняла, что это Витали.

Сандра рванулась. Раз, другой. Безрезультатно. Она не знала, как долго еще сможет задерживать дыхание. Наконец инстинкт самосохранения, вопреки рассудку, подвиг ее на поиски кислорода. И Сандра вдохнула воду.

Теряя сознание, она успела почувствовать, как ремешок соскользнул с плеча и пальцы Витали разжались, отпуская ее.

Маркус ощутил, что Сандра держится за него уже не так крепко. Должно быть, лишилась чувств, сказал он себе. Грязная ледяная вода проникала в легкие, еще немного, и он сам захлебнется. Нужно что-то предпринять, пока не слишком поздно.

Он оперся ногой о стену галереи и рванулся вверх.

Вынырнул он в верхней части галереи, где образовалась воздушная подушка. Ухватился за трубу свободной рукой. Потом подтянул Сандру. Нужно узнать, дышит ли она еще. Маркус прижал ее к себе, прикинул губами к ее губам, пытаясь уловить дуновение жизни. Слава богу, дыхание ощущалось, хотя и очень слабое. Все время держась за трубу, он попробовал двигаться вперед, чтобы бурный поток снова не унес их. Так они преодолели около пятидесяти метров, и тут Маркус почувствовал, как лицо овеивает струя свежего воздуха.

Пенитенциарий понял, что они находятся прямо под люком.

Нашупал железную лесенку, уходящую вверх. Взвалил на плечи бесчувственное тело Сандры и медленно, с трудом стал подниматься. Ему удалось открыть люк, толкнув его со всей силы одной правой рукой. Почувствовав на лице мелкие брызги дождя, понял, что они спасены. Правда, вышедшая из берегов река могла настигнуть их и наверху, но воды Тибра не смогли одолеть склона, где располагался спасительный люк.

Бережно уложив Сандру на асфальт, Маркус приступил к сердечно-легочной реанимации. Это подействовало: вскоре она закашлялась, извергая воду.

– Ты в порядке?

– Да... Кажется, да, – сказала Сандра, с трудом приподнимаясь. Она все еще ощущала теплые губы Маркуса на своих губах.

Оба понимали, как им повезло. На плече Сандры от пальцев Витали остались синяки. Сам инспектор наверняка погиб. Но в данный момент их внимание привлекло совсем другое зрелище.

Они видели прямо перед собой, как речные воды и пламя пожаров одерживают победу, заполняя центр Рима, раскинувшийся у подножия холма.

8

Эрриаге понадобилось больше двух часов, чтобы дойти пешком до дворца Апостольской канцелярии. В обычные дни этот путь отнимал у него максимум двадцать минут.

Но нынешний день был не похож на другие.

Защищенный всего лишь плащом и черной шляпой, он прошел по улицам, граничащим с зоной, где вспыхнули первые мятежи. Каждый раз, когда кто-то попадался ему на глаза, Эрриага прятался в темном углу, надеясь, что его не заметят. Он видел пожары, которые даже ливень был не в силах потушить, слышал грозный гул Тибра, вышедшего из берегов. Но больше всего поразил его взгляд людей, которые шатались по улицам, обуреваемые жадой насилия, – пустой, почти неподвижный.

Пророчество Льва Десятого. Знаки.

Сначала наступила тьма – с началом блэкаута. Потом, с ливнями и разъяренной рекой, явилась вода. Затем – огонь пожаров. И наконец, поветрие.

Чума, поразившая эти души, явилась не по воле случая: она составляла часть плана. Тех, кто раньше были людьми, она превращала в нечто иное. Злое.

Эти существа и стали новыми хозяевами Рима. Усилия, которые прилагала полиция, чтобы усмирить их, оказывались тщетными.

Эрриага живой и невредимый дошел до дворца, в котором веками располагалось Судилище душ. Он первым делом перекрестился, затем постучал в массивную дверь и замер в ожидании.

Ему открыл один из секретарей, обеспечивавших деятельность священного суда.

– Добрый вечер, ваше преосвященство. – Молодой клирик с канделябром в руке встретил его и повел вглубь здания.

Они вместе поднимались по широким мраморным ступеням, источенным за века бесчисленными шагами.

– Что стряслось? – спросил Адвокат дьявола. – Почему такая спешка? – Из головы не выходил черный стяг, поднятый над крышей в знак созыва экстренного заседания.

– Дело, которое нельзя отложить.

– Кающийся находится при смерти, да?

– Именно так, ваше преосвященство.

Судилище душ представляло собой суд последней инстанции для католиков, запятнавших себя culpa gravis. Не все это понимают, но главная забота Церкви – освободить душу от столь тяжелого груза. Особенно в виду близкой кончины кающегося.

Эрриага, который в ходе процесса представлял обвинение, еще не знал, о каком смертном грехе пойдет речь этой ночью.

– Днем к нам явился приходской священник, служащий в церкви Санта-Мария дель Рипозо, – сообщил секретарь. – Он и принес нам исповедь умирающего.

– Где этот священник? Я хочу встретиться с ним прежде, чем мы начнем.

Они вошли в зал пергаментов, предварявший помещения суда. Эрриага снял плащ и вручил его секретарю вместе со шляпой. Потом, проследовав по коридору, где горели свечи, вошел в собственный кабинет. Опустился в кресло, обитое красным бархатом, и оперся подбородком о сплетенные пальцы. Он боялся, что и эта ситуация сложилась не по воле случая. Очередной знак? Что может таить в себе грех, пусть даже смертный, совершенный человеком, который вот-вот расстанется с жизнью?

Дверь отворилась, и секретарь ввел священника, которому на вид было больше восьмидесяти лет. Сутана, такая же ветхая, как он сам, лоснилась от грязи. Редкие седые волосы растрепаны, борода неухожена. Он приблизился согнувшись, держа шляпу в руках, явно робея в присутствии столь важного кардинала.

В другое время Эрриага и не подумал бы отнестись с сочувствием к его запущенному виду. Наоборот, говорил бы с ним в пренебрежительном тоне, так чтобы тот уразумел хорошенько все свое ничтожество. Но при нынешнем положении вещей он сам хотел бы стать бедным пастырем в незначительном приходе и решать мелкие повседневные проблемы. Ведь ответственность кардинала огромна. И этой ночью впервые в жизни он ощутил ее тяжелый груз.

– Рассказывай, – обратился он к старику с необычной сердечностью.

Приходской священник сделал пару шагов ему навстречу и поднял глубокие синие глаза, чистые, как горный родник.

– Да простит меня ваше преосвященство, но я мало что могу рассказать. Уже собираясь закрывать церковь с началом комендантского часа, я заметил в одной из исповедален, на скамеечке для коленопреклонения, забытый предмет.

– Какой предмет? – спросил Эрриага.

– Записную книжку, – отвечал священник.

Он сунул руку в карман сутаны, вытащил черную книжицу и вручил ее прелату.

Эрриага первым делом взвесил ее на ладони, будто прикидывая, насколько весомо ее содержимое. Но открыть не решился.

– Откуда тебе знать, что она принадлежит умирающему? Ты же не видел кающегося, тебе неизвестно, в каком он состоянии.

– Все верно, – признал священник. – Но человек, исписавший эти страницы, знал, что должен умереть. Мало того: описал, как это случится, и указал место, где искать труп.

Эрриага вздохнул и наконец решился открыть записную книжку. Пролистав ее, сразу заметил, что несколько страничек вырвано. Потом, при свете свечей, окружавших его, принялся читать.

Кровь отхлынула у него от лица. Руки задрожали противной мелкой дрожью. Глаза быстро бегали по строкам, он машинально переворачивал страницы, потеряв им счет. Дойдя до конца, закрыл книжицу и положил ее к себе на колени.

Священник и секретарь, стоявшие рядом, пока он читал, теперь смотрели на него, ожидая, что он скажет или сделает. Эрриага чувствовал на себе эти взгляды, но был не в силах пошевелиться.

В Судилище душ личность кающегося находилась под защитой анонимности. Судили грех, но не грешника. Тем не менее за долгие годы Адвокат дьявола наловчился вычислять виновных. И пользовался их тайными пороками для шантажа, отчего его власть только возрастала.

На этот раз, однако, не требовалось проводить расследование или прибегать к каким-то уловкам, чтобы узнать имя человека, который должен был умереть. Он даже знал, что в конечном счете этот человек остался в живых.

– Маркус! – вырвалось у кардинала.

8 часов 43 минуты до рассвета

Они нашли приют в кафе быстрого питания.

Забегаловка была разграблена, а потом разгромлена впавшими в ярость теньями. Жалюзи сорваны, мебель разбита, стены покрыты надписями. Слабый отблеск пламени проникал в помещение от горящего на другой стороне улицы автомобиля. Этим неверным светом Маркус воспользовался, чтобы поискать воды для Сандры. Из кранов текла коричневатая густая жижа. Наводнение, подумал пенитенциарий. Река проникла в трубы, снабжающие город водой. В глубине отключенного холодильника он нашел пару баночек кока-колы, чудом уцелевших при грабеже.

Агент полиции сидела на полу, за перегородкой отдельного кабинета. Она еще не пришла в себя. С мокрыми волосами, в мокрой одежде, она дрожала от холода и надсадно кашляла. Маркус уселся рядом с ней и протянул кока-колу. Сандра покачала головой.

– Тебе нужно попить, – сказал он.

Сандра послушалась, но не смогла сделать ни глотка: горло как будто оцепенело.

– Ничего, это нормально, со временем все пройдет, – успокоил ее пенитенциарий.

Сандра как замороженная не сводила глаз с горящего автомобиля. Он врезался в патрульную машину, которая перевернулась и сейчас находилась там же, вблизи. Полицейские, возможно, спаслись, или, по крайней мере, им удалось вылезти из машины. А вот водитель автомобиля превратился в обугленный скелет. Что за безумие овладело людьми?

– Ты тоже видел, какие у них глаза...

Маркус понял, что Сандра имеет в виду взгляд тех троих, которые напали на них под землей. Да, он видел.

– Постарайся не разговаривать, не напрягай горло, – заботливо проговорил Маркус.

Сандра его не слушала.

– Не думаю, что они хотели нас убить. – Она обернулась к Маркусу. – То есть они убили бы... но только в самом конце. – Она воображала длинный ряд мучений и издевательств. «Пытка» – вот верное слово.

В галерее они потеряли все. Туфли Сандры – она в самом деле осталась в одних чулках. Но также и сумку с удостоверением, перечнем основных моментов расследования, документами и всем прочим. Электрический фонарик. А главное, вода унесла пистолет. Без него Сандра чувствовала себя беззащитной. Она завидовала Маркусу, который никогда не имел при себе оружия. Все-таки хорошо, что он рядом. Сандра знала, что Маркус защитит

ее любой ценой, и ей становилось не так одиноко. На кого вообще в этой жизни можно положиться? Когда наступит конец света, кто вспомнит о ней? Пора подвести итог, припомнить всех, кто действительно желает ей добра. Поэтому одна мысль не давала ей покоя. Слова уже покойного инспектора Витали: «Подумай, Вега: сколько человек в полиции действительно имеют доступ к файлам четвертого уровня?»

Сандре никак не удавалось разрешить загадку.

– Ведь это Креспи заговорил о Церкви затмения... Это он мне все рассказал.

– Что? – Маркус не понимал, к чему она клонит.

– Я не сошла с ума, – успокоила его Сандра. – Просто рассуждаю вслух.

– О том, что сказал Витали?

Вопрос пенитенциария попал в самую точку: Сандра только укрепилась в своих сомнениях.

– Витали был скользкий тип, вовсю манипулировал людьми, но в этом, наверное, был прав. Он стоял во главе тайного подразделения – отдела по расследованию эзотерических преступлений. Подразделения настолько засекреченного, что оно состояло из одного-единственного полицейского, для которого специально создавались должности, служившие ему прикрытием.

– Креспи, говоришь... Комиссар убийного отдела не только в курсе расследования, но и спокойно ведет о нем беседу с младшей по званию, которая может быть вовлечена в него со всеми вытекающими последствиями, наверняка тяжелыми, – продолжил за нее пенитенциарий. – Он не только предоставляет тебе информацию, но и посвящает во многие подробности, нарываясь на обвинение в превышении полномочий.

Маркус облек в слова терзавшее ее подозрение. Хотя ей и трудно было в этом признаться, Сандра уже не могла полностью доверять комиссару Креспи.

– Я должна поговорить с ним, понять.

Через окна кафе они увидели, как по улице бегут люди, вооруженные палками. Маркус насторожился. Но бежавшие не заметили их.

– Нужно уходить, – сказал пенитенциарий. – Здесь небезопасно.

Сандра в ужасе воззрилась на него:

– Не хочу опять спускаться под землю.

Им бы это и не удалось, ведь галереи залило. Но Сандре хотелось, чтобы ее утешили.

– Пойдем по улицам, но нужно смотреть в оба.

– Куда мы пойдем?

Маркус взгляделся в то, что осталось после аварии, произошедшей возле кафе. Его внимание особенно привлекла перевернутая патрульная машина.

– Навестить твоего старого друга.

* * *

Уже много часов в «муравейнике» царил хаос. Внутри бункера генераторы исправно давали энергию, и высокие технологии не подводили, но этого было недостаточно, чтобы взять под контроль то, что происходило снаружи.

Начальник полиции заперся в собственном кабинете, откуда поддерживал постоянный контакт с первыми лицами государства в отчаянной попытке восстановить в городе порядок.

Все уже поняли: то, что началось в районе площади дель Пополо, не было заранее спланированным нападением, никакой стратегии не просматривалось за спонтанными проявлениями агрессии. Непредсказуемость противника как раз и являлась основным дестабилизирующим элементом.

Положение стало серьезным, когда нападавшим удалось разграбить склад оружия и боеприпасов. Де Джорджи подал министру официальный запрос о необходимости задействовать армию.

КОМЛОГ, командование логистики, тыловая служба итальянской армии, мобилизовала тысячу человек из подразделения вспомогательных войск, расквартированного в Чеккиньюле. Через несколько часов из Тосканы должен прибыть отряд парашютистов из бригады «Фольгоре», элитного подразделения, прошедшего специальную подготовку для участия в операциях, предполагающих высокую степень риска. Особый отряд получит задание выявить и отловить главарей мятежников.

Креспи полагал, что такое их определение не соответствует действительности, поскольку у так называемых мятежников нет ни определенной цели, ни какой-либо организации. И все же их стали именовать так после того, как им удалось одержать верх над силами правопорядка. По сути, большим шишкам тоже было выгоднее называть их так. Хотя бы из соображений престижа: почетнее потерпеть поражение от сообщества мятежников, чем от орды неприкаянных бродяг, предающейся мародерству и вандализму. Кроме того, следовало оправдать уже имевшие место человеческие жертвы.

Как и все, кто находился в оперативном штабе, комиссар переживал за свою семью. Жену, детей, внуков. Откуда ему знать, грозит ли им опасность. К счастью, они жили в Нуово-Саларио, вдали от районов, охваченных мятежами. Но ни в чем нельзя быть уверенным.

Сведения, поступавшие в «муравейник», были смутными и зачастую противоречивыми. Единственно достоверным являлось то, что Тибр вышел из

берегов в трех местах. Во-первых, у Мульвиева моста, затопив квартал кафе и ресторанов, где вечерами собирались тысячи римлян. Во-вторых, у замка Святого Ангела. Паводком снесло баржи и паромы, обычно пришвартованные у берегов. Эти суда вместе с другими обломками образовали пробку у знаменитого моста Святого Ангела, и поднявшиеся воды сначала сильно повредили его, а потом и вовсе обрушили. Здесь Тибр разлился до самой площади Навона. Старинный фонтан, построенный Бернини по проекту Борромини и прозванный, словно в насмешку, Фонтаном четырех рек, исчез под водой. Пропал и остров Тиберина, его тоже захлестнуло бурным потоком. Больницу, расположенную там, к счастью, эвакуировали. Затопило и район Трастевере, и там уж наверняка не обошлось без жертв. Илистая вода достигла уровня второго этажа. Кто знает, сколько человек захлебнулось в собственных квартирах. Они забаррикадировались из страха перед возможным вторжением, а убил их непрекращающийся дождь.

Назавтра всю вину возложат на комендантский час, в этом комиссар был убежден. Вопрос будет поставлен так: если бы свобода передвижения граждан не была ограничена, скольких жертв удалось бы избежать? Станут искать козлов отпущения, и многие головы полетят. Но Креспи больше думал о тех, кому там, снаружи, повезло еще меньше, чем утонувшим: о тех, кто лежит израненный и ждет помощи, которая так и не придет. В самом деле, вспомогательные войска, присланные со всей Италии, так же как элитные подразделения, скопились на периферии и выжидали, пока город будет «усмирен», прежде чем вступить в него.

Люди и стихия за несколько часов разрушили то, что созидалось сотни лет. Ни с чем не сравнимую красоту. Все это сопровождалось огромным количеством человеческих жертв. На рассвете мир поймет, что Рим навсегда изменился. Разумеется, при условии, что город переживет эту ночь.

От подобных размышлений Креспи оторвала сотрудница.

– Синьор, вас вызывают по радио из патрульной машины. Агент представилась как Сандра Вега.

– Дайте мне ее, – заволновался комиссар. Взяв трубку, заговорил первым: – Вега, это правда ты?

– Да, Креспи. Я самая.

На линии были помехи, но комиссар был рад услышать голос коллеги.

– Скажи мне, что ты не в Трастевере, что ты вышла из дому до наводнения.

– Успокойся, комиссар, со мной все хорошо.

– Слава богу. – Креспи испытал облегчение, но ненадолго.

– Я знаю, что ты – один из них.

Эта двусмысленная фраза пригвоздила его к месту, вогнала в дрожь.

– Что ты сказала? Я не понял...

– Все ты понял. Я знаю, – повторила Сандра.

Комиссар прикрыл трубку рукой, чтобы никто не слышал.

– Послушай, Вега, я пытался сказать тебе утром, я не кривил душой, клянусь. Иначе зачем вообще открывать тебе эту тайну?

– Значит, так оно и есть: ты говорил не со слов Витали, ты давно это знал.

– Оставим пока Витали, есть вещи поважнее... – Несмотря на кондиционер, комиссар обливался потом. – Я хочу выйти оттуда... Но не знаю как. – Молчание. – Вега, ты слышишь?

– Да, слышу. Этот разговор не для радиосвязи, тебе не кажется?

Она была права: любой, подключившись на их волну, мог подслушать.

– Что ты предлагаешь?

– Встретимся через час в кафе «Греко».

10

Креспи незаметно выбрался из «муравейника». Он нес с собой темную спортивную сумку.

Место встречи находилось на престижной улице Кондотти, ведущей к одному из самых знаменитых мест в мире – площади Испании.

Славилась она и бутиками самых известных итальянских и мировых фирм, да и вообще великим множеством роскошных магазинов.

Старинное кафе «Греко» представляло собой в некотором роде исключение. Основанное в 1760 году уроженцем Леванта, оно превратилось со временем в некую культурную нишу, где собирались интеллектуалы и художники всех родов. Не говоря уже об отменном эспрессо, кафе было знаменито своей отделкой – стены помпейского красного цвета, столики серого мрамора, стулья, обитые бархатом, люстры в стиле либерти и ар-деко, зеркала и картины в золоченых рамах.

Именно так представлял себе Креспи место, куда он шел. При нем был фонарь, но комиссар не включил его ни разу, боясь, что смутьяны, заметив свет, накинутся на прохожего. Он посветил себе, только достигнув цели. И застыл в недоумении перед черной дырой, зияющей перед ним. Все было попорчено, изувечено невежеством и скотством. Та же судьба постигла магазины и бутики по всей улице. Разграблены ювелирные салоны Булгари и

Картье, растащены последние модели Гуччи, Прады, Диора и Вюиттона. Но худшая картина открылась, когда комиссар направил луч фонаря на площадь Испании. Та была непоправимо обезображена. Монументальная барочная лестница лежала в обломках: вандалы развлекались, съезжая по ста тридцати пяти белым ступеням на автомобилях. Какой-то «мерседес» напрочь снес знаменитый фонтан Баркачча.

Креспи углубился в темную пещеру, которая совсем недавно была самым красивым кафе в Риме. Погромщики не пощадили ничего. Поставив на пол спортивную сумку, комиссар нагнулся и подобрал осколок прославленной фарфоровой чашечки с логотипом «Греко». Кто знает, сколько людей приносили губами к гладкому крепкому ободку, обретая благородное наслаждение. Креспи горестно покачал головой.

– Сюда! – окликнули его.

Ступая по осколкам стекла и обломкам древесины и мрамора, он добрался до зала «Омнибус», где на стенах красовались гипсовые таблички в память о знаменитых посетителях кафе – от Аполлинера до Бизе, Кановы, Гёте, Джойса, Китса, Леопарди, Мелвилла, Ницше, Марка Твена и Орсона Уэллса, и этот перечень неполон. Теперь от табличек остались лишь черепки да белая пыль, висевшая в воздухе.

Сандра стояла посреди комнаты. Комиссар направил на нее фонарь. Разутая, в вечернем платье, разорванном во многих местах, руки в карманах фуфайки с капюшоном. Волосы и лицо в грязи. Вид ее вполне вписывался в разгром, царивший вокруг.

– Я принес то, что ты просила. – Креспи показал на сумку.

– Хорошо, поставь на пол.

Креспи повиновался.

– Я здесь, чтобы помочь тебе, комиссар. Но сначала я должна понять, насколько ты замешан...

Полицейский промолчал, потом приспустил брюки и показал левое бедро.

Перед глазами Сандры предстала татуировка, голубой кружок.

– Мне не забыть того, что ты сделал для меня за эти годы, вот почему мы все еще друзья.

– Хотел бы я верить тебе, Вега, – вздохнул Креспи, поправляя брюки.

– Ты сказал по радиосвязи, что хочешь выйти из игры, ведь так?

Креспи вытащил пистолет.

– Как мне убедиться, что ты не одна из них? Твоя фотография – в памяти сотового телефона, который мы нашли в такси.

– Если ты думаешь, как Витали, то зачем пришел?

– Чтобы ты им передала: пусть оставят меня в покое. – Креспи невольно всхлипнул, он ненавидел себя за малодушие, но поделать ничего не мог: никогда в жизни ему не было так страшно. Он был расстроен, устал, но все-таки уловил, как Сандра скосила глаза в сторону. Поглядела куда-то в темноту, направо. Зачем?

Комиссар даже не успел обернуться: из мрака выскользнула тень и набросилась на него. Нападавший вывернул ему руку, завладел пистолетом, потом схватил за горло.

Сандра сделала шаг вперед.

– Не нужно, – сказала она, подбирая фонарь, который выронил полицейский.

И Маркус ослабил хватку.

Креспи рухнул на колени, закашлялся. Поднял взгляд на человека, который обезоружил его. Узнал его, но не сразу. Они встречались несколько лет назад, когда расследовалось дело Римского монстра. Комиссар не знал, кто он такой, но тогда этот человек помог ему. Что он тут делает вместе с Сандрой Вегой?

– Жду объяснений, – проговорила агент полиции.

Комиссар растирал горло.

– Не знаю, за кого вы меня принимаете, но, по правде говоря, я ничего для них не значу.

– Чего ты боишься? – спросила Сандра, наставляя на него фонарь.

– Вчера вечером, сразу после того, как по телевизору объявили о сегодняшнем блэкауте, меня призвали в «муравейник». Я вышел из дому, направился к машине и тут обнаружил, что ее вскрыли. Вору, подумал было я. Проверил: они оставили все, что могло иметь хоть какую-то ценность, а забрали связку ключей и записную книжку, которую я держал в бардачке, чтобы пометать что-нибудь важное.

Сандра и пенитенциарий переглянулись. Вот где Маркус взял записную книжку, а главное, ключи от архива, где хранятся нераскрытые дела и где они обнаружили фотографию похитителя Тоби Фрая.

Хотел бы Маркус припомнить, в какой момент своего забытого расследования он вскрыл машину комиссара. Но даже знания о том, что произошло, было недостаточно, чтобы вызвать к жизни воспоминания: похоже, эта его частичная амнезия необратима.

– Почему эта мелкая кража так напугала тебя? – недоумевала Сандра.

– Ты не знаешь этих людей, – зашептал Креспи, опасливо озираясь, словно их могли подслушать. – Они никогда не угрожают прямо. Просто подают тебе незаметный знак. Когда на видео из сотового телефона я увидел, как убили

наркомана с такой же татуировкой, как у меня, то понял: это конец. Поэтому решил направить тебя по верному следу.

– Кто еще принадлежит к Церкви затмения? – спросил Маркус.

– Понятия не имею, – заверил Креспи с таким видом, будто это само собой разумеется. – Время от времени нам поручают что-то на периодических встречах, куда мы приходим в черных балахонах и в масках. Так поддерживается секретность.

– Кто раздает вам поручения?

– Мы их зовем Епископ, Кукольник и Алхимик.

Маркус уже установил личности первых двух, но третьего пока не знал.

– Значит, они и заправляют всем? – снова подступил он к комиссару.

– Нет. – Креспи огляделся так, будто из темноты вот-вот появится гигантская пасть, готовая пожрать его. – Главный над всеми нами – Маэстро теней.

Сандра не могла поверить, что человек, которого она так уважала, все время хранил такую гнусную тайну. Ей и пришлось задать самый больной вопрос:

– Что случилось с Тоби Фраем?

– Я ничего не знаю о мальчике. Мне поручили хранить одну вещь, и я сохранил.

– Какую вещь? – спросил Маркус.

– Чемодан. Но я не знаю, что внутри, клянусь.

– Где он сейчас?

– Я держал его в подвале, но сегодня ночью вынес. – Комиссар явно тянул время.

– Еще раз спрашиваю: где он сейчас?

Под таким давлением Креспи потупил взгляд. И только тогда на глаза ему попались ноги пенитенциария. Ужас отразился на его лице.

– Где ты их взял?

Маркус не понял.

Креспи отшатнулся:

– Кто дал тебе их? – Он указал на белые парусиновые туфли.

Что в них такого страшного?

– Не помню, – признался Маркус.

Старый полицейский обернулся к Сандре:

– Ты меня предала.

Та склонилась к нему, положила руку на плечо:

– Никто тебя не предавал. В одном я могу быть уверена: этот человек – не враг. Хочешь, он разденется и покажет, что на нем нет никакой татуировки?

Креспи задумался на мгновение.

– Не надо, – решил он наконец. – Довериться вам – единственное, что мне еще остается...

– Тогда скажи, куда ты дел чемодан?

– Скажу, если предоставите мне защиту.

– Ты должен рассказать нам и все остальное.

– В должное время и на моих условиях, – заявил комиссар. – Каждый раз, когда вам что-нибудь будет нужно, я попрошу у вас что-то взамен. – Креспи знал, что душа его погибла, но надеялся хотя бы спасти жизнь.

– Так и быть, – согласился Маркус, подхватывая спортивную сумку, которую принес комиссар. – Мы отведем тебя в безопасное место.

* * *

Светя себе фонариком Креспи, они вернулись в квартиру на улице Говерно-Веккьо.

Улица пролежала между замком Святого Ангела и площадью Навона, в местах, наиболее пострадавших от наводнения. Маркус даже не был уверен, что они туда доберутся. Но, дойдя до площади Сант-Эустакио, они убедились, что воды схлынули, оставив после себя ил и мусор. Бесконечный ковер самых обычных, обиходных предметов устилал тротуар – Сандра заметила одинокий шлепанец, половник, куклу. Все – покрытое липкой грязью.

Сандра, Маркус и Креспи проваливались в ил чуть ли не по колено. До места они добирались почти целый час. Весь район был опустошен наводнением, а потому безопасен. Ни одному вандалу, ни одному громиле с пустым взглядом не придет в голову сюда забрести.

Сандра впустила Креспи в тесную квартирку. Перед камином еще лежали остатки маленького пикника, который она приготовила для них с Маркусом.

– Здесь найдется несколько баночек тунца и крекеры, – сообщила она комиссару, вспомнив, что они ели. – Есть и вода в бутылочках.

– Я хочу покурить, – заявил Креспи.

Он вытащил пачку сигарет из кармана пиджака. Похоже, комиссар серьезно решил вновь предаться пагубному пристрастию.

Маркус раскрыл сумку с вещами, которые Креспи принес по просьбе Сандры. Электрические фонарики и сменные батарейки, спортивный костюм и кроссовки для Сандры, два пистолета – револьвер и автоматический – и, наконец, пара спутниковых телефонов устаревшей модели.

– Мы просили радиотелефоны, на что нам это старье?

– Сойдут и эти, – успокоил их старый комиссар. – Все равно ничего лучшего не подвернулось.

– Теперь ты в безопасности. Чемодан, – напомнила Сандра о заключенном соглашении.

– Я оставил его в гостинице, около вокзала Термини. Отель «Европа», номер сто семнадцать. – Креспи порылся в кармане, вытащил ключ и протянул его сотруднице.

Сандра тяжело вздохнула:

– Но почему?

Комиссар потупил взгляд:

– Давай распинай меня...

– Я думала, что ты веришь в Бога, что ты добрый христианин...

Креспи уселся, сделал затяжку.

– Черная облатка... – проговорил он и снова поднял взгляд на собеседников. – Бог забросил человека на крошечную планету в необъятной Вселенной. Окружил его прекрасной, но враждебной природой. Потом скрылся и молча наблюдал... Оставил нас здесь, одиноких, испуганных, задаваться вопросом: «Как оказались мы в этом месте?» или «Откуда мы пришли? Куда идем?». Разве может отец так поступать с детьми? – Креспи взгляделся в их лица, ища сочувствия, но не нашел его. – Зато Владыка теней вернул нам знание. Кто принимает его причастие, получает взамен дар всеведения.

Сандра вспомнила, как наркоман заговорил по-арамейски.

– Что ты подразумеваешь под «знанием»?

– Знание для каждого свое, – уточнил Креспи. – Некоторые хотят постичь предметы, далекие от них, а другие просто хотят заглянуть в самих себя и

узнать, кто они такие на самом деле. Я, например, ждал, что черная облатка откроет мне смысл моей собственной жизни.

– И что, получил ты ответ? – бросил Маркус с презрением.

– Да! – гордо провозгласил Креспи.

– Что за фигня! – вырвалось у Сандры.

Она была уверена: здесь что-то другое. Слишком хорошо она знала комиссара, не так-то просто было обвести его вокруг пальца.

Креспи расхохотался:

– Ну да уж ладно, чего там... – Он понял, что Сандру не обманешь. – Много лет назад я убил женщину.

Такое признание ошеломило Сандру.

– Непреднамеренно: несчастный случай. Сбил ее на машине и скрылся. – Креспи умолк на мгновение, обвел их взглядом. – Она была беременна, понимаете? Должна была родиться девочка.

– Не вижу связи, – процедила Сандра сквозь зубы.

– А я уловил ее – со временем... Бог не совершил это сам, он заставил меня сотворить ужасную вещь. Может, ему самому претило, не знаю, почему он выбрал именно меня. – Креспи вынул из кармана платок, высморкался. – Он мог найти множество способов, чтобы прибрать к себе ту женщину и ее дочь. Болезнь, например, или осложнение при родах. А он пожелал, чтобы кто-то другой сделал грязную работу. Его благочестивый раб, до которого ему не было ни малейшего дела.

Такая банальная риторика возмутила Сандру.

– И ради всего этого вы приносите в жертву невинных? Ради этого убили Тоби Фрая? Ведь вы убили его, разве не так?

Креспи яростно замотал головой:

– Вы не испытали ничего подобного, поэтому не можете до конца понять. Насколько сильна в тебе жажда истины? До какой точки ты можешь дойти, чтобы разорвать обманчивую завесу забвения? – Глаза полицейского сверкали, как у одержимого. – Что за самомнение – считать себя честным человеком, добрым христианином, ни разу не прикоснувшись к беззаконию и злу!

Маркус вспомнил епископа Горду. Он хотел подвергнуться испытанию. Зло жило в нем, старый прелат это знал и, наверное, угадывал способ заставить его проявиться. Так почему не попробовать?

– Как осмелиться взглянуть в глаза детям или любимой женщине, если ты не уверен в себе? Если даже не знаешь, кто ты таков? Я должен был узнать, виноват ли я сам, или Бог действовал через меня, чтобы никто не мог

возложить на него вину за смерть беременной женщины. И в конце концов черная облатка открыла мне истину. – Креспи вещал, будто проповедник, пытающийся обратить слушателей в свою веру. – Владыка теней говорил через Маэстро... Епископ, Кукольник и Алхимик в подчинении у Маэстро теней. – Тут пыл его угас. – Остальное потом. Таков уговор.

Маркус потянул Сандру за рукав:

– Переодевайся и пошли.

Она встала перед Креспи, протянула руку:

– Удостоверение.

Старый комиссар отдал документ без единого звука. Перед тем как уйти, Сандра еще раз взглянула на него:

– Твой черный бог уже забыл о тебе, жалкий ты человек.

* * *

Креспи молча ждал, пока они уйдут. Но вот он в доме один, и ему остается только сводить счеты с собственной совестью. Наверное, надо было сразу сказать им о поветрии. Но что вышло, то уж вышло.

Он сидел и курил у погашенного камина. Прикончил пачку меньше чем за полчаса. Огляделся. Что это за место такое? Старый компьютер, стационарный телефон. Здесь живет мужчина, который пришел вместе с Вегой? Непохоже, чтобы здесь вообще кто-то жил. Креспи решил, что нелишним будет осмотреться как следует.

Со свечой в руке он приступил к обыску. Кухня, ванная, спальня. Какая-то берлога, а не жилье. Но вот он наткнулся на запертую дверь. Попробовал открыть, не получилось. Отступился, вернулся на кухню поискать баночку тунца и крекеры, о которых говорила Сандра. Стал было рыться в буфете, но замер. Вдруг осознал, что сомнение нестерпимо: события последних часов превратили его в параноика. Поэтому снова подошел к двери и на этот раз попытался взломать ее. Казалось, она была заперта изнутри.

Прошел в гостиную, посидел какое-то время. При свете свечи все смотрел и смотрел на дверь в запретную комнату. Забыть о ней никак не удавалось.

Наконец он вскочил с места, схватил кочергу и решительно направился к двери. Отжал косяк кочергой, и замок сломался. Ему показалось, будто из темной, мрачной дыры вырвалось ледяное дыхание. Он зашел внутрь, посветил. Ничего интересного, в пустой комнате стоит только большой деревянный шкаф.

Заклеенный изолентой.

Креспи подошел ближе, спрашивая себя, что там может быть, в этом шкафу. Не в силах разгадать эту новую тайну, решил проверить. Сорвал ленту и распахнул створки. С полки упал огромный черный мешок, с ног до головы осыпав его темной пылью. Свеча потухла, и дверь за его спиной с сухим щелчком затворилась.

– Но что за черт... – возмутился он.

Бросился к двери, попытался открыть – тщетно. В двери был второй замок, и он замкнулся. Креспи порылся в кармане, нашел спичку, снова зажег свечу.

Серое облако осело на пол и на стены. Но пыль была такая легкая, что при малейшем его движении поднималась снова. Что это такое? Креспи нагнулся, пощупал. Пепел, вот что.

И комиссар, сам того не ведая, начал его вдыхать.

11

Они снова шли по улице.

Брели по грязи, среди обломков: с такой скоростью им вовек не добраться до Термини. Маркус огляделся. Направился к куче мусора, из которой торчал руль. Как следует уперся ногой и начал тянуть. Сандра поспешила на помощь. Вскоре они извлекли «хонду-эндуро». Если не считать нескольких вмятин, мотоцикл был целый. Пенитенциарий подергал за тросики, попытался завести мотор, но ничего не вышло.

– В карбюратор попала вода, – установил он, однако не отступился.

С десятой попытки мотоцикл завелся.

Они вскочили в седло, и пока ехали по разоренным улицам, Сандра крепко прижималась к Маркусу. Они никогда не были настолько близки. Сандра продрогла, вымокла под дождем, но слышала, как бьется сердце ее спутника.

– Я нашел Епископа – Горду, и Кукольника, – сказал ей Маркус. – Остается Алхимик и Маэстро теней.

– Думаешь, такой существует на самом деле?

Маркус и сам задавался этим вопросом.

– Обычно в сектах существует тайная олигархия, приверженцев заставляют верить, будто они подчиняются решениям харизматичного вождя:

аскетическая, далекая, недоступная фигура оказывает более мощное влияние на слабую психику адептов.

– Креспи поможет нам, – убежденно проговорила Сандра. – Он сказал, что хочет выйти, и я ему верю. Ты сам видел, насколько он напуган.

– Думаешь, ему известно, кто такой Алхимик?

– Не знаю, – призналась Сандра. – Помнишь, мы спросили у него, как происходят встречи адептов? Ты веришь в эти черные балахоны и маски?

– Что тебя смущает?

Агент полиции немного подумала.

– Не знаю, просто в это трудно поверить, и очень хотелось бы, чтобы вся эта история обернулась грандиозным обманом.

Но Маркуса мучила и другая загадка. Почему комиссар так разволновался, увидев на нем белые парусиновые туфли?

* * *

Они добрались до сортировочной станции. Составы стояли неподвижно. Когда пенитенциарий выключил мотор, их окружила гробовая тишина.

Дождь, который лил восемьдесят шесть часов подряд, прекратился. Но им уже не хватало привычного плеска.

Отель «Европа» располагался на улице Кастро-Преторио. Маленькая гостиница обычно принимала паломников. Туда вела стеклянная вращающаяся дверь, снабженная датчиками движения. Сейчас она, разумеется, не работала и даже была заперта на замок. Стойка администратора в холле пустовала.

– По-моему, там никого нет, – заявила Сандра, приложив руки к стеклу и заглядывая внутрь.

Маркус достал автоматический пистолет и выстрелил в замок. Они вошли в отель.

Вопреки ожиданиям тишина внутри не была абсолютной: откуда-то доносилось непрекращающееся тихое карканье.

– Ты тоже это слышишь? – спросил пенитенциарий.

Сандра опознала звук, слышанный в детстве, но почти забытый. Источник его находился за стойкой. Сандра перегнулась через нее и обнаружила маленький транзисторный радиоприемник. Звук был поставлен на минимум, едва можно было различить мужской голос.

– Мы, наверное, ошиблись! – Сандра огляделась вокруг. – Наверное, здесь кто-то есть.

– Выходи! – бросил Маркус в темноту. – Мы не причиним тебе зла.

Через несколько секунд из-за портьеры показался испуганный человек, сжимающий бейсбольную биту.

– Чего вы хотите? – спросил он, дрожа.

Сандра показала ему удостоверение Креспи, и это его вроде бы успокоило.

– Я ночной портье, – заявил он, опуская биту. – Отель практически пуст, – прибавил он. – Только я да компания боливийцев, которые приехали, чтобы присутствовать в среду на общей аудиенции папы.

Вот кому не повезло, подумала Сандра. Проехать полмира, чтобы попасть в такую передрагу.

– Вчера вечером один человек снял у вас номер сто семнадцать. Это так? – спросил Маркус.

Портье подумал.

– Кажется, я сдал этот номер где-то в двадцать три часа.

– Припомните: не был ли то человек по имени Креспи? – Следовало в этом удостовериться, чтобы не попасть в ловушку.

– Я должен посмотреть в журнале записей, – ответил портье официальным тоном.

– Оставь, – прервала его Сандра. – Можешь его описать?

Портье искоса посмотрел на них:

– Есть ведь закон о невмешательстве в личную жизнь. – Он немного подумал.
– Ну да ладно, хуже не будет... Сутулый, лет под шестьдесят, и от него несло табаком.

Убедившись, что речь идет о Креспи, Сандра показала ключ:

– Нам нужно подняться.

– Хорошо, но я пойду с вами: эти гады-боливийцы забаррикадировались на втором этаже и никого не пропускают.

Портье направился к лестнице. Проходя мимо стойки, Сандра еще раз взглянула на транзисторный радиоприемник.

– Ах это! – сказал портье, подметив ее интерес. – Утром я вспомнил, что не так давно видел его на складе. Ему лет сорок, откопать батарейки, чтобы он заработал, целая эпопея. Но толку мало... Цифровые передачи

прекратились из-за блэкаута, но я думал, что можно было бы организовать вещание на средних и коротких волнах. Ничего подобного. – Они начали подниматься. – Кстати, у вас есть какие-нибудь новости о том, что происходит в городе?

Сандра изумилась:

– Как, вы ничего не знаете?

– Ничего, – чистосердечно признался портье. – Эти ублюдки в правительстве тянут из нас налоги, а когда мы действительно нуждаемся в новостях, то остаемся ни с чем.

Мир, пронизанный связями, полный высоких технологий, рухнул, подумала агент полиции. В нескольких стах метров отсюда вспыхивают кровавые мятежи, бушуют пожары, к тому же и Тибр вышел из берегов – а этот человек ни о чем не подозревал.

– Тогда что за голос я недавно слышала по радио?

– Какой-то сумасшедший маньяк, сукин сын, терроризирует болванов вроде меня, которые еще доверяют средствам массовой информации... Он, проклятуший, уже много часов вещает.

На втором этаже портье на ломаном испанском пытался объяснить боливийским паломникам, что никакой опасности нет: им просто нужно пройти. За баррикадой скопились женщины и мужчины средних лет, все напуганные.

– Вам придется возместить причиненный ущерб, – пригрозил портье.

Маркус выступил вперед и заговорил с паломниками на их языке. Успокоил их, потом благословил. Те, преклонив колени, перекрестились. Потом разобрали баррикады.

– Ваш друг – священник? – спросил портье у Сандры.

– Да, – ответила агент полиции.

– Священник с пистолетом?

– Да, – подтвердила она. Сандра была потрясена не меньше, чем портье: она часто забывала, что Маркус – священник, видеть, как он отправляет обряд, было и для нее внове.

Они подошли к номеру сто семнадцать.

Маркус обернулся к сопровождавшему их портье. Вложил ему в руку автоматический пистолет.

– Они еще могут прийти, – только и сказал пенитенциарий.

– Кто? – спросил портье, вновь охваченный страхом.

Маркус не ответил.

– Дальше мы сами, спасибо.

* * *

Сандра вставила в замочную скважину ключ, который вручил ей Креспи.

– Поверить не могу, что ты отдал один из наших пистолетов.

– Ему нужнее, – коротко бросил тот. – Доверься мне.

Они вошли. Луч фонаря пронизал темноту. В комнате царил абсолютный порядок. Двухспальная кровать, абажуры на тумбочках, вместительный стенной шкаф. На стенах дешевые акварели, изображающие Рим прошлых времен. Палас гладкий, и всюду ощущался сильный запах хвои, явно от освежителя воздуха. Они затворили за собой дверь и взялись за поиски чемодана.

Сандра проверила шкаф. Маркус заглянул под кровать.

– Вот, – объявил он, вытащил чемодан и положил его на матрас.

Чемодан был из коричневой кожи, потертый по краям, исцарапанный от долгого употребления. На нем был кодовый замок.

– Что будем делать? – спросила Сандра. – Стрелять нельзя, вдруг там что-то хрупкое.

Маркус оценил ситуацию.

– Наверное, способ найдется.

Он зашел в крохотную ванную и отвинтил сифон от раковины. Вернулся. Прежде чем сбивать крепления, обратился к Сандре:

– Там, внутри, может быть все, что угодно, вплоть до взрывного устройства.

– Я об этом тоже подумала... Раз кто-то пытается и убивает приверженцев Церкви затмения, он, возможно, добрался до чемодана раньше нас и устроил для Креспи ловушку.

Маркус пристально посмотрел на нее:

– Другого способа нет, но я все равно хочу, чтобы ты вышла.

– Нет, я останусь.

Она была полна решимости. Зная, как трудно ее переубедить, Маркус стал колотить железкой по замку. Чтобы сбить его, хватило десяти ударов.

Маркус положил сифон на покрытый паласом пол, а Сандра взялась за крышку чемодана. Подняла ее.

Внутри лежала одежда разных размеров, аккуратно сложенная. Ничего странного: что еще укладывают в чемодан? Но в данном случае удивляло – казалось странным – то, что одежда была детская.

– О нет! – воскликнула Сандра, вытаскивая вещи одну за другой и проверяя размеры. – Вот, взгляни: четыре, семь, девять, двенадцать лет. – Вся одежда – для мальчика.

Они оба думают одинаково, заметил Маркус. Тоби Фрай не был единственным. Другие невинные дети попали в руки Церкви затмения. Кто они были? Что с ними стало?

Потом агент полиции нашла одежды, которые ей показались знакомыми. Маечка и бейсболка с гербом Рима.

– Тоби, – только и произнесла она – невинный из невинных, сын монашки. Взволнованная, прижала маечку к груди. «У кого хватит духу сообщить матери?» – спросила она себя, и слезы полились у нее из глаз. – Чудовища...

Она с трудом сглотнула, пытаясь справиться с собой, с нараставшим внутри бешенством. Маечку и бейсболку отложила на кровать: ей пришло в голову, что на одежде еще мог сохраниться запах малыша. Связь через обоняние, которую только мама способна восстановить, через девять лет. И Сандра не хотела лишать Матильду Фрай последней возможности хоть как-то приблизиться к ее отпрыску. Эта женщина и так поплатилась самым жестоким образом: подозревали, будто она замешана в похищении сына, в то время как ничего дороже малыша в ее жизни не было.

– погоди-ка минутку, – произнес Маркус у нее за спиной. Потом вдруг выхватил из чемодана одежды и стал раскладывать их по порядку на покрывале, начиная с вещей Тоби.

– В чем дело?

Пенитенциарий не отвечал, пока не закончил. Заговорил, только когда все вещи оказались перед его глазами.

– Вот, взгляни. – Он указал на майку и бейсболку. – Самый маленький – Тоби, он пропал в возрасте трех лет. Самому старшему – двенадцать. – Маркус повернулся к Сандре. – И все – мальчики, – подчеркнул он.

Но до Сандры все еще не доходило.

– Пересчитай вещи, – велел пенитенциарий.

Сандра пересчитала. Куртка, брюки, рубашка... Перечень заканчивался на красном свитерке.

– Десять.

– По одной вещи на каждый год, начиная со дня похищения, – сделал вывод Маркус.

– Они все могли принадлежать одному ребенку? – Произнося эти слова, Сандра сама не верила в них. И умолкла.

– Да, – кивнул пенитенциарий, прочитав ее мысли. – Возможно, Тоби Фрай еще жив.

12

6 часов 43 минуты до рассвета

Он очнулся, почувствовав, как теплая жидкость струится между ног. Ну вот, обделался, огорчился Витали.

Потом, будто от удара кулаком в лицо, пробудилась память. Я умер, убежденно проговорил он про себя. Нет, я не умер, неправда. Но должен был умереть, это да. Попытался открыть глаза. Открылся только один, половина лица опухла, саднила. Кругом темно. Воняет стоячей водой и смазочным маслом. Откуда-то что-то капает, и этот звук отдается в тишине. Где я? Витали попытался встать: болело везде. Последнее, что он помнил, – бурный поток несет его, раз за разом швыряя о стены галереи, как тряпичную куклу. Попробовал повернуться – и перед глазами вспыхнули тысячи огней, как во время фейерверка. Правая рука онемела, – наверное, вывихнуто плечо. С огромным трудом он поднялся на ноги. Было нелегко сохранять равновесие – голова кружилась, и все вокруг весело кружилось вместе с ней. Он разут, но это терпимо. Нестерпимо то, что он потерял свои любимые коричневые мокасины.

– Эй! – завопил он в темноту, которая тотчас же вернула ему его собственный вопль.

Он по-прежнему находился под землей, но явно не в коллекторе. Паводок мог затащить его куда угодно. В подземельях Рима много удивительного как с геологической, так и с исторической точки зрения: отнюдь не все открыто и исследовано. Мысль о том, что его занесло, например, в какой-нибудь поганный храм, посвященный Юпитеру, на глубину в пятьдесят метров, вовсе его не радовала, даже если бы он оказался первым человеческим существом, попавшим туда после тысячелетнего забвения. Вообразив себе такое, Витали расхохотался – ребра пронзила ужасная боль, но он хохотал и хохотал, громко, без остановки. Только представить себе лица археологов, которые его найдут. Затеют научную дискуссию – как оказалась тут мумия в светло-сером костюме с синим галстуком. Может, меня даже выставят в музей, сказал себе инспектор.

Смех пошел ему на пользу. Я все еще жив, значит нужно воспользоваться шансом.

Витали попробовал идти, однако ноги подгибались, он споткнулся на первом же шаге и снова рухнул лицом вниз на твердую землю. Ругательство застряло в горле; он попытался пнуть предмет, о который зацепился, и только тогда понял: что-то оплетает его лодыжку наподобие змейки. Витали отскочил назад, затряс ногой, но проклятая тварь не отставала. Наконец он успокоился, собрался с духом и протянул здоровую руку, чтобы отцепить ее.

Никакая не змея, а ремешок сумки.

Витали притянул ее к себе, расстегнул молнию, запустил руку. Внутри было сухо. Даже бумага не вымокла. Нашупал что-то знакомое по материалу и форме: удостоверение. Сандра Вега, догадался он. Это ее сумка. Витали вспомнил, как схватился за ремешок, чтобы не захлебнуться. Он взмолился от всего сердца: хоть бы коллега оказалась курильщицей или просто захватила с собой зажигалку, на случай если понадобится зажечь свечу. Скажи мне, что это так, дура безмозглая. В самом деле, зажигалка нашлась.

Витали схватил ее левой рукой и попытался большим пальцем привести в действие. Но, не будучи левшой, чуть не уронил драгоценную вещицу. Мысль о том, что он может лишиться последней надежды выбраться отсюда, ужаснула инспектора. Спокойно, сказал он себе. И попытался снова.

Огонек вспыхнул и сразу потух. Но в этот единственный миг Витали успел разглядеть темные, мрачные своды. Никакой не храм, подумал он. К тому же там имел место легкий сквозняк, который и потасил зажигалку, хотя человеком не ощущался. С третьей попытки Витали удалось сохранить огонек, прикрыв его рукой. Маленькое пламя чуть согрело ладонь, и это было приятно. Витали развернулся, посветил вокруг. Он стоял в туннеле. Воды паводка, ища выхода, чтобы разлиться, снесли стену коллектора и ворвались в более просторную галерею. Присев и направив пламя зажигалки вниз, Витали понял наконец, где находится.

Две полосы из потемневшей стали, уходящие в темноту. Рельсы, сказал он себе. Метро.

Он снова встал и с некоторым усилием побрел по шпалам. Посмотрел в одном направлении, потом в другом. Нужно было решить, в какую сторону двигаться. Выбор непростой – он мог снова наткнуться на подземную реку, на него могла свалиться стена или, того хуже, сдвинутые с места паводком горные породы. Насмешка судьбы: не захлебнуться в пучине и найти такой жалкий конец.

С сумкой Веги, перекинутой через левое плечо, с правой рукой, безвольно болтающейся вдоль тела, Витали все-таки зашагал в левую сторону, тем более что оттуда дул сквознячок, который он недавно обнаружил.

Зажигалка то и дело гасла, но через двести метров показалась станция. «Фламинио», – прочел Витали на табличке, потом кое-как взобрался на платформу. Тут ему на глаза сразу попался пилястр. Витали подошел ближе, повернулся правым боком, разогнался и врезался в него изо всех сил. Эхо разнесло крик боли по пустынному туннелю. Слезы выступили на глазах, но

сустав встал на место. Витали несколько раз попробовал сжать и разжать пальцы. Было больно, но рука действовала.

Вскоре он поднялся к турникетам и билетным автоматам. Рядом стоял торговый автомат, отключенный холодильник с напитками. Как бы хотелось инспектору припасть пересохшими губами к какой-нибудь банке, пусть даже напиток там и окажется теплым. Он подергал за ручку, попытался разбить стекло удостоверением, которое нашел в сумке, но стекло было слишком плотным. До блаженства рукой подать – и на тебе: приходится отступить. Но прежде чем уйти, он увидел в стекле свое отражение. Пол-лица и впрямь покрыто багровыми синяками. Сто лет пройдет, прежде чем он сможет снова провести время с женщиной.

Поднявшись по лестнице, ведущей на поверхность, он оказался перед решеткой, которая закрывала вход в метро. К счастью, ее успели сломать, иначе Витали так и остался бы внутри на неопределенное время. Он вышел на площадку и тут же взглянул в сторону Фламиниевых ворот, получивших свое название от древнеримской дороги, построенной при консуле Фламинии.

За мощными бастиями лежала площадь дель Пополо, где в начале ночи произошли первые столкновения. Но в данный момент там царила тревожная тишина, а отблески пламени делали ее еще более зловещей.

Витали пустился в путь и вскоре уже проходил под аркой, воздвигнутой в тысячном году. Перед ним простиралась пустыня, усеянная мусором и мертвыми телами. Первая мысль: нашествие варваров, но то, что предстало глазам Витали, даже отдаленно не было похоже на приведенные в школьных учебниках описания разгрома Рима Аларихом и вестготами в пятом веке после Рождества Христова. Ту кровавую бойню святой Августин истолковал как Божью кару, которую заслужил Рим, столица язычников, не желающая принимать христианство. Но на этот раз варвары не вторгались. Они большей частью родились и выросли здесь.

Поветрие, чума, произнес про себя Витали.

Каменные львы, стерегущие фонтан и монументальный обелиск, были обезображены. По всей площади пылали костры. С края стоял джип, принадлежавший отряду быстрого реагирования. Эти прибыли первыми, как только вспыхнули мятежи, припомнил инспектор. Бойцы бросили машину, а потом кто-то воспользовался ею, чтобы забраться на фонарь. К фонарному столбу был привязан за руки и за ноги человек в мундире.

Его забили до смерти.

Лицо было изуродовано, в теле, похоже, не оставалось ни одной целой косточки, но Витали отметил, что часы на руке полицейского продолжали идти. Забавно, подумал он. Кто-то знакомый? Возможно, да. Кто знает, сколько раз они пересекались в коридорах управления. Хорошо бы прочесть молитву. Но Витали никогда не ладил со святыми и теперь не знал, с чего начать. Единственное, что он мог сделать для мертвых, – это сохранить собственную жизнь. Поэтому он забрался в джип. Хотя шины и были спущены, завел мотор и отъехал, оставив труп полицейского висеть на фонарном столбе.

* * *

Ему благополучно удалось объехать автомобили и мусорные баки, брошенные посреди улиц. Но на улице Венето машину пришлось оставить и дальше идти пешком. Улица «Сладкой жизни» превратилась в свалку. Пустые бутылки, разбитые витрины, надписи на стенах. «Эксельсиор», «Гранд-отель», «Бальони» и прочие роскошные пятизвездочные отели были разграблены подчистую. Ни звука, ни стопа не доносилось из почерневших, еще дымящихся развалин.

Наконец он добрался до входа в бункер, в «муравейник». Путь к нему, однако, преграждали машины и вооруженные люди. Витали поднял руки, хотя правая все еще плохо слушалась; он надеялся, что у часовых не сдадут нервы и они не начнут стрелять без разговоров.

Кто-то спросил:

– Кто идет?

– Инспектор Витали.

– Назовите полное имя и должность, – отозвались по ту сторону заграждения.

– У меня при себе удостоверение, дайте мне подойти ближе, и я вам его покажу. – Витали имел в виду документ, позаимствованный из сумки Веги.

– Стойте, где стоите, и назовите полное имя и должность, как я сказал.

Витали вздохнул: нет способа вразумить тупицу в форме.

– Я начальник отдела криминальной статистики. – Он чуть не расхохотался в голос, повторяя все ту же песенку.

За баррикадой установилась тишина. Часовой, должно быть, проверял информацию.

– Ладно, проходите, – послышался голос. – Но не опускайте рук.

* * *

В «муравейнике» Витали осмотрел врач. Обнаружил мелкие ссадины, множество синяков, перелом скулы. Из предосторожности доктор наложил ему на плечо тугую повязку и выдал упаковку таблеток торадола.

В амбулатории Витали принял душ, ему даже предоставили чистую одежду – джинсы, рубашку поло и кроссовки «Адидаас», которые, казалось, поступили из секонд-хенда. Он даже добился того, чтобы ему принесли холодное питье, и наслаждался им, вспоминая метро и банки, запертые в обесточенном холодильнике торгового автомата. Принял две таблетки обезболивающего, но, по правде говоря, отдал бы все, что угодно, за одну-единственную великолепную дорожку кокаина.

Отдохнув на славу, Витали решил приняться за работу. Сандра Вега и ее странный молчаливый дружок, скорее всего, стинули в галерее, но, может быть, остался какой-то след, имеющий к ним касательство.

Через несколько часов наступит рассвет, и только этим временем располагал Витали, чтобы остановить поветрие чумы, не дать ему распространиться за пределы центра Рима. Стихия и блэкаут стали причиной заражения, но, по сути, они же и сдержали распространение болезни, создав нечто вроде некоего вынужденного карантина.

Чтобы понять, насколько во всем этом замешана Вега и как много она знает, Витали порылся в ее сумке. Нашел листок бумаги, который нащупал еще в шахте метрополитена. Развернул его. То был перечень данных расследования.

Способ убийства: старинные практики пыток.

Белые парусиновые туфли (у Маркуса и епископа Горды).

Черная облатка (наркоман).

Татуировка в виде голубого кружка: Церковь затмения. Невинные жертвы.

Блэкаут – Лев Десятый.

Таинственная записная книжка.

Тоби Фрай.

Список завершала приписка:

Случайная составляющая: временная амнезия Маркуса.

– Маркус, – повторил Витали вполголоса.

Он вспомнил, что человек, страдающий кровотечениями из носа, был действительно обут в белые парусиновые туфли. По крайней мере, теперь известно его имя и то, что он на какое-то время потерял память.

Из перечня можно было сделать еще один вывод. Эти двое нашли Епископа. Витали изумился, прочитав имя Артуро Горды. Он часто задавался вопросом, кто этот таинственный персонаж, игравший в секте немаловажную роль, но и представить себе не мог, что речь идет о человеке, в самом деле принявшем сан.

Может, они также нашли и Кукольника. Но инспектора больше интересовал Алхимик. В перечне он не значился, но там была отсылка к таинственной записной книжке. Если бы ее раздобыть, загадка была бы разгадана. А вдруг нет?

Пока он раздумывал над всем этим, какой-то агент позвал его:

– Шеф хочет видеть вас у себя в кабинете.

* * *

Префект Де Джорджи вместе со старшим комиссаром Альберти ждали его. Оба с мрачными лицами.

– Присаживайтесь, инспектор, – предложил начальник полиции.

Витали уселся перед письменным столом, на котором был разложен план Рима.

– У нас есть хорошие и плохие новости, – объявил комиссар.

– Начните с хороших, пожалуйста, – попросил Витали, который бедами был сыт по горло.

– Нам удалось локализовать мятежи.

Может, хватит уже называть эти события «мятежами»? – подумал инспектор, но поостерегся свою мысль озвучить.

Альберти указал на план:

– Мы подсчитали, что мятежников около тысячи. На площади дель Пополо они нас застали врасплох, ведь мы не ожидали столь яростного нападения. Но они так и не вышли за пределы стен Аврелиана и Яникульских стен.

– Разлив Тибра сыграл нам на руку, – вмешался начальник полиции. – Они оказались заперты в историческом центре города.

– Речь идет о территории площадью в пятнадцать квадратных километров, с населением восемьдесят пять тысяч человек.

Витали взгляделся в план:

– Согласен... Теперь плохие новости.

– Они передвигаются под землей и выходят на поверхность в самых неожиданных местах, устраивая нашим людям засады: многие агенты ранены, есть даже убитые.

Да знаю я, знаю, хотел бы сказать им инспектор. Не так давно в канализации он имел весьма оживленную встречу с тремя из таких ребят.

– Не устаю повторять себе, что мы могли бы предотвратить события этой ночи, – выпалил начальник полиции. – Вы предупреждали нас, а мы не послушались, – вынужден был он признать.

Витали пожал плечами, будто это больше его не касается.

– Церковь затмения ждала лишь случая, чтобы дать сигнал к опустошению. Поскольку следующее лунное затмение над Римом наступит только через шесть лет, они воспользовались возможностями, которые предоставляет блэкаут...

– Верно, все верно: примите наши извинения, – перебил его комиссар. – Но сейчас вы должны сказать нам, как все это остановить.

Инспектор на мгновение задумался.

– Я слышал, что в город вступают войска. Так вот, прикажите солдатам всякий раз, когда им попадется человек с потухшим взглядом, открывать огонь на поражение.

– Вы с ума сошли! – одернул его начальник полиции.

– Вам никак этого не уразуметь, да? – Витали, усмехаясь, покачал головой. – Вы сидите взаперти в бункере, а я побывал снаружи. Я видел. Слышал. Мог пощупать руками. Вы утверждаете, что локализовали беспорядки, а я говорю, что ситуация уже вышла из-под контроля: заразу не остановить.

Начальник полиции стукнул кулаком по столу:

– Должен же быть какой-нибудь способ!

– Я сегодня убил четверых, – признался Витали без страха перед последствиями. Первым был тот, кто хотел украсть у него бумажник. – Уверяю вас: другого способа нет. – И добавил: – Алхимик хорошо поработал, нам за ним не угнаться.

– Неужели не существует противоядия? – вскричал начальник полиции, теряя терпение.

– Даже если бы нам удалось его разработать, человек, принявший черную облатку, должен в достаточной степени прийти в себя, чтобы добровольно явиться в больницу и принять препарат.

– Тогда что вы предлагаете? – спросил комиссар.

– В лучшем случае положиться на время. В прошлом эффект заражения ослабевал через несколько часов.

– А в худшем?

– Молиться, на полном серьезе. – Он добавил: – На этот раз все по-другому. У меня сложилось впечатление, будто черная чума претерпела эволюцию: что-то подвигает этих ублюдков к насилию, хотя я и не знаю, что именно. – Он вспомнил тех троих в галерее, как они, едва погас фонарь, набросились на Сандру и ее друга Маркуса. – Надо бы схватить одного из них и подвергнуть исследованию: может, я и ошибаюсь.

Высшие чины молча смотрели на него.

– Есть еще одна проблема, – объявил начальник полиции.

Витали потерял уже счет их бедам.

– Какая?

– Воззвание.

Не дав инспектору времени попросить объяснений, комиссар взял слово:

– Лишившись сотовых телефонов, цифрового радио и телевидения, горожане вновь открыли для себя некоторые изобретения прошлого. Например, извлекли на свет божий транзисторные приемники, пытаясь поймать какие-нибудь новости о том, что происходит. – Он вынул из кармана маленькое записывающее устройство и положил приборчик на стол. – Это мы услышали потому, что сигнал на средних и коротких волнах улавливают наши каналы для экстренной связи.

– О чем вы говорите? – спросил инспектор.

– О радиопередаче, которая сеет панику даже среди наших людей.

Комиссар включил диктофон. С трудом пробиваясь сквозь пелену помех, мужской голос заговорил медоточивым тоном: «Внимание! Это первое сообщение, исходящее от вновь установленной власти. Мы захватили Рим. Рим – наш. Блжстители закона и силы правопорядка уже присоединились к нам. Солдатам, которые собираются вступить в столицу, мы говорим: держитесь подальше отсюда, этот город принадлежит нам. Если нарушите священные границы, никогда не вернетесь к своим семьям, никогда не увидите ваших детей, жен, мужей, женихов, невест и родители ваши оплачут вас... Слушай, народ Рима: папа бежал, католики остались без вождя. Стены Ватикана пали, даже Сикстинская капелла захвачена. Обратитесь в нашу веру, поклонитесь Владыке теней, выходите на улицы, убивайте неверных, если те осмелятся противостоять вам. Кто пренебрежет приказом, будет считаться врагом Церкви затмения».

Комиссар выключил запись.

Витали посмотрел в лицо сначала одному начальнику, потом другому:

– Вы мне голову морочите, да?

– Если бы, – вздохнул начальник полиции.

– Неужели кто-то поверит в подобную чепуху?

– В две тысячи шестом году в Мумбае, в Индии, распространился слух, будто морская вода вдруг стала пресной. Люди тысячами сбегались на берег и пили морскую воду, веруя, что произошло чудо.

– А на самом деле что это было? – Инспектор не понимал, какое отношение имеет эта история к насущным делам.

– Коллективный психоз, – тут же объяснил начальник полиции. – Морская вода не поменяла вкус, но люди были уверены в обратном.

– Галлюцинация?

– Называйте как хотите. Факт тот, что бредовая речь, которую вы слышали, может произвести аналогичный эффект, ведь эти слова звучат после целого ряда нелегких испытаний, выпавших на долю населения. Они призваны усилить панику и, соответственно, хаос.

Витали был потрясен.

– Войска не придут?

– Придут, конечно: очень скоро армейские части вступят в город, – заверил комиссар. – Но генералы КОМЛОГа хотят вначале понять, что их ожидает. В конце концов, это будет самая крупная военная операция на итальянской территории с самого окончания Второй мировой.

– А нам что делать, пока они не вступили?

– Вся надежда на вас, инспектор. – Начальник полиции положил ему руку на здоровое плечо. – Вы должны вернуться в город, найти, откуда производится вещание, и пресечь его.

– Неужели вы и правда думаете, что этого будет достаточно?

– Нужно дать понять этим безумцам и их приспешникам, что мы еще в силах им противостоять, иначе, когда войска наконец придут к нам на помощь, они найдут только трупы да груды обломков.

Инспектор молча размышлял.

– Хорошо.

– Мы выделим вам отряд из шести человек в целях обеспечения безопасности, – заявил начальник полиции. – В вашем распоряжении будет любое оружие, любые средства обнаружения этого хренова передатчика.

– Нет, спасибо, – сказал Витали. – Я пойду один.

К дому, где располагалась явочная квартира, они подъехали на мотоцикле.

Забрать с собой чемодан было невозможно, его оставили на хранение ночному портье. Они покинули отель «Европа», сделав элементарный и утешительный вывод: вещи, хранящиеся в чемодане, – доказательство того, что все эти девять лет Тоби Фрай был жив. Но вот какая странность: почему одежды так мало? По одному предмету на каждый год. Похоже, вещи собирали специально: это – послание.

Точнее, определенное послание: Тоби жив, ищите его. Но кому оно предназначено? И с какой целью?

Возможно, комиссар Креспи знает ответы. Намереваясь побеседовать с ним, они и приехали на улицу Говерно-Веккьо.

– Иди к своему другу, – велел Маркус. – Вытани из него все, что сможешь, и не давай себя растрогать. У меня такое впечатление, что сектанты не убили Тоби по какой-то причине, но сегодня ночью, возможно, настанет момент.

– Ты не пойдешь? – спросила Сандра.

– У меня срочное дело, – только и сказал он, протягивая Сандре один из спутниковых телефонов. – Первый, у кого появятся новости, выходит на связь.

– Ладно, – согласилась она.

Маркус проверил уровень топлива в «хонде». Оставался еще порядочный запас.

– Что ты должен сделать такого важного? – буркнула Сандра, которая терпеть не могла, когда от нее что-то скрывали.

– Отыскать книгу, – отвечал пенитенциарий.

Потом завел мотор и удалился.

Поднимаясь в квартиру, агент полиции все время задавалась вопросом, что Маркус имел в виду. Какая еще книга? Что у него на уме? Дойдя до площадки, постучала в дверь: Креспи заперся изнутри. Ответа не было. Она постучала еще раз, сильнее. Может, он заснул, но это вряд ли. Сандра извлекла револьвер и выстрелила в замок.

Дверь распахнулась.

Сандра посветила фонариком. На первый взгляд все спокойно. У погасшего камина – пустая скомканная сигаретная пачка.

– Креспи, ты где? – окликнула она, медленно продвигаясь вперед с пистолетом в руке.

Заглянула в кухню, в ванную: комиссара нигде не было. Но одна из комнат оказалась закрыта. На этот раз Сандра даже не стала стучать. Выстрелила прямо в косяк и вышибла дверь ногой.

Серое облако окутало ее. Она закашлялась. Тончайшая пыль попала в глаза, полились слезы, но Сандра все равно разглядела на полу безжизненное тело комиссара. Прикрыв рот рукавом спортивной куртки, она вошла.

Креспи лежал ничком, сжимая в руке свечной огарок. Сандра перевернула его. Жив.

Она подхватила комиссара под мышки и выволокла в коридор. Темная пыль плыла за ними следом, словно любопытный призрак, грозя удушить обоих. Пепел, поняла Сандра. Откуда он взялся? Поднесла руку ко рту и к носу Креспи: дыхание ощущалось слабо. Нужно очистить дыхательные пути. Сандра оставила его и понеслась на кухню за водой. Из кранов вытекала только жидкая грязь, и пока она рылась на полках буфета, пытаясь отыскать воду в бутылке, на память пришел способ, который употребляли древние римляне, чтобы заставить узника сознаться. Его запирали в комнате с полом, посыпанным пеплом, и держали там, пока он не заговорит. Тончайшие частицы пепла моментально вдыхались и тут же оседали в легких, где затвердевали, не давая дышать. На самом деле, даже если узники рассказывали все, что знали, и выходили на свободу, они все равно умирали через несколько дней от эмфиземы.

Пытка – вот что это такое. И в случае Креспи, заядлого курильщика, в некотором роде возмездие.

Но хуже всего другое. Убийца, который уничтожает одного за другим приверженцев Церкви затмения, пробрался сюда и приготовил ловушку для комиссара. Как ему это удалось?

Сандра принесла минеральной воды, плеснула в рот Креспи, но тот все выплюнул. И все-таки открыл глаза и увидел ее. По копоти, которой было покрыто его лицо, прочертила бороздку слеза. Креспи поднял руку и испачканным в пепле пальцем написал что-то на стене.

Шантаж.

Сандра видела: он хочет сказать что-то еще, но не может.

– Мы обнаружили, что Тоби еще жив, – прошептала она, полагая, что Креспи хочет заговорить об этом.

Комиссар кивнул.

– Знаешь, где он сейчас или где его держали все эти годы?

Креспи отрицательно покачал головой.

– Тогда что ты хочешь сказать?

Креспи попытался заговорить, но не смог произнести ни звука. Дыхание стало затрудненным, хриплым. Он снова поднес руку к стене и на этот раз начал что-то рисовать.

Странное солнце, вроде того, какое рисуют дети, только лучи не расходятся в стороны, а направлены внутрь круга.

– Не понимаю! – вскричала в отчаянии агент полиции. – Что это?

Но Креспи отвел от нее взгляд и устремил глаза ввысь. Тяжелое дыхание превратилось в хрип, и вскоре грудь перестала вздыматься. Сандра долго смотрела на него. Потом бережно опустила ему веки.

«Шантаж», кружок с лучами, направленными внутрь, повторила она про себя. Но некогда было раздумывать над смыслом послания. Эта явка уже ненадежное убежище. Нужно отсюда уходить. Немедля.

14

Ангелическая библиотека располагалась в бывшем монастыре августинцев, на площади Святого Августина. С 1600 года монахи занимались тем, что собирали, заносили в каталог и бережно хранили бесценные тома, которых набралось около двухсот тысяч. Маркус припомнил, что эта библиотека первой в Европе была открыта для публичных посещений. То, что он увидел, подъехав к входу во дворец, заставило его замереть на месте.

Ил, принесенный водами Тибра, проник в вестибюль и достиг читального зала – знаменитой Ванвителиевой «Вазы», в чьем названии увековечено имя архитектора Луиджи Ванвители, перестроившего весь комплекс в восемнадцатом веке. Книги, стоявшие на нижних полках, превратились в серую кашу из размокшей бумаги. Сотни текстов неизмеримой исторической и художественной ценности оказались безвозвратно утраченными. Стеллажи рухнули, и тяжелые тома плавали в грязной, застоявшейся воде.

Разрушения избежала только бронированная комната, где содержались самые ценные инкунабулы.

Пенитенциарий помнил наизусть комбинацию кодового замка. Много раз он приходил туда, чтобы почерпнуть знания в книгах о происхождении зла, иные из которых в течение веков находились под запретом. Он уповал на то, что аккумуляторы, поддерживающие систему безопасности, еще не сели и он сможет пройти в хранилище.

Так и вышло. Он оказался в зальчике, где для инкунабул был создан особый микроклимат, не слишком сухой и не слишком влажный. Обычно ученые, испросившие разрешение работать с такими книгами, надевали белые перчатки, чтобы переворачивать тончайшие страницы, богато украшенные миниатюрами, не рискуя нанести им непоправимый вред. Но Маркусу было некогда. Он сразу взялся за поиски книги, которую попросил Корнелиус Ван Бурен во время их последней встречи.

Historia Naturalis Плиния Старшего.

Найдя фолиант, Маркус завернул его в белое льняное полотнище. Давая обещание, он, конечно, не намеревался вручать монстру такое сокровище. Просто приблизил бы книгу к решетке, показал бы ему и отнес на место. Но за последние часы многое изменилось. И если, пожертвовав книгой, он сможет спасти Рим, а главное, жизнь ребенка, придется смириться с этим.

Он пристроил драгоценный сверток на бензобак мотоцикла, под рулем, прямо перед собой. И поехал прочь. Раньше он всегда попадал в Ватикан с помощью Эрриати, сейчас определенно будет сложнее, ведь жандармы и швейцарская гвардия сторожат все входы, не давая посторонним нарушить границы карликового государства.

Но Маркусу был известен один способ.

* * *

Пассетто Ди Борго – коридор в Леонинской стене, соединяющий дворцы Ватикана с замком Святого Ангела. Практически он представлял собой проход, в былые времена позволявший понтифику добираться до крепости в случае опасности. Пенитенциарий прошел по нему в обратном направлении и вскоре оказался в садах. Пересек дикую чащу леса и постучался в двери обители Вдов Христовых.

Сестра открыла ему и, как всегда, молча проводила к тайному постояльцу. Не та, что в прошлый раз, подметил Маркус. Хотя длинное облачение и черный покров на лице были такими же, обута она была иначе, чем сестра, провожавшая его накануне. Та носила высокие шнурованные сапоги, эта – черные шлепанцы.

Когда Маркус подошел со свечой к решетке, Корнелиус лежал в темноте, растянувшись на койке.

– Не беспокойся, я не сплю, – проговорил заключенный. – Чем старше я становлюсь, тем труднее заснуть, и дни тянутся невыносимо долго. Люблю, когда ты приходишь: это развлекает меня.

Маркус просунул руку между прутьями и протянул ему инкунабулу:

– Я сдержал обещание.

Ван Бурен вскочил с постели и потянулся за книгой; изумление сверкнуло в его глазах.

– Просто дух захватывает. – Он развернул белое льняное полотнище и в восторге воззрится на манускрипт. – Какое великолепие, какое чудо! – Потом раскрыл обложку в кожаном переплете ручной работы и стал просматривать редкостные миниатюры, едва касаясь их пальцами.

Маркус тоже бросил взгляд на рисунки и золоченые виньетки, но он пришел сюда по другой причине.

– Твоя радость уже награда для меня, Корнелиус, – проговорил он с иронией. – Но я готов получить то, что ты обещал взамен.

Ван Бурен оторвал взгляд от книги:

– Расскажи, что ты успел разузнать за это время, и я помогу тебе.

Пенитенциарий поведал ему все, что произошло за последние часы. Решил ничего не скрывать, осторожность могла дорого обойтись, если учесть, какая опасность грозила Риму и Тоби Фраю.

– Стало быть, мальчик, похищенный девять лет назад, все еще жив, – подытожил Ван Бурен, будто подобная новость могла тронуть сердце серийного убийцы.

– Боюсь, однако, что жить ему осталось всего несколько часов, – признался Маркус. – Они, скорее всего, собираются убить его этой ночью.

– Что заставляет тебя так думать?

– Сам не знаю, но могу предположить, что Церковь затмения пожелает освятить день хаоса и разгрома закланием невинной жертвы.

Корнелиус взвесил сказанное.

– Сын монахини несет в себе очень мощный символический смысл, – согласился он в конце концов.

– Поэтому я должен остановить Маэстро теней. Но чтобы добраться до него, я должен сначала найти Алхимика.

– Чтобы понять, в чем состоит роль этого персонажа, нужно знать обряды и ритуалы Церкви затмения, разве не так?

– Креспи, комиссар, вовлеченный в секту, говорил о ритуалах посвящения. Он рассказал, что члены секты не могут определить, кто есть кто, потому что все одеты в черные балахоны и носят маски.

Корнелиус положил инкунабулу рядом с собой на койку. Провел рукой по жесткой бороде.

– Маски, Алхимик, – повторил он в раздумье. – Николай и Пенка Шишман, – заключил он.

– Как, Алхимик – это два человека? – удивился пенитенциарий.

– Не торопись, пожалуйста, – остановил его Ван Бурен. – Я все еще думаю вслух, но это единственная история, какая мне приходит на ум...

– Расскажи мне ее.

– Изначально Шишманы – болгарские князья, много веков назад обосновавшиеся в Риме, куда прибыли, спасаясь от преследований, каким подвергали христиан турки-османы. Они составляли часть папского двора и остались верны понтифику даже после тысяча восемьсот семидесятого года, когда тот был лишен светской власти. Однако в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году Павел Шестой упразднил двор и ватиканскую аристократию, сочтя все это бесполезной мишурой, пережитком прошлого. Князья Шишманы, поплатившиеся изгнанием за верность Римской церкви, почувствовали себя оскорбленными и униженными. Вместе с другими благородными семьями они вошли в состав так называемой черной знати. Эти немногочисленные отпрыски голубых кровей поставили себе целью восстановить вековые традиции и заодно собственные привилегии.

– Как это связано с теми Шишманами, которых ты упомянул?

– Николай женился на Пенке против воли семьи. Ей, простой учительнице, перешло древнее имя Шишманов... Пенка была женщиной, полной жизни, по всему Риму славилась маскарады, которые она устраивала в старинном дворце в центре города. Зато Николай был человеком немногословным, всецело преданным науке. К негодованию всей своей родни, он получил диплом по химии.

Маркусу вдруг все стало ясно.

– Маски – Пенка, Алхимик – диплом по химии.

– Эта история имеет продолжение, которое ты тоже должен знать: события, произошедшие где-то в семидесятые годы. – Ван Бурен уставился в пол своей кельи. – Будучи еще совсем молодой, Пенка Шишман тяжело заболела. В надежде излечить супругу муж показывал ее величайшим светилам. Когда врачи отступились, Николай вбил себе в голову, что сам справится с недугом жены. Объездил весь мир в поисках чудесного снадобья, пробовал на бедняжке целый ряд субстанций, некоторые – собственного изобретения. Он не желал признавать очевидности, которая сводила его с ума. Но вот в один сентябрьский день Пенка умерла, и родные сказали Николаю, что Бог всего-навсего восстановил должный порядок вещей.

– И что случилось тогда?

– Случилось то, что Николай отрекся от веры. Он продолжал устраивать у себя в доме маскарады, но уже с другой целью: теперь гости его должны были совершать магические обряды, участвовать в спиритических сеансах. Его преследовала навязчивая идея: установить связь с покойной женой, которую он так любил.

– Но какое отношение имеет эта история к Церкви затмения? – удивился Маркус.

Корнелиус посмотрел на него и спросил намеренно вызывающим тоном:

– Что готов ты сделать ради любви?

Пенитенциарий, застигнутый таким вопросом врасплох, ничего не ответил.

– Готов ли ты продать душу Владыке теней? – Корнелиус расхохотался. – Жалок священник, попавший в тенета искушения.

Маркусу хотелось войти в келью и как следует отлупить его.

– Не сердись, я просто пошутил, – сказал старик уже серьезным тоном. – Ты недавно сказал одну вещь, но сам не осознал значения своих слов... Говоря о встречах приверженцев Церкви затмения, как их описывал комиссар Креспи, ты мне поведал, что участники ритуала были в масках и черных балахонах. Верно?

– Верно.

– Теперь подумай: есть ведь способ узнать человека, укрытого с головы до ног.

Маркус пришел в смятение. Перед его внутренним взором предстали Христовы вдовы, которые раз за разом провожали его к заключенному. Он научился различать их по обуви.

Поэтому опустил глаза, глядя на собственные туфли.

Корнелиус порадовался за ученика, который так быстро додумался.

– Никто не рискует быть опознанным, если все носят одинаковую обувь.

Белые парусиновые туфли, сказал себе пенитенциарий. Вот почему Креспи так разволновался, заметив их. У епископа Горды была такая же пара. Этому может быть только одно объяснение.

– Расследование, о котором я ничего не помню... Я был очень близок к истине. – Еще одна деталь, вырванная из темноты беспамятства. – Вот почему эти проклятые туфли лежали рядом с моей одеждой, когда я очнулся в Туллиануме.

Что же произошло до этого? Может, он уже раскрыл дело, но все позабыл? – подумал Маркус.

– Научись таить свой гнев, – посоветовал Ван Бурен, видя его в таком состоянии.

Но Маркус не желал больше слушать нравоучения старого священника.

– Если Николай Шишман – Алхимик, где я могу его найти?

Ван Бурен погладил инкунабулу Historia Naturalis.

– Там, где он затворился с того самого дня, как умерла его жена.

15

Сандра блуждала без цели по улице Витторио Эммануэле II. Вокруг – разгром и опустошение. Вонь, поднимавшаяся от принесенной Тибром грязи, вызвала тошноту.

Она не осмеливалась включить фонарик, чтобы тот, кто убил Креспи, не обнаружил ее. Сандру не столько страшила смерть, сколько долгая невыносимая пытка. Она попробовала позвонить Маркусу по спутниковому телефону. Надо было сообщить, что случилось с комиссаром, сказать, что ей пришлось спасаться бегством из явочной квартиры. Но проклятый аппарат никак не мог установить связь. Куда ты подевался? В какую забрался дыру, если даже по спутниковой связи до тебя не добраться? Сандра боялась, что аккумулятор в телефоне, и так уже подсевший, совсем подведет ее.

Потом попробую снова, сказала она себе.

С улицы нужно было уходить. Сандра укрылась в церкви Санта-Мария ин Валичелла, которую чаще называют Новая церковь. В храме молитвы было пусто. Через центральный придел агент полиции дошла до алтаря. Зажгла свечу из тех, что лежали у кафедры и предназначались для прихожан, и с нею в руке стала переходить из капеллы в капеллу. Невероятно, сколько сокровищ таится в любом уголке Рима. Где-то во тьме, окружавшей Сандру, находились картины Рубенса, а потолок украшали фрески Пьетро да Кортоны. Сандра подошла к стенду с информацией для туристов. Оказалось, что это место вовсе не было таким уж благостным, нечто тревожное таилось под спудом. Церковь выстроили на краю бывшего Марсова поля. Как раз над полостью, из которой в далеком прошлом просачивались серные пары, определенно появлявшиеся в результате слабой вулканической деятельности. Поэтому древние римляне считали, что здесь расположен один из входов в преисподнюю. Дочитав до этого места, агент полиции содрогнулась. Стала прохаживаться взад и вперед между статуями святых, провожавших ее взглядами, полными доброты и участия, и постаралась сосредоточиться на том, что открыл ей Креспи перед смертью.

Шантаж.

Они с Маркусом задались вопросом, почему в чемодане из отеля «Европа» лежали только десять одежек Тоби Фрая, по одной на каждый год его жизни начиная со дня похищения и до двенадцатилетнего возраста. И пришли к выводу, что чемодан представляет собой послание. Церковь затмения хотела дать знать кому-то, что мальчик еще жив.

Кому?

Разумеется, не его матери. Матильда Фрай бедна. У нее диплом по классической филологии, но она работает уборщицей, этим живет. К тому же она – отверженная. Девять лет ей приходилось выносить груз ужасной клеветы, женщину обвиняли в том, что она замешана в исчезновении сына. Монахиня, нарушившая обет, вдобавок мать-одиночка. Во время их встречи она намекала на насилие.

«Помню, как пришла на вечеринку, потом была не в себе. Через месяц обнаружила, что беременна. Представляете, какой я испытала шок? Мне едва исполнилось двадцать два года, я ничего не знала о жизни, даже о том, откуда дети берутся. До тех пор я жила вдали от мира».

Возможно, ее по-настоящему изнасиловали и Матильда говорила об этом уклончиво потому, что, хотя она и оказалась потерпевшей, ей было стыдно. Ведь она получила строгое католическое воспитание, а потом ей еще и в монастыре промыли мозги, в чем Сандра была совершенно уверена.

Стало быть, шантажировать Матильду нет никакого смысла.

Не имея данных, чтобы решить первую загадку, агент полиции сосредоточилась на второй. Креспи нарисовал странное солнце, с лучами, направленными внутрь круга. Вот идиотка! Какое солнце, в этом нет смысла, ведь культ секты построен вокруг затмения луны.

– Луна с лучами, направленными внутрь, – произнесла Сандра вполголоса.

Образ показался знакомым. Где она видела нечто подобное? Решение было где-то рядом, рукой подать. Сандра знала это. Она закрыла глаза, надеясь, что образ возникнет сам собой перед внутренним взором.

Колесо обозрения.

В памяти возникло четкое изображение: луна-парк. Своим рисунком Креспи хотел обозначить место, а именно парк аттракционов. Что там должно произойти? Нужно обязательно идти туда.

Ошибки быть не могло. Римский луна-парк находится в квартале Всемирной выставки (ЭУР).

* * *

Сандра вышла на улицу и огляделась. Нужно найти способ выбраться на юг города. Прошагать десять километров пешком? В обычных условиях это заняло бы час сорок пять минут. Может быть, вполовину меньше, если бежать бегом. Но в темноте, да еще учитывая опасности, которые могут подстеречь по дороге, лучше соблюдать осторожность.

Не меньше трех часов, прикинула Сандра. Слишком долго.

Она взяла спутниковый телефон и попробовала снова связаться с Маркусом. Если бы удалось до него дозвониться, они бы вместе поехали на мотоцикле. Но нет, пенитенциарий оставался недоступен.

Странный шум, как будто гигантская стая птиц захлопала крыльями, заставил ее поднять голову к небу. Звук приближался, усиливался. Вскоре над Сандрой пролетели вертолеты. Буря прекратилась, и они смогли взлететь. Мощные галогенные прожекторы скользили по районам, подвергшимся разрушению.

Почему они не садятся, чтобы оказать помощь? Какая нелепость.

Вертолеты, однако, указали ей путь. Сандра прошла по набережной, утопавшей в грязи. Но вот под ногами снова надежная мостовая. Сандра заметила посреди улицы малолитражку с распахнутыми дверцами. Представила себе, как люди, ехавшие в ней, выбегают в страхе перед бурлящим потоком. Села за руль. К счастью, хозяева впопыхах оставили ключ в замке зажигания. Хорошо бы они спаслись, подумала Сандра и завела мотор.

Ехать пришлось с потушенными фарами, иначе нельзя.

Она проехала мост Кавура, обогнула замок Святого Ангела. Миновав улицу делла Кончилиационе, успела заметить силуэт базилики Святого Петра на фоне ночного неба. Чуть позже свернула направо и оказалась перед въездом в туннель Принца Амедея. Резко затормозила. Вцепившись в руль, не выключая мотора, долго вглядывалась в огромную черную пасть, разверзшуюся перед ней.

Там, в глубине, могло скрываться все, что угодно.

Сандра пристроила револьвер на коленях, включила фары, до отказа нажала на акселератор, и малолитражка на предельной скорости помчалась к въезду в туннель. Внутри скопились другие брошенные машины. Их расставили так, заметила Сандра, чтобы замедлить движение. Ловушка, подумала она. Но повернуть назад невозможно. Она вглядывалась в то, что творилось вокруг, стараясь ничего не упустить из виду. То и дело вздрагивала: ей казалось, будто она что-то заметила. Была уверена, что вот-вот попадет в засаду. Но враги не существовали в действительности, были сотканы из тени, жили только в воображении. Вот идиотка, подумала Сандра, завидев конец туннеля. Вскоре она снова выехала на автостраду.

Потушив фары, долго ехала по улице ди Порто Каваледжери. Потом по улице Григория Седьмого и улице Ньютона, не встречая никаких препятствий. Сколько раз в обычные выходные она стояла здесь, на этих улицах, в нескончаемых пробках? Все римляне с ними свыклись. Сандра то и дело сравнивала это с движением в Милане, не таким хаотическим, более терпимым. Но теперь, двигаясь мимо жилых кварталов, погруженных во тьму, она тосковала по плотной массе автомобилей и гудкам клаксонов. Да и вернется ли когда-нибудь былая жизнь, станет ли все как прежде?

По мосту делла Мальяна она выехала на улицу Христофора Колумба – нескончаемую, абсолютно пустынную полосу асфальта. Остановила малолитражку в сотне метров от улицы Трех Фонтанов. Развернулась и припарковалась посреди улицы, чтобы в случае чего было легче оторваться от погони. Оттуда пошла пешком.

* * *

Еще несколько десятков метров – и вот оно, перед глазами. Колесо обозрения, символ луна-парка, померкшее око – точь-в-точь как потухшие взгляды ее противников.

Сандра вскарабкалась на стену, окружавшую парк, и спрыгнула с другой стороны. Попала обеими ногами в клумбу. Вокруг – полное запустение. Она пошла вперед, не зная точно, что искать. Кресси не успел объяснить, в чем дело, но Сандра была уверена, что догадается сама.

Пройдя под аркой с огромным улыбающимся слоном, мимо киоска с попкорном, она очутилась на главной аллее. Блэкаут унес с собой детский смех и веселое перемигивание разноцветных лампочек. Тир, магазинчик, где делают сладкую вату, сувенирный ларек – все закрыто. Гусеница американских горок, карусель с лошадами, огромный вращающийся лиловый спрут – все замерло. Но эта неподвижность – кажущаяся. У Сандры родилось ощущение, что с минуты на минуту аттракционы оживут. Но без музыки, без подсветки: механические чудища, сотканные из мрака.

Сандра дошла до дома с привидениями, который на этом кладбище аттракционов казался наименее зловещим из всех. Какой-то шорох – шаги? – насторожил ее. Она присела на корточки за огромной совой, стоявшей на страже у входа. Вовремя: на аллее, по которой Сандра только что шла, показались двое. Сандра даже не осмелилась достать револьвер, просто сидела, по возможности не шевелясь, даже затаив дыхание. Люди прошли рядом, на расстоянии меньше метра, не заметив ее. Лишь через несколько секунд Сандра собралась с духом и выглянула из-за огромной ночной птицы. И тут ее глазам предстала сцена, которая разворачивалась как раз у подножия громадного колеса обозрения.

Длинная вереница дремлющих – такое прозвание Сандра дала им сейчас. Десятки и десятки.

Казалось, они ждут своей очереди, чтобы взмыть на колесе в ночное небо. Но никто не разговаривал, и на лицах не было веселья. Все покорно дожидались, когда придет их черед. Впереди стояли трое, может, четверо мужчин, и с ними пара-тройка женщин, и все они держали в руках чаши. Дремлющие подходили и открывали рот. Ждали, пока им положат что-то под язык. Потом выходили из очереди и удалялись.

Сандра тут же подумала о христианском обряде причастия. Черная облатка, сказала она про себя.

«Зато Владыка теней вернул нам знание», – уверял Креспи. – Кто принимает его причастие, получает взамен дар всеведения».

Сандру не убедили слова старого комиссара. Но перед этой сюрреалистической сценой она вынуждена была признать, что, возможно, он говорил правду.

Зачем Креспи направил меня сюда? Не было никакой особой причины, она даже не знала, что именно наблюдает. Был бы здесь Маркус, они бы вместе осмыслили происходящее.

Теперь же Сандре следовало уходить отсюда. Она увидела достаточно, задерживаться было опасно. Нужно вернуться к машине той же дорогой. Сандра набрала скорость, но у лабиринта зеркал заметила отражения нескольких дремлющих, которые шли навстречу. Пока ее не заметили, Сандра свернула с аллеи и взобралась на пригорок. Оттуда ей был хорошо виден восточный вход в парк. Дремлющие приходили оттуда.

Пешком, группами или порознь: колесо обозрения, словно черный маяк, показывало им путь.

Сандра повернулась, чтобы двигаться дальше, но перед ней вырос один из них.

От силы двадцать пять лет, одет в лиловый анорак, под которым одна только серая заношенная майка; темные брюки, на ногах армейские ботинки. Длинные волосы, жирные, слипшиеся. Похоже, увидев Сандру, парень удивился не меньше ее. После долгого молчания он схватился за ширинку.

– Потрахаемся? – спросил он чуть ли не вежливо.

Его глаза еще не были пустыми, но скоро станут, подумала Сандра, уже подметившая начало преображения. Можно было притвориться, будто они заодно, но парень наверняка ощутит ее страх – Сандра была уверена, что он на это способен. Она вынула револьвер из-под спортивной куртки и прицелилась.

Парень ухмыльнулся:

– Выстрелишь – тебя услышат. – Он мотнул головой в сторону колеса обозрения. – Потрахаемся? – повторил он и сделал шаг по направлению к Сандре.

Та отпихнула его, повалила на землю. Потом повернулась, уже не обращая на него внимания. Не важно, удалось ли его остановить, главное – бежать, бежать изо всех сил.

Она запыхалась, сердце стучало в груди. Гипервентиляция, от паники. Избыток кислорода может создать проблему, легким придется выполнять дополнительную работу, и сердцебиение усилится. Навалится усталость. Нет, мне не добежать до машины, расстроилась Сандра. Но изменить ничего не могла, утратив контроль над своим телом. Ее телом завладел страх.

Она услышала у себя за спиной шаги, все приближающийся топот. Обернулась на мгновение, но успела разглядеть парня в лиловом анораке, который гнался за ней. Длинные волосы развевались, как грива, вокруг потемневшего лица.

Быстро бежит, подумала Сандра. Он не боится.

Перед ней выросла стена, через которую она перелезла, чтобы попасть в парк. Стена означала, что цель близка, но также служила препятствием. Она начнет карабкаться на стену, а преследователь схватит ее за ноги и стащит вниз.

Можно обернуться и выстрелить. Потом будет время добежать до машины, пока другие поймут, что случилось. Хорошая мысль. Сандра схватила револьвер обеими руками, развернулась, прицелилась и выстрелила.

Но парень, который гнался за ней, пропал.

Выстрел прогремел в тишине парка. Дерьмо, выругалась Сандра про себя. И пустилась бежать. Он что, спрятался? Хочет застать ее врасплох? А главное, сколько времени пройдет, прежде чем явятся остальные?

У подножия стены Сандра огляделась. Пришлось снова спрятать револьвер под куртку. Она стала взбираться по кирпичной стене с лихорадочной быстротой. Но ничья рука не протянулась из темноты, чтобы схватить ее за щиколотку, никто не потащил ее вниз. Ей удалось залезть наверх и спрыгнуть на другую сторону. Улица была пустынная, и в нескольких десятках метров Сандру ждала малолитражка, на которой она уберется отсюда подальше. Последнее усилие, подбодрила она себя и снова пустилась бежать.

Сперва она почувствовала легкое дуновение – будто пролетела птица. Потом – удар в правый висок. Боли не было, только звон в ушах. Не успев вытянуть руки, чтобы смягчить падение, она ощутила щебенку под щекой – больно бьется дорожное покрытие. Она не могла пошевелиться – так сильно кружилась голова. Камень, которым в нее бросили, величиной с кулак, валялся рядом. Револьвера не было – черт знает, куда он завалился. Сандра медленно перевернулась на спину и увидела его.

Парень в лиловом анораке стоял на стене, в знак победы воздевая руку.

– Есть! – торжествующе завопил он, вне себя от счастья.

Сандра попробовала подняться, но рухнула обратно на щебень, разбивая локти. В глубине улицы показалась группа людей. Еще миг – и они начали медленно двигаться по направлению к ней, снедаемые любопытством.

Сандра попыталась отползти назад. Нужно было сразу стрелять, укоряла она себя. Зачем я медлила на том треклятом пригорке? Малолитражка стояла в нескольких метрах, но как до нее добраться? Сандра впала в отчаяние. Вот черт, машина так близко. Говнюк на стене все вопил, толпа надвигалась. Сандра Вега поняла, что час ее близок. Отползла еще дальше, и рука коснулась револьвера. Сандра вцепилась в рукоятку, револьвер был тяжелый, но ей все-таки удалось его поднять. Сандра выстрелила в говнюка, даже не надеясь попасть. И попала. Парень завалился назад и пропал, словно мишень

в тире. И правда, мы же в луна-парке, подумала Сандра. Она бы посмеялась над шуткой, но не была уверена, что вышло забавно. Выстрел ничуть не смутил дремлющих.

Они не боятся смерти, поняла Сандра.

И стала палить по ним наугад. Никого не задело. На какое-то время они разбежались. Но когда поняли, что у нее кончились патроны, снова сбились в толпу.

Хорошо бы Маркус спас ее, как это не раз бывало. Он все время оберегал ее, не показываясь на глаза. Хотя и не видя его рядом, Сандра все эти годы чувствовала себя в безопасности.

Где же ты сейчас?

Сандра поняла, что на этот раз она сама должна позаботиться о себе. Не только ради него. Ради них двоих.

Она перестала отползать назад как идиотка и, опираясь на руки, поднялась на колени. Сделала вдох, выдох. Толпа тоже остановилась. Ясно, что это означает: они приготовились напасть на чужую. В самом деле – двинулись с места все одновременно. Сандра встала, пошатнулась, но сохранила равновесие. Повернулась к машине, снова бросилась бежать. Порылась в кармане, ища ключи, – какого черта она вообще заперла машину? Нашла, нажала на кнопку пульта дистанционного управления: фары замигали, зуммер весело приветствовал ее. В нее дождем посыпались разные предметы. Если бы хоть один попал, наступил бы конец. Но было некогда уворачиваться.

Она бежала. Бежала, и все.

Добежав до машины, распахнула дверцу, бросилась в кабину. Захлопнув дверцу, завела мотор. Слышала, как они догоняют, хватаются за багажник, стучат по стеклам, по крыше. Окружают машину. Видела их лица, сплюснутые, прижатые к окошкам, – пустые глаза, устремленные на нее. Сандра включила зажигание, нажала на педаль акселератора. Машина рванулась, потные руки заскользили по корпусу с душераздирающим скрипом. Еще удары, еще камни. Потом – только рокот мотора. Сандра даже не взглянула в зеркало заднего вида.

Черт тебя поberi, Креспи, подумала она. Ведь поездка оказалась совершенно бесполезной.

Жилище Шишманов располагалось на улице делла Гатта, Кошачьей улице.

В двух шагах отсюда – Корсо и галерея Дориа-Памфили. На весьма ограниченном пространстве исторического центра находятся самые прекрасные и таинственные дворцы римской знати.

Улица получила название в честь мраморной кошки, найденной среди руин древнего храма, посвященного Исиде, и затем установленной на карнизе здания шестнадцатого века. С ней связаны две легенды. Согласно первой, кошка смотрит туда, где спрятано сокровище, которое, впрочем, никто так и не нашел. Вторая повествует о том, как некий мальчик повис на карнизе и начал сползать вниз. Кошка замыкала, будто подзывая мать к окну, та подошла и не дала ребенку упасть.

Маркус тут же вспомнил Тоби Фрая: кто спасет его от бездны, от гибели, уготованной ему Церковью затмения?

Он проник во дворец, взломав решетку бывшего угольного погреба, и очутился в помещениях, где раньше находились кухни. Поднялся по винтовой лестнице. На втором этаже располагались только комнаты прислуги, поэтому он добрался до третьего, так называемого парадного этажа. Вошел через дверь, скрытую в стене, расписанной фресками: таким путем в парадные залы обычно попадали слуги.

В доме – ни огонька, ни звука.

Маркус был уверен, что Николай Шишман – Алхимик – прячется где-то здесь. Его присутствие ощущалось как некое дурное предзнаменование. Поэтому, прежде чем начать поиски, пенитенциарий преклонил колени и закрыл глаза. Осенив себя крестным знаменем, стал вполголоса молиться: «Господи, даруй мне силу различить знаки зла, дабы изгнать его из этого мира. Сделай так, чтобы зрение мое не затмилось, слух обострился и в деяниях не было пагубы. Прежде всего сделай так, чтобы чист был мой разум, устремленный к поискам истины. Даруй мне силу видеть, чтобы смиренный раб Твой мог исполнить свой долг во имя Твое. И убереги меня от тьмы греховной, грозящей... Аминь».

Потом Маркус открыл глаза.

Сначала, как всегда, возникло ощущение, будто мир вокруг изменился. Пустое пространство приобрело другую консистенцию, уплотнилось. Он как будто двигался в жидкой среде. Время стало растягиваться, замедляя ход. Он достиг нового измерения, более глубокого.

В задачу пенитенциария входило исследовать бездну.

Он сразу почувствовал запах ладана и потушенных свечей. И пошел по дворцу на этот запах. Залы следовали один за другим, казалось, эти анфилады никогда не кончатся. Старинная мебель, китайский шелк, бархат, люстры и картины в пышных барочных рамах. От Маркуса не укрылась неустанная работа жуков-точильщиков, пожиравших изнутри дерево и драгоценные ковры. Несмотря на внешнюю роскошь, все это грозило рухнуть с минуты на минуту, словно декорации гротескной мизансцены.

Маркус вошел в просторную спальню с кроватью под балдахином. В углу комнаты была оборудована химическая лаборатория, скрытая сейчас за непрозрачным занавесом из полиэтилена. Пенитенциарий отдернул его. Узнал мешалку, хроматограф, дистиллятор. Точные весы, колба Вигре. Воронки, пипетки, покровные стекла, микроскоп. Все необходимое, чтобы сотворить панацею, подумал Маркус, вспомнив отчаянные попытки Николая излечить жену Пенку от тяжелой болезни.

На полке стоял прозрачный пузырек из розового стекла. На первый взгляд духи, но на этикетке надпись: «Гидрохлорид фенетиллина». Заметив дверцу в противоположной стене, Маркус поставил пузырек на место.

Пенитенциарий пересек спальню, осторожно надавил на створку. Крохотная комнатуха. Узкая кровать, белый лакированный шкаф. На стенах – серо-голубые обои. У окна – скамеечка, на ней книги и счеты. Лошадка-качалка, игрушечный поезд с деревянными вагонами на колесиках. На одной полке выстроились оловянные солдатики, на другой – машинки. Плюшевый медвежонок, клоун, который, если его как следует завести, бил в барабан.

Маркусу пришла на память коллекция Кукольника. Но теми игрушками забавлялся уже старый ребенок. Корнелиус не упоминал о каких-то детях Шишмана, но все эти вещи, возможно, принадлежали Николаю, когда он был маленьким. Когда пенитенциарий повернулся, чтобы уйти, взгляд его упал на дверной косяк.

Вот и аномалия.

Там виднелись отметки. Рядом с каждой – дата, рост. Совершенно такие же, как на кухне Матильды Фрай, где последняя была сделана 22 мая девять лет назад – полные печали следы обычая, прервавшегося вместе с исчезновением ребенка. Но те, на которые сейчас смотрел Маркус, начинались с 23 мая, а последняя была сделана несколько дней назад.

Он здесь, Тоби. Это его комната.

Маркус представил себе мальчонку, навсегда заточенного в прошлом. Принужденного жить в неволе, в огромном доме, рядом с человеком, обезумевшим от горя. Грустного ребенка, который сквозь высокие окна смотрел, как во внешнем мире все идет своим чередом, согласно течению времени, но которого никто не мог увидеть извне.

Думая о нем, Маркус испытывал безмерную печаль.

Продолжая осмотр, он направился на четвертый этаж.

* * *

На этот раз он поднимался по главной лестнице. Оттуда сразу вошел в вестибюль с темно-серыми стенами, где был устроен гардероб. В стенном

шкафу рядами висели черные балахоны. В глубине шкафа – большая обувница, правда пустая.

Пенитенциарий мысленно фиксировал все, что видел, каждую деталь. Поэтому, переступив порог следующей комнаты, застыл как вкопанный. Ничто не могло подготовить Маркуса к картине, явившейся его взору. Сцена почти нереальная, кошмар наяву.

Из темноты выступали фигуры, ожидавшие его.

Они выстроились в несколько рядов, полукругом. Над их головами поднимались странные формы – то причудливые геометрические фигуры, то нечто похожее на рога или султан из перьев.

Фигуры стояли неподвижно, не сводя с Маркуса глаз.

Весь оледенев, он все-таки подошел ближе. То были поясные фигуры, не существа из плоти и крови. Нанизанные на стержень, крепящийся к пьедесталу.

Манекены.

На головах – ренессансные маски невероятной работы.

Пенитенциарий вгляделся в этот маскарад, переходя от фигуры к фигуре. Маски из папье-маше, из глины, из дерева. С кружевными вставками. Украшенные павлиньими перьями или перьями экзотических птиц. Длинные кривые носы или чеканные черты лица. Глаза большие или по-кошачьи изогнутые, без зрачков. Иные маски заканчивались огромным соцветием, иные – роскошной шляпой.

Оставив позади комнату масок, пенитенциарий вошел наконец в просторный праздничный зал. Совершенно пустой, с тремя хрустальными люстрами над танцевальной площадкой.

С одной из люстр свисало тело.

Подойдя ближе, Маркус увидел мужчину лет семидесяти, подвешенного за ногу головой вниз. Веревка, привязанная к правой щиколотке, медленно раскручивалась, и тело вращалось – совершало оборот в одну, затем в другую сторону. Внизу валялись белые парусиновые туфли, хотя мертвец был обут в черные ботинки.

Маркус узнал свои собственные.

Пенитенциарий оценил иронию убийцы. Значит, вот куда они подевались. Вот почему этим утром, на рассвете, он нашел в Туллиануме парусиновые туфли рядом со своей одеждой.

И все-таки нужно признаться, что пытка, выпавшая на долю Николая – Алхимика, оказалась хуже, чем та, что предназначалась для самого Маркуса: быть запертым в цистерне из туфа раздетым донага, со скованными руками, и дожидаться голодной смерти. Он сейчас взирал на казнь самую простую, но и самую ужасную, какую только можно себе вообразить. Кровь, которая

благодаря хитроумному биологическому механизму поднимается вверх, вопреки силе земного притяжения, через два часа в таком положении приливает к мозгу, вызывая вначале странную эйфорию, а затем болезненные спазмы по всей голове, судороги и мелькание в глазах слепящих огней. Часа через четыре или шесть, в зависимости от того, насколько вынослив приговоренный, мышцы ноги начинают рваться, а кости – смещаться, не выдерживая так долго тяжести тела, подвешенного в неестественной позе. Такие страдания невыразимы. Но третья фаза, самая ужасная, начинается часов через двенадцать, когда внутренние органы срываются с предназначенных природой мест и скапливаются в грудной клетке, на уровне плеч. Толкаются, бьются друг о друга, отчаянно пытаются проложить себе путь, словно люди, столпившиеся в узком проулке и ищущие выхода. Но смерть наступает только тогда, когда, изнуренное напрасными усилиями, разрывается сердце.

Маркус готов был выть от бешенства. Он нашел место, где держали Тоби, нашел Алхимика – но мальчика уже нет.

Убийца ли забрал его, или он в руках Маэстро теней, возглавляющего Церковь затмения? Маловато данных, чтобы разрешить загадку. А если это один и тот же человек?

Нет, вряд ли. Было что-то еще, чего Маркус никак не мог понять.

Поскольку причин оставаться в темноте больше не было, он включил фонарь и направил луч на Николая Шишмана: хотел, по крайней мере, увидеть его лицо. Повешенный уставился на него выпученными глазами, высунув язык из разинутого рта, словно дразнясь. На стене позади труп Маркус заметил фотографии в рамочках. Подошел и стал разглядывать их, светя фонарем.

Черно-белые снимки прошлых карнавалов. Гости в смокингах и вечерних платьях скрывали лица за ренессансными масками, создавая приятное взору смешение эпох и стилей. Танцевали в ярко освещенном бальном зале. Маркусу казалось, что он слышит отголоски нежного ритмичного джаза. Одни курили за столиками, другие пили шампанское, которое подносили официанты в ливреях. Веселье, царившее на этих сборищах, бросалось в глаза. Пенитенциарий сразу подумал о праздниках Пенки Шишман, именно ее присутствие оживляло вечера.

Но с какого-то момента атмосфера на снимках коренным образом изменилась.

Веселье исчезло. Вместо смокингов и вечерних платьев – длинные черные балахоны. Вместо начищенных ботинок и лодочек на шпильке – белые парусиновые туфли. Взгляды в прорезях масок – пустые, без всякого выражения. Сразу было понятно, что Пенка умерла. Праздники приобрели другие очертания. Карнавал превратился в темные ритуалы Церкви затмения.

«Теперь гости его должны были совершать магические обряды, участвовать в спиритических сеансах» – так сказал Корнелиус о том, как изменился Николай после смерти жены.

На глазах пенитенциария совершалась метаморфоза. Безобидные сборища веселых сотрапезников вылились в извращенный языческий культ. Появились

сцены оргий, уснащенные таинственными символами. В некоторых присутствовали животные: ягненок, черный пес, ворон, кот.

Просматривая висящие на стене фотографии, Маркус остановился перед довольно старым снимком. В окружении масок – нагая девушка. Юное, гибкое тело. Лицо без покрыва, на виду.

«Помню, как пришла на вечеринку, потом была не в себе. Через месяц обнаружила, что беременна».

Слова Матильды Фрай все еще раздавались в ушах пенитенциария. Но по выражению лица девушки на снимке нельзя было сказать, будто она не в себе. Наоборот: все действие вершилось вокруг нее. Она выставляла себя напоказ, откровенно подмигивала в объектив.

– Боже, спаси и сохрани, – произнес Маркус в тишине бального зала, заметив на ее животе татуировку в виде голубого кружка.

Сестра, покинувшая монастырь, была одной из них.

17

Коллегия прелатов, выносившая приговор грешным душам, носила также название Служба Сумерек.

В середине зала, где собирался высокий суд, стоял большой позолоченный подсвечник. На его двенадцати ответвлениях горело двенадцать свечей.

Двенадцать исповедален располагались вокруг него. Эти места должны были занять присяжные.

Обычно, чтобы гарантировать максимальную беспристрастность суда, члены коллегии, которые должны были высказаться по поводу *culpa gravis*, выбирались по жребию среди высоких прелатов и простых священников Рима. В эту ночь собрать их всех оказалось нелегкой задачей. Но в конце концов секретари справились со своей работой, и теперь все было готово для начала процесса.

Кардинал Эрриага в ризнице заканчивал переодеваться. Он уже надел облачение, оставался только пурпурный плащ. Сам того не замечая, кардинал продолжал медлить. После того как он прочитал исповедь в записной книжке, Эрриага был охвачен сомнениями, попросту не знал, что делать. Как поступить по справедливости? В этом суде Адвокат дьявола – обвинитель. Поэтому Эрриага должен настаивать, чтобы кающемуся не было даровано прощение. Но на этот раз речь шла не о спасении души. Дело было гораздо серьезнее. Потрясались самые основы Церкви.

Знаки были явлены. Пророчество Льва Десятого сбылось через пятьсот лет после таинственной смерти папы.

Эта мысль ужаснула его, но поздно: откладывать дальше нельзя. Эрриага накинул плащ.

– Судилищу душ нынче ночью приходит конец, – сказал он вполголоса. Потом набросил на голову капюшон и направился к залу.

Одиннадцать присяжных вошли друг за другом, в черных плащах и с покрытой головой. Проходя мимо подсвечника, каждый двумя пальцами гасил свечу. Потом занимал место в исповедальне, для него предназначенной. Как и было задумано, под конец осталась одна горящая свеча и одна пустая исповедальня. Согласно символике обряда, где число двенадцать означало двенадцать апостолов, непогашенная свеча и лишняя исповедальня намекали на Иуду – предателя, не допущенного на совет.

Адвокат дьявола запасся большой свечой, которая представляла собой свет Христа, и вступил в зал, шествуя под высокой мраморной колоннадой. Поставил свечу посередине позолоченного канделябра, потом повернулся к исповедальням. Лиц, скрытых в тени, он не мог видеть, но отдавал себе отчет, что все присяжные с него не сводят глаз.

– Братья! – начал он. – В этот час Рим и само христианство переживают тяжелые времена, находятся под угрозой. За пределами этого зала, за стенами этого дворца погублены десятки, может быть, сотни жизней и столько же душ бьются еще за то, чтобы выжить. Сегодня ночью мы берем на себя огромную ответственность: нам предстоит решить судьбу одной-единственной души, приговорить ее к спасению или гибели. – Великолепный оратор, он подкрепил свои слова жестом, подняв к небу указательный палец. – Но от нашего решения зависит также благоденствие многих других.

Он подождал, пока эхо его слов распространится в безмолвии зала, точно круги от брошенных камней по воде пруда. Потом достал записную книжку и принялся читать:

– «Сейчас в Риме двадцать три часа, двадцать второе февраля. Два часа назад был объявлен блэкаут, который начнется завтра, в семь часов сорок одну минуту, но у меня есть веская причина полагать, что я уже не увижу восхода солнца... Я – пенитенциарий на службе Судилища душ, охотник во мраке. Много лет я служил святому суду, надзирая за злом и грехом, которые тайно наводняют мир. Сейчас я готов завершить мое последнее расследование. Но на этот раз, для того чтобы довести до конца порученное мне дело, я превысил свои полномочия и нарушил обет. Поэтому перед смертью прошу отпустить мне грехи, в которых исповедуюсь на этих страницах. К сожалению, я не в силах предотвратить то, что произойдет завтра, когда тьма опустится на Рим». – Эрриага сделал паузу. – «Единственное, что может смягчить мою вину, – это то, что я спас жизнь ребенка...»

– Матильда Фрай обманула нас.

Сандра говорила с Маркусом по спутниковому телефону, все еще сидя за рулем малолитражки. На линии были помехи.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду? – вынуждена была она переспросить, поскольку не расслышала начала фразы.

– Это она. Она убила их всех... Епископа, Кукольника и теперь вот Алхимика. – Пенитенциарий ходил взад и вперед по бальному залу дворца Шишманов, стараясь привести свои мысли в порядок. – Она столкнула меня в Туллианум, потому что я все понял. Хотя мне и удалось оттуда выбраться, моя амнезия сыграла ей на руку. – И он поведал Сандре о фотографии, о татуировке на животе.

Сандру это потрясло.

– Ты хочешь сказать, что она сыграла какую-то роль в исчезновении сына, что его похитили с ее согласия? – По зрелом размышлении Сандра решила, что это не лишено смысла. – Креспи убит: его подвергли пытке пеплом, – сообщила она. – Мне было непонятно, как убийца обнаружил явочную квартиру. Теперь это очевидно: мы сами привели Матильду, она, должно быть, проследила за нами после нашего к ней визита.

– И еще одно... – добавил Маркус. – Я нашел место заточения Тоби. Девять лет его держали взаперти в одном дворце в центре города, но теперь отправили куда-то еще.

– Почему?

– Понятия не имею, но этот мальчик играет ключевую роль в планах Церкви затмения с того самого дня, как появился на свет. И все-таки я не думаю, что это потому, что он сын бывшей монахини, иначе зачем было инсценировать похищение девять лет назад и до сих пор оставлять его в живых?

– Шантаж, – проговорила Сандра. – Это слово Креспи написал на стене перед смертью.

– В самом деле, – согласился пенитенциарий. – Кто-то еще знает, что Тоби не просто пропал, но был похищен. Все эти годы приверженцы Церкви затмения использовали ребенка, чтобы этот человек им оказывал услуги.

– Отец, – тут же догадалась агент полиции. – Такая угроза может оказать воздействие только на одного из родителей. Мы должны выяснить, кто отец ребенка.

Маркус был того же мнения.

– Есть только один способ: найти Матильду Фрай и заставить ее назвать имя. Где ты сейчас?

Сандра не стала рассказывать ему ни о луна-парке, ни о том, что она там видела. Не хотела, чтобы он переживал, да это и бесполезно для расследования.

– Я могу быть в районе Эсквилино через двадцать минут.

– Хорошо, встретимся там. – И он отключился.

* * *

Маркус отложил спутниковый телефон. Он увидел достаточно, можно покидать здание. Но на парадной лестнице замер, услышав странный звук. Далекое, неразборчивое, заунывное бормотание.

Звук доносился с пятого этажа.

Пенитенциарий снова выключил фонарик и стал подниматься, спрашивая себя, что это может быть. Дойдя до верхней площадки, обнаружил запущенный чердак. Деревянная дверь висела на одной петле. Теперь звук слышался яснее: похоже на радиопередачу. Вроде бы кто-то произносил речь.

«Внимание! Это первое сообщение, исходящее от вновь установленной власти. Мы захватили Рим. Рим – наш. Блжстители закона и силы правопорядка уже присоединились к нам...»

Маркус распахнул дверь и увидел, что весь чердак забит старой мебелью. На полу – лужи, в них плавают листья, принесенные ветром. В самом деле, в глубине помещения виднелось открытое слуховое окно, из которого можно было различить белоснежную вершину Алтаря Отечества, освещенную неожиданно вышедшей из-за туч полной луной.

Пенитенциарий прошел дальше по чердаку в поисках таинственного голоса.

«...Солдатам, которые собираются вступить в столицу, мы говорим: держитесь подальше отсюда, этот город принадлежит нам. Если нарушите священные границы, никогда не вернетесь к своим семьям, никогда не увидите ваших детей, жен, мужей, женихов, невест и родители ваши оплачут вас...»

В самой последней клетушке, в глубине чердака, стояла аппаратура. Голос вещал из громкоговорителя.

«...Слушай, народ Рима: папа бежал, католики остались без вождя. Стены Ватикана пали, даже Сикстинская капелла захвачена...»

Маркус подошел ближе. Голос исходил из радиопередатчика, который получал питание от автомобильного аккумулятора. Толстый провод шел по потолку,

исчезая между стропил. Вероятнее всего, он соединялся с антенной, расположенной на крыше.

«...Обратитесь в нашу веру, поклонитесь Владыке теней, выходите на улицы, убивайте неверных, если те осмелятся противостоять вам. Кто пренебрежет приказом, будет считаться врагом Церкви затмения».

Голос внезапно прервался. Пенитенциарий услышал механический скрежет и увидел, что рядом с радиопередатчиком стоит старый проигрыватель, а на нем – виниловая пластинка. Звукосниматель с иглой соединялся с самодельным таймером, задающим устройством которому служил хронометр, запрограммированный на повторение передачи через каждые пятнадцать минут.

Маркус вспомнил, как ночной портье из отеля «Европа» рассказывал Сандре о том, что слышал по транзисторному приемнику. Какой-то сумасшедший маньяк запугивал людей такого рода пропагандой. Кто знает, сколь многие, отчаянно пытаясь узнать хоть какие-то новости, поймали это сообщение.

Пенитенциарий нашел проводки, соединявшие устройство с автомобильным аккумулятором, и оборвал их, тем самым прекратив вещание. Но не успел он выпрямиться, как что-то тяжелое обрушилось ему на затылок. Он мгновенно лишился чувств.

* * *

В небе над Римом появилась невероятная белая луна. Сандра воспользовалась лунным светом, чтобы припарковаться в квартале от дома Матильды Фрай. Отсюда, дожидаясь пенитенциария, она могла наблюдать за входом в парадное. Сандра не была даже уверена, что они застанут женщину дома, да и Маркус, рассудила она, вряд ли на это рассчитывал. Во всяком случае, они могут обыскать квартиру.

Мать Тоби разработала какой-то план и, наверное, в предыдущие часы или даже дни осуществляла его. Целый ряд зверских убийств.

Открыв, что таинственный убийца был членом секты, они с Маркусом растерялись. Зачем убивать единоверцев? Матильда Фрай и есть загадочный Маэстро теней или же она подчиняется чьим-то приказам?

Сандра взглянула на часы, вделанные в приборную панель. Пенитенциарий запаздывал, а она не решалась действовать в одиночку. Револьвер у нее был, но патроны кончились, а Матильда себя выказала нешуточным противником. Она учинила жестокую расправу над несколькими мужчинами и даже одолела Маркуса, сбросив его в Туллианум. Нет, идти одной опасно, лучше подождать.

Прошло еще несколько минут, и Сандра заметила какое-то движение на пустынной улице. Кто-то вышел из парадного, за которым она наблюдала. Неужели Матильда? Силуэт пересек мостовую, направляясь прямо к

малолитражке. Агент полиции распласталась на сиденье, надеясь, что ее не заметят. Когда тень проскользнула мимо окошка, Сандра узнала, кто это.

Матильда Фрай. И с ней небольшой чемоданчик.

Город покинуть невозможно, рассуждала Сандра. Куда же тогда она идет? Подождав, пока Матильда свернет за угол, агент полиции вышла из машины, чтобы установить слежку. Обойдя дом, отчетливо увидела ее. Несмотря на чемодан, Матильда шагала быстро, завернувшись в черную шаль, которая доходила до щиколотки.

Из-под шали выглядывали белые парусиновые туфли.

Они пересекли почти весь район Эсквилино. При лунном свете Сандра могла держаться на расстоянии, не теряя женщину из виду. Так они прошли всю улицу Карло Феличе. Та упиралась в стену Аврелиана, точнее, во встроенную туда древнюю полуразвалившуюся башню.

Матильда пробралась в какую-то дверцу и скрылась из глаз.

Сандра взяла спутниковый телефон и попыталась связаться с Маркусом, предупредить его, что план действий изменился. Она надеялась, что пенитенциарий поторопится приехать на место. Но телефон его звонил в пустоте. Черт тебя подери, где ты? Вдруг в этом строении есть другой выход, тогда она потеряет объект окончательно и бесповоротно. Немного подумав, Сандра решила действовать в одиночку.

Перейдя через улицу, она проникла в башню.

Благодаря лунному свету, который просачивался сквозь трещины в стенах, Сандра разглядела, что внутри башни куда просторнее, чем можно было себе вообразить, глядя на нее снаружи. По остаткам фресок она поняла, что в старину здесь находилась часовня, ныне, скорее всего, оскверненная. Высокие своды грозили вот-вот обрушиться. Птицам, гнездившимся где-то наверху, похоже, пришлось не по нраву вторжение. Крылья зашелестели в полумгле под сводами. Но где Матильда? Сандра заметила в глубине зала деревянную лесенку. Подошла. Оперлась о перила, пробуя ее на прочность. Лестница шаталась. Но Матильда точно взобралась наверх. Сандра вытащила револьвер, пусть незаряженный: по крайней мере, им можно припугнуть. Потом поставила ногу на первую ступеньку и начала восхождение.

Поднявшись на самый верх, увидела ее в глубине маленькой комнатки, с чемоданом у ног. Матильда Фрай стояла спиной к лестнице и смотрела в окно. Глаз не сводила с лунного диска, висевшего над Римом. Завернутая в шаль, она была похожа на большую черную птицу.

– Когда-то здесь была церковь, – проговорила она спокойно. – Во имя Маргариты Антиохийской, покровительницы рожениц.

– Ты позволила, чтобы у тебя забрали сына, – бросила Сандра в ответ. – Что ты за мать такая?

Этот выпад ничуть не смутил женщину.

– Здесь жил отшельник, который отрекся от мира ради Божьей благодати. – Матильда обернулась к Сандре, пристально взглянула на нее. – Нужно быть воистину сильным, чтобы отречься от того, что любишь больше всего на свете.

Сандра покачала головой:

– И тебе не стыдно, ты не раскаиваешься?

– Никто никогда не судил меня вашим судом. Я всегда оставалась там, где была. Вам просто нужно было прийти ко мне. Но никто не сделал этого.

– Тогда почему ты сейчас пытаешься убежать? – Сандра указала на чемодан.

Матильда улыбнулась:

– Маэстро предостерег меня, велел быть начеку. Я сразу поняла, что ты за мной следишь.

– Где Тоби?

– Не знаю, – призналась она, кажется, совершенно искренне.

– Ты хочешь сказать, что за все это время ни разу не захотела увидеть его?

– Ты шутишь? Я каждый день представляю себе его, разговариваю с ним, до сих пор объясняю разные вещи. Но Тоби никогда не отвечает мне... Только сегодня утром, – добавила она с улыбкой. – Когда за минуту до блэкаута зазвонил телефон, я поняла, что это сигнал и что после долгих лет ожидания настала пора действовать. Наконец-то за страдания воздастся сторицей.

Сандре не было ее жаль.

– Кто отец Тоби?

– Я уже отвечала тебе на этот вопрос.

– Ты лгала.

– Даже если и так, я не могу сказать тебе. Это слишком серьезно.

– О каком воздаянии ты говорила, какую думаешь получить мзду?

– Я верую во Владыку теней и в пророка его Маэстро. Он спас меня. Я просто-напросто у него в долгу. – Тут Матильда развернула свою шаль.

– Стоять! – Агент полиции пригрозила ей пистолетом, опасаясь, что под накидкой спрятано оружие.

Но Матильда просто протянула к ней руку.

– Это для тебя последний шанс присоединиться к нам. – Она протягивала Сандре черную облатку.

Та молча стояла и смотрела.

– Ну как хочешь. – Матильда Фрай разомкнула губы, положила пилюлю в рот. – Мои странствия заканчиваются здесь. – Она расправила плечи, и шаль упала к ее ногам. Потом повернулась к окну, раскинула руки и бросилась в пустоту.

Сандра и пальцем не пошевелила, чтобы попытаться ей помешать. Осталась стоять, где стояла. Зачем спасать такое человеческое существо? И Матильда все равно бы не заговорила. Женщина, способная совершить то, что совершила она, вынести то, что вынесла она, не сдалась бы до самого конца.

Подойдя к парапету и заглянув вниз, Сандра увидела на брусчатке ее изломанное тело. Потеряв интерес к ней, занялась чемоданом, надеясь найти какую-нибудь зацепку. Открыв его, обнаружила мужскую одежду. Еще там лежала бритва и дорожный несессер.

Знакомый звук оторвал ее от этого занятия. Спутниковый телефон звонил в кармане. Сандра взяла его.

– Маркус! – позвала она.

В ответ – молчание. Но кто-то держал трубку, было слышно его дыхание.

– Кто это? – спросила Сандра, сохраняя спокойствие.

– Привет, Вега.

Голос с того света. Витали.

19

– Сукин сын!

Витали хохотал так, что трубка сотового телефона чуть не выпала у него из рук. Надо признаться: агент Вега нравилась ему.

– Что с ним случилось? Что ты с ним сделал?

– Успокойся, Вега: у нас тут проходит встреча на самом высоком уровне для достижения джентльменского соглашения. – Тут он пнул Маркуса, который сидел на полу под дулом пистолета, заведя руки за голову.

– Ты его арестовал? – Не зная, как быть, Сандра спросила первое, что пришло в голову.

Инспектор откровенно забавлялся:

– Подумай головой, Сандра, – ведь я могу называть тебя Сандрой, правда?

– Можешь, – вдруг согласилась она, сама не ведая почему.

– Так вот, говорю тебе, Сандра, подумай головой: мира, который мы знали, больше нет. Или, по крайней мере, он взял тайм-аут: ему нужно время на размышления. Поэтому прежние правила не работают: нет ни гражданских прав, ни судов, даже правоохранителей и тех нет. Идет война, кругом одни враги. Можно заключать только временные союзы.

Сандре осточертел сарказм этого ублюдка.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты пришла сюда и выложила все начистоту, поскольку твой дружок Маркус вроде как немой. – Витали пнул его снова, на этот раз в спину.

– Откуда ты узнал его имя?

– О, если ты об этом, то я много чего о нем знаю. – Витали вытащил из кармана листок, где были записаны составляющие расследования, тот самый, который нашел в сумке Сандры. Проглядел список. – Например, что у него была временная амнезия. Я попробовал вернуть ему память – говорят, что удар по голове творит чудеса, но это не сработало.

Рана у Маркуса на затылке все еще кровоточила. Витали пинками привел его в чувство. Сейчас, под угрозой оружия, ощущая боль во всем теле, пенитенциарий предпочел выждать, не предпринимать пока никаких отчаянных шагов. Хотел посмотреть, как будут разворачиваться события.

– Твой дружок не хочет со мной разговаривать, – пожаловался инспектор. – Представляешь себе? А ведь я, по сути, человек душевный, жизнерадостный.

– Если я приду к тебе, кто гарантирует, что ты потом не убьешь нас обоих?

– Недоверие – роскошь, которую ты не можешь себе позволить, Вега. Не придешь – он умрет. Придешь – возможно, я вас обоих отпущу. Решай сама, своей свободной волей, что тебя больше устраивает.

– Не приду! – выпалила Сандра.

Витали снова расхохотался:

– А я-то думал, что ты питаешь к нему слабость. Но женщины непостоянны, это всем известно.

Маркус не хотел, чтобы Сандра приходила. Был уверен, что Витали без колебаний устранил их обоих. Уж лучше он пожертвует собой, предприняв отчаянную попытку разоружить инспектора.

– Надоели мне твои шуточки. Ты уже меня подставил, знаю я, на что ты способен.

– Ни хрена ты не знаешь, Вега. – Тон Витали сделался жестким. – Я прочел твои записи, но ты и твой дружок и близко не подошли к правде. – Он выстрелил.

Грохот раздался в трубке спутникового телефона, вгоняя Сандру в дрожь.

– Дворец Шишманов, улица делла Гатта, пятый этаж, – отчеканил инспектор.
– Дверь открыта.

* * *

Сандра Вега не знала, что делать. Первым делом – покинуть башню-часовню. В данный момент было не до чемодана с мужской одеждой, который Матильда принесла с собой. Нужно придумать способ освободить Маркуса.

Пока шла по улице, она выработала план действий. Витали был прав, утверждая, что правила игры поменялись. В эту бредовую ночь все что-то потеряли. Но если с концом запланированного блэкаута вернется мир, начнется охота на ведьм, поиски виноватых.

Инспектор сказал, что они с Маркусом и близко не подошли к правде. Может, так оно и есть. Может, они потеряли нить расследования и не успеют найти Тоби Фрая и Маэстро теней, тем более расстроить планы Церкви затмения. Но они остановили убийцу приверженцев. Такой товар можно было бы предложить в обмен на свободу Маркуса, жаль, что Матильда Фрай покончила с собой.

И все-таки кое-что нашлось, что-то такое, что можно использовать против Витали. Кто-то должен быть в курсе его деятельности. Она даже знала кто. Эту мысль ей подсказал бедолага Креспи. Шантаж, сказала она себе.

Подойдя к входу в «муравейник», она увидела заслон из вооруженных людей. Подняла руки вверх, положила уже разряженный револьвер на асфальт и крикнула:

– Я – агент Сандра Вега из паспортного стола!

Кто-то включил мощный прожектор и направил слепящий луч прямо ей в глаза. Потом в паре метров от нее послышался звон металла.

– Надень их! – велел кто-то тоном, не терпящим возражений.

Сандра подобрала наручники. Надела их на запястья, показала в луче прожектора. Двое мужчин, вооруженных автоматами, вышли за ней и провели ее за ограждение. Она остановилась перед сержантом, который узнал ее.

– Что ты здесь делаешь?

– Хочу поговорить с начальником, – только и сказала Сандра.

– Вряд ли получится. Хочешь, можешь подобрать себе мундир и присоединиться к нам.

– Скажите ему, что у меня сообщение от инспектора Витали.

Через десять минут, сняв наручники, ее провели в кабинет начальника полиции. Там находился и комиссар Альберти.

– Располагайтесь, агент, – пригласил Де Джорджи. – Вам известно, где сейчас находится инспектор Витали? Может быть, ему нужна помощь?

– Спасибо, он отлично справляется сам, – отвечала Сандра.

– Тогда что за сообщение? – с нетерпением спросил комиссар.

– Я видела вертолеты, – вместо ответа проговорила Сандра. – Скоро они будут здесь, правда? Едва рассветет, как начнется массовое вторжение.

– Все верно, так и задумано, – признал Альберти.

– Стало быть, у вас мало времени, чтобы решить, как прикрыть свою задницу.

Услышав такое, высшие чины лишились дара речи.

– Чего вы добиваетесь? – спросил начальник полиции.

– Я могу доказать, что Витали знал об опасности, которую таил в себе блэкаут, и ничего не сделал.

– Что еще вам известно? – полюбопытствовал комиссар.

– Что инспектор был в курсе того, что существует Церковь затмения с ее черной облаткой, гораздо раньше, чем появился сотовый с видеозаписью, которую вы мне показывали сегодня утром. А раз он был в курсе, стало быть...

– Это тяжкое обвинение, – проговорил начальник полиции. – Вы отдаете себе в этом отчет, агент Вега?

– Да, синьор. – Сандра рисковала, она могла оказаться под судом по обвинению в измене, но у нее не было выбора. – Но это не угроза. Всего лишь предложение... Инспектор обманул меня, использовал вслепую, и должен за это заплатить.

– Объяснитесь. – Де Джорджи скрестил руки, нагнулся над столом. – Вы предлагаете повесить всех собак на Витали. И собираетесь этот ваш тезис подкрепить. Но какие у вас аргументы и чего вы хотите взамен?

– Хочу, чтобы вы его отозвали.

– Почему? – спросил комиссар.

– Этого я вам не могу сказать.

– Он влип в какую-то историю? – иронически осведомился Альберти. Потом повернулся к начальнику полиции. – Ох, он непрост, наш Витали. Никому-то он не по нраву.

Сандра никак не могла понять, откуда взялся сарказм. И предприняла очередную атаку:

– Я знаю о секретном отделе, который занимается эзотерическими преступлениями, – какой уж там отдел статистики.

Начальник полиции изумленно выпучил на нее глаза:

– Секретный отдел? Эзотерические преступления?

– Притворяться бессмысленно. Все эти годы Витали занимался делами, которые систематически замалчивались, сведения о которых не просачивались в СМИ, чтобы не подставлять вас и ваших начальников.

– И кто вам это все наплел? – усмехнулся комиссар.

– Мне рассказал комиссар Креспи.

Он мертв, его имя можно смело упоминать.

– Ну так он пошутил, – проговорил начальник полиции, глядя ей прямо в глаза. – Отдела, о котором вы говорите, агент Вега, не существует.

– О, он явится на свет божий, когда кто-нибудь прикажет вам снять четвертый уровень секретности с файлов, касающихся дел Витали. – Сандра решила отвечать в том же насмешливом тоне. – Найдется немало людей, которые зададутся вопросом, почему инспектора постоянно переводили с одной должности на другую. Я видела его послужной список: он занимался ведомственным журналом, автопарком, даже общественной нравственностью...

– Это правда, – признал наконец начальник полиции. – Дела инспектора Витали засекречены. Правда и то, что мы постоянно меняем ему место работы.

Сандра обрадовалась: очко в ее пользу.

– Но это мера безопасности, необходимая для того, чтобы защитить его, а не сохранить в тайне его дела, – продолжил Де Джорджи.

Теперь Сандра совсем ничего не понимала.

– Защитить от чего? Не вешайте мне лапшу на уши.

– Агент Вега, как я уже говорил, дел, имеющих объектом эзотерические преступления, не существует. – И начальник полиции добавил: – Инспектор Витали – из отдела по борьбе с наркотиками.

20

Сандра вообразила, что начальник полиции тут же отдаст ее под арест. Вместо этого Де Джорджи пожелал, чтобы она увидела кое-что собственными глазами, и, оставив комиссара в кабинете, лично сопровождал ее в самую тайную зону «муравейника».

Туда, где располагались особо надежные камеры.

Проектировщиками бункера они были задуманы для содержания самых известных преступников.

– Сюда временно помещали главарей мафии, террористов, серийных убийц. Если требуется перевезти их из мест заключения в Рим для негласных допросов, их доставляют сюда.

Сандра никак не могла уловить смысл этой эксклюзивной экскурсии. Они подошли к железной решетке, и начальник полиции подал часовому знак пропустить их. И они двинулись по длинному коридору, куда выходили камеры.

Все пустовали, кроме одной.

Когда они подошли к решетке, начальник полиции рукой указал Сандре на заключенного:

– Его задержали пару часов назад, в переулке неподалеку от улицы Венето. Я приказал доставить его сюда.

На вид парню было лет двадцать пять – двадцать шесть. Брови очень светлые, но голова обрита наголо. На шее татуировка в виде кораблика. Тюремщики отобрали у него башмаки, и он стоял босиком на цементном полу.

Стоя в центре крохотной камеры, дремлющий держался очень прямо на своих тощих ногах. Смотрел перед собой пустыми глазами. Не шевелился, но чуть-чуть раскачивался, словно под дуновением ветерка.

– Он в состоянии слышать нас? – наивно осведомилась Сандра.

– Даже говорить, если вы об этом, – отвечал Де Джорджи.

– Черная облатка, – проговорила агент полиции, и перед ее глазами предстала сцена, недавно виденная в луна-парке, в квартале ЭУР.

Начальник полиции кивнул.

– Агент Вега, что вы знаете о каптагоне?

Сандра обернулась, уставилась на него.

– О каптагоне? – переспросила она.

– Гидрохлорид фенетиллина, больше известный под названием «наркотик Бога». – Подождав, пока она усвоит информацию, Де Джорджи продолжил: – Его синтезировали в тысяча девятьсот шестьдесят первом году в одной немецкой компании и на протяжении двадцати пяти лет использовали для лечения нарколепсии и депрессии. Прописывали также неизлечимым больным для облегчения страданий. Затем фенетиллин был запрещен во многих странах, в том числе в Италии, из-за побочных эффектов. Чаще всего возникает гипнотический транс и галлюцинации, но главное – это мощное возбуждающее средство, стимулирующее агрессию.

Теперь Сандра вспомнила толпу, напавшую на нее по выходе из луна-парка. Она палила из револьвера, пока не кончились патроны, а эти люди, казалось, вовсе и не боялись умереть.

– Значит, вот в чем дело: Витали занимается наркотрафиком.

– В две тысячи одиннадцатом году одна лаборатория в Болгарии начала подпольное производство вещества. С тех пор фенетиллин можно легко достать в местах, где продаются наркотики, он приобретает все больше ценителей, поскольку стоит дешевле амфетамина, а действует дольше. Дней десять назад некоторые информаторы, связанные с бандами, контролирующими рынок синтетических наркотиков в столице, сообщили о том, что оборот каптагона чрезвычайно вырос.

– Насколько?

– Достаточно, чтобы обрушить бизнес, – заявил Де Джорджи. – Кто-то выбросил на рынок огромное количество вещества, причем в чистейшем виде. Узнав об этом, Витали тотчас же предупредил, что мы рискуем утратить контроль над ситуацией. В самом деле, существуют прецеденты: широкое распространение каптагона и раньше создавало проблемы, вело к массовым нарушениям общественного порядка. Его принимают антиглобалисты из Черного блока и анархисты перед своими демонстрациями или когда собираются поднять мятеж. Именно они и прозвали этот наркотик «чумой», «поветрием».

– Значит, Витали случайно наткнулся на Церковь затмения.

– Именно так, – подтвердил начальник полиции. – Он проводил расследование по поводу таинственного персонажа по прозвищу Алхимик, болгарского химика, настоящее имя которого инспектор до сих пор пытается раскрыть.

Шишман, тут же подумала Сандра. Витали назвал это имя по спутниковому телефону, обозначая дворец на улице делла Гатта, куда она должна была явиться, чтобы спасти Маркуса.

– Вчера вечером, просмотрев запись на телефоне, оставленном в такси, мы поняли, что каптагон превратился в проблему. Возможно, несчастного толкача заставили проглотить едкую щелочь для острастки: какая-то преступная группировка хотела дать понять болгарскому химику и его банде с татуировкой в виде голубого кружка, что пора прекратить раздавать товар даром.

Вот тут Де Джорджи ошибался. Сандра узнала того человека на фотографиях, сделанных у Колизея: он похитил Тоби и убила его Матильда Фрай. Но она промолчала. Ей было интересно узнать, почему выбор Церкви затмения пал именно на это вещество.

– Почему – «наркотик Бога»?

– Потому что с начала семидесятых религиозные секты использовали фенетиллин для промывания мозгов у своих приверженцев. Да и сейчас каптагон в большой чести у этих сукиных детей, головорезов ИГИЛ. Они вербуют всякое отребье, дают новобранцам черную пилюлю, те волшебным образом переносятся в рай с прекрасными девами, а когда просыпаются, им не терпится отрубить кому-нибудь голову или взорвать себя в людном месте.

Неужели это и есть «экстаз познания», о котором вещал Креспи? Сандра не верила, что ее старый друг комиссар предал свои принципы ради галлюцинации. И знала, что рассказ начальника полиции включает в себе только часть истины. Церковь затмения ставит перед собой определенную цель, фенетиллин – всего лишь составляющая общего замысла.

– Зачем вы привели меня сюда? – спросила агент полиции, глядя на парня в камере, который раскачивался все сильнее и сильнее.

– Вы, наверное, имеете в виду, что я должен был сразу же отдать вас под арест? – Де Джорджи рассмеялся. – С моей карьерой покончено, завтра я подаю в отставку. Скорее всего, мне предъявят обвинение, даже вынесут приговор. Все обо мне забудут, и мне лишь останется до конца дней задаваться вопросом, мог ли я действовать по-другому. – Он разочарованно вздохнул. – Если бы я прислушался к Витали, мы нашли бы решение до того, как распространилась новость о предполагаемом блэкауте. Но мы только сейчас обнаружили, как еще может применяться фенетиллин... Кроме депрессии и нарколепсии, каптагоном лечили светобоязнь. – Он сделал знак тюремщику. И свет погас.

Неистовые вопли парня разнеслись по пустым камерам. Потом послышался глухой удар. Сандре удалось разглядеть, что это было: человек всем телом бросился на железную решетку. Сандра вообразила себе ярость, с какой дремлющий кинулся на них: только эта преграда смогла его остановить.

Свет зажегся снова, парень скорчился на полу и вскоре успокоился.

– В темноте эффект фенетиллина усиливается, на свету снижается, – объяснил Де Джорджи. – Извините, что напугал вас.

Блэкаут, технологическое затмение, подумала Сандра. Секта хорошо подготовилась, чтобы воспользоваться ситуацией.

– Все это закончится на рассвете, – сказал начальник полиции, удаляясь от камеры.

– До рассвета четыре часа. Сколько людей еще погибнет?

Но Де Джорджи не хотелось вступать в полемику.

– Я знаю, где центр распространения каптагона. Знаю, где раздают черные облатки, – заявила тогда агент полиции, и шеф обернулся к ней. – Отзовите Витали, и я скажу вам, как спасти Рим.

21

3 часа 29 минут до рассвета

Передача пленника состоялась в церкви Санта-Мария sopra Минерва.

Выбор места предоставили Сандре, и она, нимало не колеблясь, назвала эту базилику. Внушительное строение, с мощными пилястрами и глубокой абсидой. В боковых приделах – ряд барочных капелл, богато отделанных мрамором и расписанных фресками.

Кроме одной. Последней справа.

Сандра Вега хорошо знала причину, по которой именно эта капелла, посвященная святому Раймондо из Пеньяфорта, первому в истории пенитенциарию, казалась самой бедной. Этим секретом Маркус поделился с ней несколько лет назад. Почти что заключив любовный союз. Знал бы Витали, усмехнулась про себя агент полиции.

Сандра увидела, как они подходят вдвоем. Один вооружен, другой скованными руками. Маркус взглядом дал понять, что с ним все хорошо. Витали встал позади него.

– Вот мы и встретились снова, инспектор, – саркастически приветствовала его Сандра.

– Я тоже думал, что вы стинули в той галерее, ведь и вы не чаяли меня увидеть в живых.

– Тогда следует признаться, что мы не устаем друг друга удивлять.

Витали сунул что-то Маркусу в карман куртки, потом подтолкнул его к Сандре.

– Я привел его к тебе скованным, как и было задумано, – сказал инспектор, бросая ей ключи от наручников. – Сознайся: недурная шутка.

– Комиссар Альберти собрал все имеющиеся у него в распоряжении силы и направляется в квартал ЭУР, к луна-парку, чтобы остановить это безумие, – сообщила Сандра. – Жаль, что потом он припишет себе все заслуги.

– Я работаю в отделе криминальной статистики, – беззаботно проговорил Витали. – Не забывай об этом, агент Вега. – Прежде чем уйти, повернулся к пенитенциарию. – До свидания, друг мой. Уверен, мы еще встретимся.

– Ты знал о том, что в этой церкви похоронен папа Лев Десятый? – спросил у него Маркус.

Но Витали сделал вид, будто не расслышал, и направился к выходу.

Чуть позже Сандра сняла с Маркуса наручники и вытащила листок, который инспектор положил ему в карман.

– Это данные по нашему расследованию. – Она узнала записи, сделанные на явочной квартире. – Должно быть, он нашел мою сумку, ту, что я потеряла в галерее. – Сандра взглянула на Маркуса. – Ты был прав: никогда не следует оставлять письменных следов.

– Почему он освободил меня?

И Сандра рассказала ему о каптагоне и о том, что на самом деле представляет собой черная облатка.

Розовый пузырек из лаборатории Николая, подумал пенитенциарий. Алхимик синтезировал вещество, чтобы облегчить страдания жены.

– Мы должны срочно пойти к Матильде Фрай, – заторопился он. – Это единственный след, который у нас остался.

– Она погибла, покончила с собой на моих глазах.

Новость изумила и огорчила Маркуса.

– Она сказала что-нибудь перед тем, как лишиться себя жизни?

– Я попыталась выведать у нее имя отца Тоби, но ничего не получилось. Она знала, кто это, ее не изнасиловали, все происходило с ее согласия.

Еще один довод в пользу теории шантажа, подумал Маркус.

– Вот еще что... – припомнила Сандра. – У нее с собой был чемодан. Но в нем лежала мужская одежда и вдобавок бритва.

Пенитенциарий задумался, но не нашел объяснения.

– Нужно пойти на квартиру к Матильде, поискать там хоть что-нибудь, хоть какой-нибудь след.

Эту попытку они предпринимают с отчаяния, Сандра прекрасно сознавала это. Но выбирать не приходилось.

* * *

Когда они вошли в скромную квартирку Матильды Фрай в районе Эсквилино, их встретил тот же неистребимый запах никотина. Призрак выкуренных сигарет следовал за ними до самой кухни. Несколько часов назад, сидя за этим самым столом, они слушали горестные речи матери, вынужденной жить в ужасном неведении о судьбе единственного сына. Сандра припомнила ее слова: «Люди думают, что в таких случаях все происходит как в мелодраме. В действительности все самое плохое случается очень просто».

Тем временем Маркус огляделся вокруг. Пепельницы, единственная тарелка и бокал, а также чашечка из-под кофе составлены в раковину. На ее мраморных бортиках – желтые разводы, оставленные сигаретами. Там же лежит губка для мытья посуды. Радиоприемник на полке. Настенные часы. Мелкие детали незаметной жизни, такой же, как многие другие. Но все эти обыденные предметы – не что иное, как соучастники. Они хранят ужасную тайну Матильды. Они слышали слова, произносимые ею в тишине. Были свидетелями ее раздумий.

Пенитенциарий подытожил в уме, скольких убила эта женщина. Епископ Горда задушен дистанционно «удавкой наслаждения». Кукольника живьем пожрали мухи. Похитителя Тоби с видеофильма на телефоне она заставила выпить едкую щелочь. Комиссар Креспи задохнулся, вдыхая пепел. Алхимик повешен головой вниз.

И еще я, напомнил себе Маркус.

Я должен был умереть в Туллиануме, но не умер. Маркус не знал, как это расценить. Ему повезло? Нет, везение ни при чем. Если бы судьба пошла ему навстречу, он сохранил бы память о том, что произошло.

Если бы не моя амнезия, Рим был бы спасен.

– Начнем отсюда, – предложила Сандра.

Маркус последовал за ней.

В спальне стояли две узкие кровати. На одной спала Матильда, другой никто не касался с того самого дня, когда пропал Тоби. Над изголовьем висел постер с футбольной командой «Рома». За девять лет какие-то игроки закончили карьеру, кто-то перешел в другой клуб, а иные просто состарились. Ничто не может с такой очевидностью показать мужчине стремительный бег времени, как постер с футболистами, подумала Сандра Вега. Она еще помнила, как ее муж Давид возил ее в дом своего детства, в Израиль. В его комнатенке была фотография команды «Манчестер Юнайтед». Разглядывая игроков одного за другим, Давид отметил, что все эти атлеты моложе его.

– Дай мне перечень, пожалуйста. – Маркус протянул руку. Он хотел взглянуть на список элементов расследования.

– Ты что-то придумал? – спросила Сандра.

– Нет, – признался он.

Они вдвоем уселись на кровать Тоби и стали вместе просматривать список. Пенитенциарий принялся зачеркивать данные, уже бесполезные.

Способ убийства: старинные практики пыток.

Белые парусиновые туфли (у Маркуса и епископа Горды).

Черная облатка (наркоман).

Татуировка в виде голубого кружка: Церковь затмения. Невинные жертвы.

Блэкаут – Лев Десятый.

Таинственная записная книжка.

Тоби Фрай.

Случайная составляющая: временная амнезия Маркуса.

– Нужно было добавить к списку Матильду Фрай, – сокрушалась Сандра. – Она обвела нас вокруг пальца потому, что когда-то была монахиней. И никто никогда не мог бы вообразить, что слуга Божья может убивать такими зверскими способами.

Тем временем Маркус сосредоточился на перечне. Силился понять, существует ли связь между записной книжкой, Тоби и амнезией, настигшей его самого.

– Я завел записную книжку, – сказал он. – Что и странно, ведь я прекрасно знаю, что не должен был этого делать. Как тебе известно, пенитенциарии не ведут записей, чтобы не оставлять следов. Тогда почему я пошел на такой риск? А главное: куда она подевалась, эта книжка?

– Ты, наверное, спрятал ее в надежном месте.

– Да, но зачем? – Маркус недоумевал и злился. – Я как будто предвидел амнезию и оставлял сообщения самому себе. Вырванные странички, которые мы находили, содержали указания, как продолжать расследование.

– Предвидеть амнезию нельзя, – успокоила его Сандра.

– Нельзя, ты права.

Маркус глубоко вздохнул. Поднял взгляд на противоположную стену, где висел диплом Матильды по классической филологии. Несмотря на высшее образование, она смогла найти только работу уборщицы. Почему же все-таки это так раздражало пенитенциария?

– Нужно обыскать квартиру, – заключил он. – За дело.

Они принялись выдвигать ящики, вываливать их содержимое на обе кровати. Потом рылись в вещах, надеясь найти какую-то подсказку, какой-то след. Маркус решил заглянуть и в матрасы. Распотрошил их, вытащил шерсть, пошарил внутри: ничего. Потом настал черед стеного шкафа. Он был разделен пополам. С одной стороны все еще висели вещи Тоби, с другой – его матери. У Матильды было немного одежды. Четыре летних платица, пара зимних юбок, брюки и несколько свитерков. Но Сандру поразил коричневый футляр, бережно хранимый в самом углу. Она извлекла его, рассмотрела. Потом расстегнула молнию, проверить, что там внутри.

Там лежало облачение монахини.

Сандра хотела было положить его на место, но заметила странное выражение на лице Маркуса. Он был в смятении.

– Не может быть, – пробормотал пенитенциарий, беря одеяние у нее из рук. Сандра не понимала, чем вызван такой интерес.

Маркус держал в руках облачение, пристально глядя на головной убор с черным лоскутом, предназначенным для того, чтобы закрывать лицо. Матильда фрай была не просто монахиней. Она была Христовой вдовой.

22

Когда он примчался в обитель на краю леса, не было нужды стучаться. Деревянная дверь стояла распахнутой настежь.

Едва войдя в старинный, сложенный из камня коридор, он увидел первый труп. Подошел к монахине, расprostертой на полу. Черный лоскут по-прежнему закрывал лицо. Горло было перерезано.

Клинок, подумал он. Как Корнелиус Ван Бурен исхитрился раздобыть оружие?

Свечи, всегда горевшие в обители, гораздо раньше какого-то там блэкаута, потухли. Поэтому пенитенциарий вынужден был светить себе электрическим фонариком. Ему казалось, будто этим современным устройством он оскверняет место хранившихся веками, незыблемых обетов. Второй труп он нашел на лестнице. Узнал Христову вдову, носившую черные сапоги до колен, туго, до боли, зашнурованные. Кто знает, где остальные двенадцать. Но трудно

вообразить, чтобы какая-нибудь из сестер смогла спастись от ярости зверя, так долго заключенного в клетку.

Добравшись наконец до открытой кельи, он надеялся обнаружить там безжизненное тело старого серийного убийцы. Абсурд, конечно же, но в глубине души он верил, что Маэстро теней покончит с собой. Но тот сбежал неведомо куда.

Чемодан с мужской одеждой, бритва, мелькнула у пенитенциария мысль. Матильда ждала его за стенами Ватикана, крепости, в которой он был заточен на долгие двадцать три года. Мир не ведал о существовании Корнелиуса. А теперь чудовище на свободе.

– Он на свободе и очень опасен, – поправил себя Маркус вполголоса.

Но Ван Бурен перед побегом не забыл попрощаться. Что-то оставил для него на койке. Подарок. Инкунабулу Плиния Старшего, которую пенитенциарий сам достал для него этой ночью, похитив из Ангелической библиотеки.

Кожаный переплет старинного манускрипта был разодран.

Вот куда спрятали клинок, сказал себе Маркус. Уборщица Матильда Фрай имела диплом по классической филологии. Это она вложила оружие в книгу, а я свалял дурака.

Внутри инкунабулы, на первой же странице, лежало послание, написанное собственной рукой Корнелиуса.

Мой дорогой Маркус,

чувствую, что обязан дать тебе объяснение. Не только потому, что ты, хоть и не сознавая того, сыграл определяющую роль в моих планах. А главным образом потому, что поверишь ты мне или нет, но за эти годы я привязался к тебе.

В момент, когда меня заперли в этом месте, я осознал с леденящей уверенностью, что никогда отсюда не выйду. Однажды я умру, и меня похоронят на маленьком кладбище позади обители, где покоятся останки Христовых вдов. На моей могиле поставят безымянную плиту. И никто никогда не узнает историю человеческого существа, погребенного под этим камнем.

Я долго жил с такой мыслью. Вытерпеть ее оказалось труднее, нежели все прочее, чем чревато заточение.

Поэтому можешь вообразить себе мои чувства, когда передо мной предстала юная послушница. Она была полна жизни и обладала чистейшей верой. Но именно вера является самым мощным слагаемым бытия, и на этой ее вере я построил мой план побега.

Ей поручили носить мне еду. И она приходила ежедневно, раз в день. Я пытался с ней заговаривать, но она соблюдала обет молчания. Потом как-то я упомянул инкунабулу Плиния Старшего, и, удивительное дело, из-под черного лоскута услышал ответ.

Одна фраза, короткая, но этого хватило. Матильда сказала мне вполголоса: «Я знаю эту книгу».

И мы вступили в диалог, медлительный, сотканный из слов, с великим трудом украденных. Весь секрет в том, что я ни разу ей не солгал. В конце концов моя искренность убедила ее, что куда лучше будет продолжать служение в реальном мире. Она сняла облачение и возродила для меня старинную секту под названием Церковь затмения.

Своим проповедническим пылом она залучила епископа, снедаемого невыразимыми искушениями. Фабриканта игрушек, обладавшего извращенной фантазией. Болгарского князя с разбитым сердцем и страстью к химии. И, как ты сам уже знаешь, многих других. Между ними – продавца наркотиков и комиссара полиции.

Жрица моей религии связала их всех общим знаком: татуировкой в виде голубого кружка. И все это с одной-единственной целью: вернуть мне свободу.

Но нам было необходимо затмение.

Оно должно было случиться через несколько лет. Долгим и тяжким становилось ожидание. И вдруг в один прекрасный день Божье знамение: блэкаут.

Знаю, ты сейчас задаешься вопросом, какую роль во всем этом сыграло исчезновение ребенка. Не хочу лишать тебя удовольствия самому обнаружить, почему было необходимо, чтобы Тоби жил в заточении, точно так же как я.

Но хочу открыть тебе, что мысль о его похищении мне подсказал Лев Десятый.

Прежде чем выпустить буллу, в которой он распоряжался, чтобы Рим «никогда, никогда, никогда» не оставался во тьме, папа увидел вещий сон: видение собственной смерти. То, что он через девять дней действительно скончался, вызвало к жизни разные толки и сомнения: кончина его казалась окутанной тайной. На самом деле этот папа, живший в шестнадцатом веке, как и все люди, обладающие властью, к концу жизни стал параноиком. Обычные люди боятся только за собственную жизнь, но люди власти не обладают такой привилегией.

Больше всего они боятся умереть, лишившись этой своей власти.

Но теперь я тебя оставляю, друг мой. Мне предстоит долгий путь, и я до сих пор не уверен, что у меня все получится. Но страхи, которыми полнится мое сердце, доставляют мне невероятное наслаждение. Я и забыл, сколь непредсказуемо бытие. Там, снаружи, меня ожидают преграды и препоны, но я счастлив, ибо из них, по сути, и состоит жизнь любого человеческого существа.

Что же до нас двоих, то я всегда буду думать о тебе с теплым отцовским чувством. Знаю, ты будешь искать меня, значит вполне возможно, что мы еще увидимся. Пусть твою и мою участь решает судьба.

Тем временем желаю от всего сердца, чтобы к тебе вернулась память о том, что произошло прошлой ночью.

Твой

Корнелиус Ван Бурен

Закрыв инкунабулу, Маркус присел на койку. Он совсем обессилел от сознания своего поражения. Никогда он не сможет поведать Сандре такую истину, ведь иначе придется признать, что Ватикан двадцать три года держал в заточении подобное чудовище.

Маркус выбежал из дома Матильды Фрай, ничего не объяснив, поскольку надеялся успеть вовремя и остановить Корнелиуса. Но серийный убийца опередил его.

Пенитенциария больно укололи два места из его послания. Во-первых, высказанное в конце пожелание обрести потерянную память. Почему я вообще занимался этим делом? – в который раз спросил себя пенитенциарий и снова проклял свою амнезию.

«Больше всего они боятся умереть, лишившись своей власти», – повторил он про себя, припомнив вторую фразу из записки, приведшую его в недоумение.

И наконец догадался. Какое слово написал комиссар Креспи, перед тем как умереть?

Шантаж, повторил Маркус, и все вдруг стало ясно.

23

57 минут до рассвета

Он застал хозяина дома перед огромным камином из розового травертина. Точно в том же месте он стоял во время их последней встречи, около суток назад.

Только нынче кардинал не слышал, как он вошел в мансарду с уникальным видом на Императорские форумы. Увидев его, побледнел. Как будто перед ним, живым, предстал мертвец. Маркус и понятия не имел, насколько было верно такое сравнение. Эрриаге известно было содержание записной книжки – исповедь умирающего.

– Это вы поручили мне расследование, – сказал Маркус. – Вы доверили мне дело об исчезновении Тоби Фрая, но, к сожалению, я все забыл.

– Разве так не лучше для всех? – спокойно возразил высокий прелат.

– Когда вы поручили мне дело? – спросил пенитенциарий.

– Пару недель назад.

Мысль о том, что он утратил воспоминания о стольких днях, потрясла Маркуса.

– Почему? Чем вас мог заинтересовать мальчик, пропавший девять лет назад?

Эрриага вздохнул:

– Придя к тебе в мансарду на улице деи Серпенти и дожидаясь, пока ты вернешься домой, я нашел у тебя под подушкой черно-белую фотографию.. Женщина не знает, что ты фотографируешь ее, это видно по глазам. Ты не можешь коснуться ее как мужчина и довольствуешься тем, что свет ласкает ее, а потом возвращается к тебе и застывает на пленке. – Кардинал снова вздохнул. – Уверен, ты не считаешь, что это твое чувство – грех, в котором следует исповедаться и за который следует испросить прощение у Господа.

– Уже не считаю, – признался пенитенциарий.

– Тогда ты можешь меня понять.

Маркус заметил, что Эрриага сжимает в руке записную книжку.

– Кто мог вообразить, что юную послушницу подослал ко мне гнусный убийца, чтобы она соблазнила меня? – продолжал кардинал.

– Вы – отец ребенка. – Хотя Маркус и догадался сам, ему нужно было сказать об этом сейчас и здесь, в этой комнате. – Девять лет Ван Бурен пытался шантажировать вас, используя мальчика.

– А тем временем готовил побег. – До кардинала уже дошло известие о резне в обители. – Он отвлек меня, он действовал ловко и очень хитро.

– Он хорошо изучил вас и знал, что вы не поддадитесь.

– Похоже, так и есть. – Он улыбнулся, но улыбка быстро исчезла с его лица.

– Что в записной книжке? – Маркус решил во что бы то ни стало добиться ответа.

Эрриага пристально посмотрел на него:

– Твоя память.

Откровение ошеломило его.

– Я имею право знать.

– Ты описал свой грех и оставил написанное в исповедальне, на скамеечке для коленопреклонений. – Эрриага помахал книжицей. – То, что ты изложил на этих страницах, уже было рассмотрено Судилищем душ.

– В чем моя вина? Скажите мне.

Эрриага бросил на него сочувственный взгляд:

– Поверь, тебе не придется по нраву то, что записано здесь.

Маркус ощутил, как к глазам прихлынули горячие слезы. От бешенства, но также от усталости, от разочарования.

– Скажите, по крайней мере, удалось ли мне спасти жизнь ребенка?

Эрриага кивнул.

Пенитенциарий заплакал.

– Если паду я, падет и Судилище душ, – неожиданно заявил кардинал. – У Адвоката дьявола должно быть безупречное прошлое.

Маркус поднял на него глаза:

– Что вы хотите этим сказать?

– Что мы с тобой оба грешники и достойны кары. Но также мы оба необходимы Церкви. Что произойдет, если из-за слабости нашей человеческой природы мы будем вынуждены отступить от нашего дела? Что произойдет, если мы перестанем стоять на страже, препятствуя злу? Мы должны выполнять нашу миссию, мы не можем позволить себе такую роскошь, как просить прощения.

Маркус наконец понял. И ему стало тошно.

– «Больше всего они боятся умереть, лишившись своей власти», – процитировал он слова Ван Бурена.

Но кардинал еще не закончил.

– Ты отвел ребенка в безопасное место и оставил его там, пообещав, что за ним скоро придут.

– Почему я так поступил?

– Ты знал, что должен умереть.

– И записал все в этой книжице, да? Там указал место, куда спрятал Тоби Фрая. Оставив записи в исповедальне, был уверен, что информация дойдет до вас... До его отца.

– Ты предоставил мне возможность спасти моего единственного сына, – подтвердил Эрриага. – И я благодарен тебе. Это было с твоей стороны очень благородно.

Маркус смотрел, как он снова подходит к камину из розового травертина, смотрит на пламя.

– Вы не сделаете этого, правда? Не пойдете спасать кровь от крови своей...

– Есть вина, которая должна остаться в тайне, – проговорил кардинал, глядя на записную книжку. – Есть грехи, которые нельзя простить. – И он бросил книжку в огонь.

Рассвет

Солнце взошло, но до окончания запланированного блэкаута оставалось еще двадцать пять минут.

Витали сидел в оперативном штабе «муравейника», снова держа в руке бумажный стаканчик. Он пил свежую воду.

Много событий произошло за последние четыре часа.

Войска вступили в город и заняли исторический центр. Инженерные части боролись с последствиями наводнения, спасали людей из районов, которые захлестнула волна грязи, хлынувшая во время разлива Тибра. Объединенные силы полиции провели в квартале ЭУР, в луна-парке, облаву, задержав где-то с полсотни человек. На улицах силы правопорядка отлавливали нарушителей. Сотни человек были задержаны или арестованы, но дезинфекция, как назвал это старший комиссар Альберти, еще не завершилась.

Не так-то легко оказалось подсчитать погибших. Итог получился плачевный. Могло быть и хуже, сказал себе инспектор. Много полицейских, но также и гражданских лиц. Столько невинных жертв, среди них – дети, слишком много детей.

Тому было две причины.

Блэкаут и ярость стихий создали единственные в своем роде, практически неповторимые условия. Если бы случилось что-то одно, возможно, чрезвычайное положение не привело бы к таким серьезным разрушениям и потерям.

Имелась и другая сторона медали. Массовая истерия охватила всех, и злодеев, и добропорядочных граждан. Люди, внезапно лишенные такого существенного, необходимого блага, как электроэнергия, почувствовали себя

разобщенными, брошенными во тьме. И многие реагировали непоследовательно, иррационально.

В темноте реальный мир приобретает другие очертания, сказал себе Витали. Как в детстве. Днем твоя комнатка – место для беспечных игр. Ночью – царство теней, от которых ты прячешься под одеялом.

Как он и предвидел, постепенно обнаруживалось, что большинство погибших встретили свою смерть не на улицах, а в собственных жилищах. Давние распри между знакомыми, обиды, годами копившиеся в семьях, и другие знаки ненависти среди близких людей в темноте проявились с особой силой и привели к кровавым расправам. И хотя об отключении тока было объявлено заранее, нашлись и такие, кого хватил инфаркт в зависшем намертво лифте. При этой мысли Витали покачал головой, он вообще людей не слишком жаловал. Через несколько минут вы снова обретете Интернет, проклятые идиоты. И снова сможете жаловаться на все подряд – а главное, на вашу жалкую, никчемную жизнь – в любой из гребаных социальных сетей. Витали тоже бесился, но только потому, что потерял этой ночью свои великолепные коричневые мокасины.

Еще несколько минут, и все вернется на круги своя. По крайней мере, до следующего блэкаута или следующего продолжительного ливня. Витали знал: люди быстро забудут, никто не извлечет урока из этой ночи. Кроме, возможно, мертвых. Что до него самого, то инспектор сунул руку в карман и вытащил лист бумаги, на котором специалист по составлению фотороботов, следуя его указаниям, изобразил лицо.

– Маркус, – произнес Витали так, чтобы никто из присутствующих его не слышал. Потом сделал последний глоток воды и скомкал стаканчик. Наконец, чтобы не вносить свою лепту во вселенский хаос, бросил его в специальный контейнер для бумажных отходов, предназначенных к переработке.

* * *

Он велел ей идти на улицу деи Серпенти и ждать его там. Там она и сидела, на лестничной площадке, прямо на полу, прислонившись к двери.

– Мой дом в Трастевере разрушило наводнение, – сообщила Сандра. – Мне теперь некуда идти.

Он взял ее за руку и помог подняться. И они вошли в крохотное убежище.

Открытый чемодан на полу. Стул. Матрас, брошенный в угол, на нем – скомканные одеяла. Маркус не дал ей сказать ни слова. Привлек к себе и поцеловал. Во второй раз.

– Я провалил дело, – признался он.

– Не важно, – ответила Сандра. И стала снимать с него одежду.

А он – с нее. Он уже видел ее обнаженной, когда следовал за ней, в номер отеля, где она, лежа на постели в темноте, позволяла незнакомым женщинам и мужчинам овладевать собой. Но, прикоснувшись к ее коже, испытал непонятную дрожь. Они упали на матрас, не переставая искать друг друга губами. В полной тишине слышалось только их прерывистое дыхание. Маркус положил ей руку на колено и медленно открыл себе путь. Когда он вошел в нее, Сандра еще не была готова и застонала. Но вскоре стала вторить каждому его движению. Он стиснул ее маленькие груди и целовал их, утоляя свое желание. Она отстранилась и вдруг заскользила губами вниз по его торсу – бесконечная полоса лобзаний. Потом вобрала в себя его плоть, показывая, что принадлежит ему вся, целиком. Он отдался наслаждению, закрыв глаза, в неведении, в забытии. Когда Сандра поняла, что он близок к кульминации, она легла сверху и, вобрав его, резко толкнулась. И приняла его семя в свое лоно. Потом расслабилась, положила голову ему на плечо. Они тяжело дышали и были счастливы. Не обменявшись ни единым взглядом, знали, что принадлежат друг другу.

Затем оба уснули.

* * *

Сандра проснулась первой. Она не знала, сколько прошло времени, но увидела, что вокруг опять темно. Она встала, осторожно, чтобы не разбудить Маркуса. Выглянула в окно. Из мансарды открывался вид на крыши Рима, город был снова освещен.

Кто знает, почему она снова подумала о Давиде. Если бы после его преждевременной смерти она не осталась молодой вдовой, то сейчас не стояла бы здесь. И никогда бы не испытала этого нового чувства покоя, доходящего до глубины сердца. Воистину жизнь нуждается в разрушениях, чтобы двигаться вперед. Кто знает, как пошли бы дела, если бы ее муж еще жил на этом свете. Вдруг бы они обнаружили несовместимость, о которой раньше и не подозревали, или неустраимые разногласия привели бы к разводу. Или хуже: продолжали бы жить вместе, зная, что любви давно уже нет.

Жизнь – это цепь событий, сказала себе Сандра, и если ты не научишься принимать скорбь, то никогда не получишь воздаяния в виде счастья. Доказательство – то, что Давид мертв, а она не страдает больше от вечной разлуки.

Вот почему Сандре казалось, будто огни Рима сегодня зажглись только для нее.

Стоя у окна, Сандра продрогла. Отошла, подобрала с пола фуфайку от спортивного костюма. Вывернула, собралась надеть. В этот момент Маркус заворочался на постели и повернулся к ней спиной.

Сандра застыла на месте.

Пенитенциарий открыл глаза и увидел ее.

– Привет, – сказал он с улыбкой.

Но она не улыбнулась в ответ, не произнесла ни слова.

Что-то пошло не так, понял Маркус.

– Что случилось?

Сандра, вся дрожа, указала рукой.

Маркус не понимал, в чем дело, но не замедлил посмотреть, что на его правом плече ее так напугало. И увидел татуировку. Голубой кружок. И в этот миг все понял, даже без участия памяти. Истина оледенила его.

Матильда Фрай никого не убивала и не пытала. Это был он.

Он убил Епископа, Горду, Кукольника. Его рука в перчатке вложила в рот толкачу из видеозаписи на сотовом телефоне черную облатку, а затем влила едкую щелочь. Он специально для Креспи устроил в явочной квартире ловушку с пеплом. Он подвесил Алхимика к люстре, надев на него свои ботинки.

Все следы вели ко мне, только ко мне.

Эрриага сказал, что пару недель назад поручил ему дело об исчезновении ребенка, имевшем место девять лет назад. Он не предоставил никаких данных, только имя: Тоби Фрай. Возможно, кардиналу надоел шантаж Ван Бурена. В конце концов пенитенциарию удалось найти мальчика и спрятать его в надежном месте. Но чтобы добиться этого, ему пришлось убить нескольких человек. В его списке не хватало лишь одного имени – имени Маэстро теней.

Я занес фотографию Сандры в память сотового телефона, перед тем как оставить его в такси. Хотел, чтобы ее подключили к делу, чтобы она пошла по моим следам и дошла до конца.

Уведя Тоби из дома Алхимика, он зафиксировал все в записной книжке и оставил ее в исповедальне, зная, что ее доставят Эрриаге на рассмотрение. Потом пошел к Кукольнику: оттуда позвонил Матильде Фрай, дав ей услышать голос куклы, рукотворного подобия ее сына. Нужно было вызвать у нее соответствующую реакцию, чтобы она привела Сандру к Маэстро теней. После чего Маркус счел свою задачу выполненной: можно было отправляться туда, где он решил умереть. В Мамертинскую тюрьму, Туллианум.

Я аккуратно сложил свою одежду и поставил рядом белые парусиновые туфли, чтобы все поняли: я добровольно бросился вниз, голый, со скованными руками. Я спрятал ключ от наручников там, откуда, по идее, я ни за что не смог бы его достать: в собственном желудке. Все это я проделал, чтобы покарать себя за жестокие убийства, за причиненную боль.

Найди Тоби Фрая.

Это послание было адресовано не мне, а Сандре. Когда найдут мое тело, ты спросишь себя, зачем я это сделал. Но когда найдешь ребенка, поймешь. В нем – ответ, в нем – причина того, что я умираю здесь.

И другие листки, вырванные из записной книжки, предназначались ей – ее имя в ванне Кукольника, номера дел, хранящихся в архиве нераскрытых преступлений. Чтобы она могла следовать дальше по пути, который он наметил кровью своих жертв.

Сандра глядела на него, не в силах сдержать слезы.

– Почему?

Маркус опустил глаза:

– Чтобы спасти ребенка, нужно было стать одним из них, вот почему. – Теперь он отдавал себе в этом отчет. Но вероятно, Тоби Фрай уже умер там, где он, Маркус, спрятал его, чтобы защитить, и получается, что он зря продал душу Владыке теней. – Каптагон, – вдруг сообразил пенитенциарий. – Перед тем как спуститься в колодец, я принял черную облатку. Вот почему я ничего не помнил. Галлюциногенное вещество оживило старую амнезию, хотя на этот раз я по крайней мере сознавал, кто я такой.

Эрриага был прав. Грех, в котором он исповедался, записав его в книжку перед тем, как умереть в Туллиануме, слишком велик, слишком тяжок. Лучше было бы не доискиваться правды, не знать. Забыть.

Аномалии, сказал себе Маркус.

– Что же нам теперь делать? – спросила Сандра, ожидая, что он сейчас произнесет слова, способные развеять этот кошмар. – Что с нами будет?

– Есть место, где мир света встречается с миром сумерек, – отвечал Маркус, повторяя то, чему его учили. – Там-то и происходит главное: в краю теней, где все разрежено, смутно, нечетко. Я – страж, призванный охранять эту границу. Ибо время от времени что-то прорывается... Я – охотник за тьмою... Моя задача – сдержать ее, отправить обратно.

33 дня после рассвета

Бледное весеннее солнце осушало улицы, стирая последние следы дождей и паводка.

Центр Рима превратился в строительную площадку. К античным руинам присоединились следы недавних разрушений, но восстановление началось.

Движение транспорта в городе до сих пор не возобновилось, проезжать можно было только по особому разрешению. Таковым обладал черный «ауди» с номерными знаками Ватикана. Пока личный шофер рулил по улице Императорских Форумов, сквозь затемненные стекла своей роскошной машины кардинал Эрриага любовался преображением Рима.

Катастрофа навсегда изменила панораму города, но имела и благотворные последствия. К примеру, явно увеличилось число обращенных в веру. Многие, испытав отчаяние, примкнули к католицизму. Доказательством тому служил и рост денежных поступлений на благотворительные цели. Поскольку у Эрриаги и в мыслях не было, будто он удостоится рая, кардинал, чтобы утешиться после пережитой трагедии, подарил себе новое распятие с бриллиантами и аметистами, прекрасно сочетавшееся с шелковой пурпурной мантией.

– Включить кондиционер, ваше преосвященство? – спросил водитель.

– Не надо, и так хорошо, – ответил кардинал, наслаждаясь мимолетной лаской теплого солнечного луча.

Вскоре, оставив город за спиной, они поехали по сельским проселочным дорогам. Одной лишь природе пошли на пользу ливни, бушевавшие весь прошлый месяц. На деревьях лопались почки, распускались цветы, воздух был напоен ароматом.

Эрриага был на удивление безмятежен, хотя по идее забот хватало. Мир стал менее надежным местом с тех пор, как Корнелиус Ван Бурен бежал. Кто знает, сколько человек уже поплатились жизнью просто потому, что встретили его на своем пути. Им должен был бы заняться пенитенциарий, но кардинал не имел о нем никаких сведений с самого дня блэкаута. Когда под его бессильным, умоляющим взглядом бросил в огонь записную книжку с его исповедью.

– Приехали, ваше преосвященство, – объявил водитель.

Эрриага поглядел на деревенский дом, стоящий на вершине холма. Вскоре черный «ауди» остановился на площадке. Водитель вышел, открыл дверцу, и высокий прелат поставил на пыльный гравий ноги, обутые в английские туфли ручной работы.

Две монашки вышли ему навстречу.

– Добро пожаловать, ваше преосвященство, – проговорили они хором.

Кардинал торопливо перекрестил их склоненные головы.

– Вы обо всем позаботились?

– Да, ваше преосвященство. Выполнили все предписания.

– Хорошо, – похвалил он. – Проводите меня.

Сестры провели его в дом. Там пахло супом, как в монастырских трапезных. Эрриага подумал, что есть места, из которых этот запах никогда не

выветривается. Они поднялись по лестнице на второй этаж. Потом прошли по короткому коридору, и монахини ввели его в пустую комнату.

– Отсюда самый красивый вид, ваше преосвященство, – заявила одна из них.

Эрриага тут же подошел к окну, открыл его и оглядел окрестности. В самом деле, отсюда можно было видеть лежащую внизу долину, с виноградниками и лугами. Но не сельский вид интересовал кардинала.

Прямо под ним располагалось маленькое футбольное поле, прямоугольник утоптанной земли. Две команды мальчишек сражались между собой, бегая за мячом.

– Как себя чувствуют сиротки? – спросил Эрриага. – Слушаются старших? Хорошо учатся? Едят вволю?

– Да, – подтвердила монахиня. – У них все хорошо.

Эрриага кивнул, довольный:

– Приятно слышать. – Поскольку он не мог спрашивать напрямую о единственном мальчике, который его интересовал, то и довольствовался общими сведениями обо всех сразу. На самом деле кардинал даже не знал, как этот мальчик выглядит, похож ли он еще на того малыша, чей снимок был напечатан в газетах девять лет назад. – Человек со шрамом на виске не возвращался?

– Нет, ваше преосвященство. После той ночи – нет, не приходил.

Эрриага закрыл окно. Он увидел достаточно.

– Я еще вернусь, – пообещал он и удалился.

Примечание автора

Пословица, которую знает весь мир, но неизвестно кем придуманная, гласит, что «Рим не за день строился».

Тем не менее я обнаружил: чтобы разрушить его, потребуется даже меньше времени.

Я давно знал, что Рим неоднократно претерпевал опустошения разного рода. Самым знаменитым считается пожар, будто бы устроенный по воле императора Нерона, но это не подтверждается историей. Чаше всего виновником разрушений оказывался Тибр.

И все-таки замысел этой истории пришел ко мне 19 февраля 2015 года, когда после футбольного матча между «Ромой» и клубом «Фейеноорд» из Роттердама голландские хулиганы (будь они прокляты!) за несколько минут разгромили площадь Испании, нанеся непоправимый вред фонтану Баркачча.

На следующий день, все еще взбешенный и полный негодования, я сидел в кабинете моего друга, профессора Массимо Паризи, и совершенно искренне интересовался, как бы я мог разрушить Вечный город меньше чем за сутки. Тот невозмутимо отвечал: «Очень просто: сделай так, чтобы пару дней беспрерывно лил дождь, и выруби электричество: через несколько часов начнется хаос». Потом весь остаток дня расписывал, какие катастрофические последствия комбинации столь банальных факторов ощутит на себе каждый житель Рима.

Но понадобился еще год изысканий, чтобы выверить достоверность совпадения такого рода факторов и их краткосрочный эффект. Мне пришлось консультироваться с различными специалистами – некоторые были весьма авторитетными в своей области, – ради того чтобы составить общую картину. Геологи, археологи, инженеры, градостроители и метеорологи рады были предоставить мне свою собственную версию апокалипсиса: это их позабавило. Мне пришлось усвоить много вещей, которых я не знал (и даже не думал, что когда-нибудь узнаю!).

Но в конце концов я оказался в силах разрушить Рим.

Должен признаться, что, излагая эту историю, я чувствовал себя злодеем из комикса. Такой деталью, как каптагон, которую я добавил к моему очень личному плану уничтожения города, я обязан Марте Серафини и познавательной статье, опубликованной в «Коррьере делла сера».

Кроме того, я многим обязан итальянской полиции, сотрудники которой все эти годы никогда не отказывали мне в консультациях и поддержке. В данных обстоятельствах они не только показали мне планы по обеспечению безопасности в случае стихийного бедствия, но и терпеливо отвечали на мои самые нелепые вопросы.

Поскольку я хотел на этих страницах передать ощущение растерянности и клаустрофобии, я принял предложение Франческо Орфино пойти с ним на экскурсию по подземельям Рима. Патрицианская вилла, в которую попали Маркус и Сандра, существует на самом деле, и счастливые взгляды супружеской четы, владевшей этим домом, до сих пор охраняет тьма.

Как всегда, не могу обойти молчанием вклад моего друга отца Джонатана, вдохновителя всей саги о пенитенциариях.

Но самую сердечную благодарность я испытываю по отношению к Апостольской пенитенциарии – истинному Судилищу душ – и ко всем, кто на протяжении веков трудился там, чтобы сохранить драгоценный архив грехов. Узнать некоторых из них и быть принятым во дворце Апостольской канцелярии – большая честь, которой я никогда не забуду.

Благодарности

Стефано Маури, издателю – другу. И вместе с ним издателям всего мира, которые публикуют мои книги.

Фабрицио Кокко, Джузеппе Страццери, Раффаэлле Ронкато, Элене Паванетто, Джузеппе Соменци, Грациэлле Черутти, Алессии Уголотти и любезнейшей Кристине Фоскини. Спасибо за вашу страсть.

Эндрю Нюрнбергу, Саре Нанди, Барбаре Барбьери, Джулии Бернабе и удивительным сотрудницам литературного агентства в Лондоне.

Тиффани Гассук, Анаис Бакобзе, Айле Ахмед.

Эта книга была написана также благодаря вкладу, порой невольному, моей большой семьи, друзей старых и новых. Они приносят то, что я определяю как «вечное в настоящем», это люди, способные изменить жизнь, просто находясь рядом.

Излишне приводить имена: все они прекрасно знают, как я их люблю.

* * *

notes

Примечания

Один узел равен 1,852 км/ч, или 0,514 м/с.

2

Филе окуня по-пекински (фр.).

3

Смертный грех (лат.).

4

«Боже неописуемый», название буллы Пия IX, провозгласившей догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Была выпущена 8 декабря 1854 г.

5

Об умеренности (лат.).

6

О свободе воли (лат.) .

7

Естественная история (лат.) .